

ФЕДЕРАЛЬНО ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)

Выпускная квалификационная работа на тему:

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В АФИНАХ В СЕРЕДИНЕ V В. ДО Н.Э.

по направлению подготовки 030600 - *История*
образовательная программа бакалавриата *История*
профиль *Всеобщая история*

Выполнил:

студент IV курса
очного отделения

Карпунина Наталия

Алексеевна

(подпись)

Научный руководитель:

Д.и.н. Жестоканов Сергей

Михайлович

(подпись)

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	2
ГЛАВА I: Противостояние аристократических группировок в Афинах в годы первого персидского вторжения.....	11
§1. Отношение античных авторов к афинской демократии.....	11
§2. Настроения в среде афинской знати.....	28
§3. Марафонское сражение и суд над Мильтиадом.....	38
ГЛАВА II: Политическая борьба в Афинах в 480-е гг.....	42
§1. Первые остракофории.....	42
§2. Реформа архонтата.....	52
§3. Морская программа Фемистокла.....	57
ГЛАВА III. Гегемония Афин и ее влияние на внутреннюю политику государства.....	65
§1. Создание Делосской симмахии.....	65
§2. Нарастание афино-спартанского дуализма.....	71
§3. Военная и политическая деятельность Кимона.....	79
ГЛАВА IV. Триумф демократии.....	87
§1. Реформа Ареопага.....	87
§2. Начало "золотого века" Перикла.....	92
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	104
Список использованных источников и литературы.....	110

Введение

Актуальность темы. В V в.¹ свободный дух эллинской культуры достиг своей созидательной зрелости, плодами которой стали десятки новых образов и форм, по сей день питающих европейское искусство, науку и культуру, через язык и камень унаследовавших частицу того мощного творческого импульса. Новые идеи возникают в то время не только в области философии и художественного творчества – перемены самым существенным образом затронули также социальную и политическую сферы полисной жизни, в которой важное место начинает занимать феномен античной демократии. Сердцем и душой этой новой Эллады станут Афины. Этот удивительный рывок в познании и воплощении образов и идей был совершен ими в один из самых драматических периодов своей истории, когда государство находилось в одном шаге не только от порабощения, но и от полного уничтожения. Собрав вокруг себя союзников, Афины сбросили довлеющее над ними ярмо завоевателей и даже потеснили их – и там, на полях сражения при Марафоне и Платеях, в водах у Саламина, не только решалась судьба греческих городов, но закалялась и шлифовалась молодая клисфеновская демократия.

Трансформация государственного устройства Афин была начата еще при Драконте (Aristot. Ath. Pol., 4; 7) и продолжена при Солоне, реформами которого был введен новый имущественный ценз и обычай избрания архонтов по жребию (Aristot. Ath. Pol., 7-10; Dem. XVIII, 6-7)². Практика жребия при избрании высших магистратов предполагала предварительные выборы кандидатов по филам, благодаря чему от управления государствам отстранялись случайные лица. Однако процесс демократизации был прерван в конце VI в. установлением тирании Писистрата, скрывавшего под личиной «простата народа» честолюбивые помыслы

¹ Здесь и далее все даты до н.э.

² Существует, правда, дискуссионное свидетельство Аристотеля, согласно которому имущественный ценз был введен еще Драконом (Ath. Pol., 4).

о единоличном господстве (Aristot. Ath. Pol., 14). Успешная борьба против господства аристократии, осуществляемая в годы тирании, и консолидация демоса способствовали укреплению и дальнейшему развитию заложенных Солоном демократических тенденций. Писистрат нуждался в поддержке широких народных сил и в течении всего периода своего правления ему удавалось удерживать их в повиновении путем искусной демагогии. Однако при его наследниках Гиппархе и Гиппии обнаружила себя и достигла апогея ненависть народа к тиранам (Ath. Pol., 17), после свержения которых во главе афинского демоса встал Клисфен – выходец из древнего и почитаемого рода Алкмеонидов (Ath. Pol., 20). Его демократические реформы, проведенные на рубеже IV-V вв. стали следующим важным этапом изменения общественно-политической структуры полиса.

На сегодняшний день в историографии нет работ, посвященных комплексному и всестороннему исследованию политической борьбы в Афинах в первой половине V в., которые учитывали бы все последние достижения в области изучения афинской истории. Работы, посвященные внутренней и внешней политике государства, во множестве появляющиеся в последние десятилетия, так или иначе затрагивают лишь отдельные аспекты этой борьбы, оставляя нерешенным вопрос ее общей характеристики. Между тем, именно в этот период под решающим влиянием внешнеполитического фактора были заложены основы дальнейшего развития феномена афинской демократии.

Проблематика политической борьбы в Афинах в данный период актуальна тем более, что за последние десятилетия наши знания о ней обогатились новыми источниками – остраконами, недолгое применение которых в политической практике Афин охватывает интересующий нас период. Остраконы, активно исследуемые пока преимущественно зарубежными антиковедами, не только способны пролить свет на некоторые аспекты общественной жизни полиса, но также способствуют, будучи абсолютно аутентичным источником, уточнению некоторых противоречивых данных традиции (таких, как патронимика отдельных представителей политической элиты).

Источники. Исследование данных вопросов требует внимания и к событиям внешней истории полиса, и к специфике отдельных его институтов; к биографиям выдающихся политиков, и к актуальным требованиям основной массы свободного населения, находящимся в прямой связи с экономической и социальной обстановкой периода. Равное значение для освещения данной проблематики имеют правовые трактаты Аристотеля, исторические сочинения V в., просопографические этюды Корнелия Непота и Плутарха, а также эпиграфические памятники. Из последних особое значение имеют остраконы, исследование которых представляет собой прогрессивную область изучения истории афинской демократии.

При анализе непростой обстановки периода Греко-Персидских войн перед исследователем встает ряд проблем, лежащих в области источниковедения. Первая из них связана с тенденциозностью многих из дошедших до нас сочинений, затрагивающих сюжеты афинской истории первой половины и середины V в., а именно – с нескрываемой антипатией их авторов по отношению к крайней демократии. Так, консерватизм и склонность к аристократической форме государственного строя в разной степени проявляли Демосфен и Исократ, Андокид, даже бывший членом олигархической гетерии, а также ряд других авторов, из которых наиболее непримиримым противником демократии был анонимный автор «Афинской политики», некогда приписываемой Ксенофону (ср.: Dem., II, 24-26; XX, 89-91; Ps.-Xen. Ath. Pol., 1; Aristot. Pol., IV, 6. 2, 1292b; Isocr. Areopag., 21). Единственным автором, открыто симпатизирующим демократии, является Геродот – впрочем, основное внимание в главах, посвященных Греко-Персидским войнам закономерно уделяющий событиям внешней политики.

Вторая проблема связана с тем обстоятельством, что в большей части античных сочинений освещаются либо сюжеты, которые могли быть привлечены для демонстрации того или иного проводимого автором тезиса, либо наиболее яркие события и выдающиеся личности, интерес к которым не ослабевал даже спустя столетия – и в результате упущенной из вида оказалась целая масса незначительных с точки зрения авторов, но важных для нас деталей политической и общественной жизни. Ситуацию несколько облегчила находка в 1891 г.

«Афинской политики» Аристотеля, последовательно излагающей историю афинской демократии и ее институтов, хотя и в ней затронут лишь ограниченный спектр проблем государственной структуры полиса. В итоге, хотя мы располагаем относительно полными сведениями о высших магистратурах афинского государства, наши знания, к примеру, о его демовой структуре стремятся к нулю. А между тем, дем играл чрезвычайно важную роль в жизни афинского общества. Соседство естественным образом ведет к установлению тесных взаимоотношений, а компактность дема обусловила создание в его пределах сложной системы матримониальных, дружеских и политических связей, ввиду чего внутридемовая корпоративность и органическая связь гражданина с его демом являются важными факторами афинской публичной жизни. На уровне дема осуществлялось формирование политических воззрений гражданина и его знакомство с представителями других аристократических семей; выстраивались его первые дружеские связи, некоторые из которых могли впоследствии трансформироваться в связи политические; осуществлялись первые профессиональные шаги молодого деятеля на избранном им политическом поприще³.

Историография. Исследователи XIX – первой половины XX вв. проявляли большой интерес к институтам афинского полиса, и в это время были написаны труды, значение которых для современного антиковедения трудно переоценить. К ним относятся работы по истории Греции, написанные К.Ю. Белохом⁴, Г. Бузольтом⁵, С.Я. Лурье⁶, В.В. Латышевым⁷ – первопроходцем отечественного

³Вскоре после реформ Клисфена территориальное значение дема вновь начинает размываться: данные о демотике граждан не обновлялись, оставаясь такими же, какими были во времена реформатора, и гражданин считался членом того дема, к которому были приписаны на момент реформ его предки, а не того, в котором он фактически проживал. Это привело к тому, что уже по прошествии одного поколения демотика перестала соответствовать реальному местожительству ряда граждан, став своеобразным отражением его происхождения, в отдельных случаях приближаясь в этом отношении к патронимике. В силу данного обстоятельства демотика может привлекаться иногда для реконструкции семейных связей представителей афинской знати – см.: Суриков И.Е. Δημοτευταί: политическая элита аттических демов в период ранней классики (к постановке проблемы)// ВДИ. 2005. №1. – С.15-33

⁴Белох К.Ю. Греческая история: в 2 т./ Пер. с нем. М.О. Гершензона. – М., 2009.

⁵Бузольт Г. Очерк государственных и правовых греческих древностей. – Харьков, 1890.

⁶Лурье С.Я. История Греции. – СПб., 1993.

⁷Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Ч.1: Государственные и военные древности. – СПб., 1888.

антиковедения в области изучения эпиграфики, а также В.П. Бузескула, специально занимавшегося проблемами афинского государства⁸. В центре их внимания находился целый спектр исторических и правовых вопросов, связанных с афинским государством, рассмотрение которых нередко осуществлялось в контексте всеобъемлющей тематики эллинской истории вообще, а общий высокий исследовательский уровень и интегральный характер работ привели к фактическому исчерпанию вопросов, связанных с государственным устройством афинского полиса – во всяком случае, в рамках наличной нарративной традиции и памятников эпиграфики. Данное обстоятельство, равно как и методологические изменения, связанные с присущим прошлому столетию взаимопроникновением научных дисциплин и появлением новых областей познания, обусловили переход исследователей античности от рассмотрения институциональных вопросов афинской истории к анализу ее отдельных эпизодов, деятелей, тенденций, лежащих как в области государственно-правовой, так и семейной, культурной и экономической жизни государства. К таким "внеинституциональным" работам относятся, например, исследования У. Коннора, Р. Сили, Дж. Дэвиса, С.Г. Карпюк и Л.П. Маринович⁹. Привлечение более разнообразного материала, позволившего шире взглянуть на вопросы греческой истории, безусловно открыло новые горизонты изучения феномена афинской демократии.

С другой стороны, специфика афинской демократии предполагает своей фундаментальной, государственно-образующей чертой осуществление деятельности отдельных политиков, группировок и общественных сил именно на базе публичных государственных учреждений – в стенах Буле и Ареопага, традиционных институтов полиса, где идеи, убеждения и интересы этих деятелей и их окружения становились частью политической линии государства, независимо от того, были ли направлена эти убеждения и интересы на поддержание

⁸Бузескул В.П. Введение в историю Греции. – Птг., 1915; Он же. История афинской демократии. – СПб., 2013.

⁹Connor W.R. The new Politicians of Fifth-Century Athens. – Princeton, 1971; Sealey R. A History of the Greek City States ca. 700-338 B.C. – Berkeley, 1976; Finley M.I. Politics in the Ancient World. – Cambridge, 1983; Маринович Л.П. Античная и современная демократия: новые подходы. – М., 2001; Карпюк С.Г. Клифеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах., ВДИ. 1986. №1. – с.17 – 35.

существующего строя или на его реформирование. Необходимость комплексного рассмотрения вопросов политической истории Афин V в., осуществляемого на базе сопоставления результатов исследований XIX и XX вв. была впервые отмечена в работе М. Хансена, подвергнувшего аргументированной критике односторонность внеинституциональных исследований второй половины XX в.¹⁰

Что касается проблематики афинской демократии и ее становления в первой половине V в., то в числе наиболее значительных исследований последних десятилетий прошлого столетия стоит назвать в первую очередь работы уже упоминавшихся У. Коннора и Р. Сили, а также Ф. Фроста, П. Бикнелла, Д. Левиса и Ч. Форнары¹¹. В среде отечественных антиковедов интерес к вопросам истории Афин и жизни их отдельных деятелей заметно возрос, начиная с 1990-х гг. Из специальных исследований, вышедших на постсоветском пространстве, стоит отметить исследования И.Е. Сурикова¹², посвятившего целый ряд статей и монографий отдельным сюжетам, связанным с борьбой политических группировок в Афинах, начиная со времен Клисфена. Отдельного внимания заслуживают просопографические этюды исследователя. Украинским исследователем В.В. Ставнюком¹³ была издана монография, посвященная Фемистоклу – первое комплексное исследование жизни и деятельности политика, написанное на русском

¹⁰ Hansen M.H. The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983-1989. – Copenhagen, 1989. – P.263-269.

Впрочем, отдельные работы, посвященные исследованию институтов классических Афин, появлялись и в период господства нового направления. – см.: Wallace R.W. The Areopagos Council, to 307 B.C. – Baltimore, 1989; Traill J.S. The Political Organization of Attica. – Princeton. 1975.

¹¹ Connor W. R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. - Princeton, 1971; Онже. Lycomedes against Themistocles? A Note on Intra-genos Rivalry// Historia. 1972. 21. 4. - P. 569-574; Sealy R. History of the Greek City States ca.700-338 B.C. - Berkeley, 1976; Frost F.J. Themistocles' Place.....; Онже. Tribal Politics and the Civic State// American Journal of Ancient History. 1976. 1.2. - P. 66-75; Finley M.I. Politics in the Ancient World. - Cambr., 1984. - P. 64-65; Bicknell P. Themistocles' Father and Mother// Historia. 1982. 31. 2. - P. 161-173; Fornara C.W. Themistocles' Archonship// Historia. 1971. 20. 5/6. - P. 534-540; Fornara C.W., Samons L.J. II Athens from Cleisthenes to Pericles. - Berkeley, 1991; Lewis D.M. Themistocles' Mother// Historia. 1983. 32. 2. - P. 245; Онже. Notes on the Decree of Themistocles// The Classical Quarterly. 1961. 11. 1.- P. 61-66; Онже. Themistocles and Ephialtes// The Classical Quarterly. 1997. 47. 2. - P. 358-362.

¹²Суриков И.Е. 1) Политическая борьба в Афинах//ВДИ.2001.№2; 2) Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи: время расцвета демократии. – М.,2008. 3) Аристид «Справедливый»: политик вне группировок// ВДИ.2006.№1 – с.18-48; 4) Фемистокл: homo novus в кругу старой знати//История через личность: историческая биография сегодня. – М., 2005; 5) Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII-V вв. до н.э. – М.,2000.; 6) Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э.//ВДИ. 1995. №1.; 7) Суриков И.Е. Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи//Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч.1. – Казань,2000.

¹³Ставнюк В.В. Фемистокл и Афины: деятельность Фемистокла в контексте эволюции афинского полиса. – Киев, 2004.

языке. Исчерпывающий анализ событий внешней политики дает В.М. Строецкий, всесторонне рассмотревший проблематику взаимоотношений афинского государства с Пелопоннесским союзом, составившие главную канву эллинской истории "периклового века". Особым сюжетам политической борьбы в Афинах первой половины V в. посвящены некоторые статьи В.В. Шувалова и Г. Гущина¹⁴, характерной чертой исследований которых является акцент на просопографических вопросах. Что касается аристократических семейств полиса, составлявших на протяжении всего V в. оппозицию демократическому движению, то взаимоотношения и история двух наиболее влиятельных из них подробно рассматриваются в диссертации О.Ю. Владимирской¹⁵. Наконец, комплексное исследование феномена древнегреческой демократии было осуществлено латвийским антиковедом Х. Тумансом, монография которого представляет собой ценный экскурс в историю ее многовекового становления на почве Афин¹⁶. Как уже вскользь упоминалось, античные авторы не акцентировали своего внимания на настроениях и участии в политической жизни государства демоса, предпочитая изображение колоритных фигур знаменитых полководцев и дерзких реформаторов, в связи с чем исследователю подчас трудно составить более или менее уверенное представление о многих недостаточно освещенных в нарративных источниках явлениях полисной жизни. Изучение политической борьбы именно на афинском материале имеет в данном отношении свои преимущества, поскольку в нашем распоряжении имеются "живые свидетели" этой борьбы – остраконы.

Хронологические рамки. Содержание данной работы охватывает период между 495 и 449 гг. Данный временной отрезок позволяет проследить динамику развития социальных и политических институтов, тенденции общественной жизни и характер взаимоотношений между различными политическими группами, в

¹⁴Гушин Г. Фемистокл и Аристид: соперники или союзники?// ПИФК. Вып.3.; Шувалов В.В. 1) Морская программа Фемистокла// ВДИ.,2006.№2; Он же. Проблемы организации I Афинского морского союза// Мнемон. 2002. Вып.1 – с. 61-70.

¹⁵ Владимирская О.Ю. Алкмеониды и Филаиды афинские. – СПб., 1997.

¹⁶ Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII—V вв. до н. э.). — СПб., 2002.

борьбе которых за симпатии демоса были проведены важнейшие реформы, надолго определившие линии дальнейшего развития афинского полиса и феномена древнегреческой демократии в целом, и сами древние авторы считали 449 г. – год смерти Кимона – своеобразным рубежом, отделяющим умеренную демократию периода Греко-Персидских войн от времени безраздельного господства тирана-демоса и манипулирующих его симпатиями ловких демагогов.

Цели работы.

1. Реконструировать события и явления, оказавшие непосредственное влияние на ход и результат политической борьбы в данный период истории полиса.
2. Выявить основные социальные и политические тенденции развития афинского государства, повлиявшие на победу деятелей «демократического толка», а также динамику изменения их взаимоотношений с деятелями консервативных сил.
3. Определить степень влияния на характер и градус политической борьбы внешнеполитических и частных факторов.

Структура. Работа состоит из введения, 4-х глав, заключения и списка использованной литературы. В первом параграфе первой главы представлен обзор литературных источников и дан краткий обзор политических симпатий авторов привлекаемых сочинений, имеющих особое значение в связи с тем обстоятельством, что высокий социальный статус их подавляющего большинства мог повлиять на их оценку событий, имеющих непосредственное отношение к формированию демократии. Второй и третий параграфы охватывают вторую половину 490-х гг., вплоть до Марафонского сражения и последующего осуждения Мильтиада. Во второй главе рассматривается институт ostracism и связанные с ним научные дискуссии; первые случаи применения ostracism; взаимоотношения между Аристидом и Фемистоклом и осуществленное по инициативе последнего усиление афинского военного флота. Третья глава посвящена событиям 470-х гг. –

организации I Афинского Морского союза, оказавшего значительное влияние на характер внутренней политики полиса; возвышение Кимона, сына Мильтиада и остракизм Фемистокла. Четвертая глава отведена реформе Ареопага, событиям периода первого столкновения с Пелопоннесским союзом, возвышению Перикла, а также тем культурным изменениям, которые были непосредственно связаны с приходом к власти в полисе тирана-демоса.

Глава I. Противостояние аристократических

группировок в Афинах в годы первого персидского вторжения

1.1. Отношение античных авторов к афинской демократии.

Наиболее ранним источником для реконструкции событий греческой истории V в. является, безусловно, "История" Геродота, значение которой для исследования древности высоко оценивается современными антиковедами. Став первым опытом «всемирной истории», сочинение это является важнейшим источником для

реконструкции истории греков, персов и других народов ойкумены начиная с легендарного прошлого, а обильные этнографические этюды дают богатейший материал для описания быта, обычаев и верований этих народов и племен. Впрочем, обращение к Геродоту всегда требует некоторой осторожности, отнюдь не имеющей отношения к мнимой недостоверности приводимых им сведений. Известно, что «отец истории» опирался прежде всего на устные предания, которым придавал особую ценность перед другими источниками информации, ввиду чего некоторые события, хранящие следы нескольких вариантов услышанной им традиции (ср.: III, 122; V, 44), изложены им не вполне последовательно, а временами даже противоречиво¹⁷. С другой стороны, Геродот нередко подвергает приводимые им данные открытой критике (II, 73; 121; 131; IV, 5; 25; 105; VIII, 118-119), что определенно свидетельствует о добросовестности историка, строго следующего своему главному литературному принципу – сообщать обо всем услышанном, независимо от степени собственного доверия к источнику (Herod., VII, 152).

Геродота считают «первым певцом афинской демократии»¹⁸: на страницах его исторического труда впервые появляется сам термин *δημοκρατία* (IV, 137), которой "отец истории" обозначил новую форму власти, пришедшую на смену тирании¹⁹, а его «манифест демократии» (V, 78) настолько тенденциозен, что позволил некоторым исследователям допустить, что Геродот при написании своей "Истории" попросту исполнял заказ афинского Народного собрания²⁰. На мой взгляд, данное допущение не имеет достаточных оснований, поскольку, во-первых, нет ничего удивительного в том, что успехи Афин в борьбе против персидской

¹⁷Так, неоднозначна оценка, которую дает Геродот деятельности Фемистокла: в целом благоприятная, она несет отчасти следы и враждебного политическому преданию. – см.: Доватур. Повествовательный и научный стиль Геродота... – с.192.

¹⁸Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII—V вв. до н. э.). — СПб., 2002. — 544 с.

¹⁹Debrumer A. *Δημοκρατία// Demokratia. Der Weg zur Demokratie bei der Griechen.* – Darmstadt, 1995. – S.55-69. О преемственности политической терминологии афинских аристократов и демократов – см.: Исаева В.И. ...1994. – с. 95-97.

²⁰Meyer Ed. *Forschungen zur alten Geschichte.* – Halle, 1899. II. – p. 229; Jacoby F. *Charon von Lampsakos. Studi italiani di Filologia Classica* – Firenze, 1939. – P. 358; Лурье С. Я. Геродот. – М., Л., 1947. – с. 67-68.

угрозы и их стремительное возвышение поразили современников, и в их числе Геродота, заставив поверить в особое, исключительное место аттического полиса в истории Эллады; и, во-вторых, большое значение имело окружение галикарнасского историка, состоявшее из сторонников укрепления и расширения демократии²¹. Таким образом, ничто не препятствовало Геродоту быть убежденным сторонником демократического строя.

Демократические убеждения Геродота обнажают, в частности, некоторые эпизоды его исторического труда (III, 80-83; V, 66; V, 78). Например, именно так можно интерпретировать хрестоматийный рассказ о дискуссии знатных персов по поводу наилучшего государственного устройства (III, 80-83), и хотя победу в этом споре одерживает Дарий, прославивший монархическую форму власти, однако симпатии самого Геродота явно на стороне Отана – адепта демократии. Ответ на вопрос, почему «отец истории» напрямую не назвал демократию лучшей разновидностью государства, как будто не вызывает затруднений. Поскольку данный сюжет относится к персидскому логосу, Геродот, будучи историком, не мог грубо проигнорировать исторические факты – обстоятельство, не помешавшее ему, впрочем, дать на персидском материале описание вполне эллинизированной демократии²².

Как убедительно показал Штрассбургер²³, уже ко времени Пелопонесской войны сложилась концепция особой роли Афин в деле объединения Эллады: от Геродота и Платона, через творчество Исократы и Демосфена и вплоть до Элия Аристида концепция эта, в основе которой лежит сочетание «афинофильской» и антиспартанской идей претерпевала изменения, приняв окончательную, наиболее развитую форму ко II в. н.э. Как нетрудно заметить, в этом списке нет одного важного имени – имени Фукидида, который по своим политическим убеждениям

²¹ Гуманс Х. Рождение Афины ... - с. 407.

²² Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. – Л., 1991. – с.115-117.
Об использовании Геродотом специфически греческой терминологии (ἰσονομίη, στάσις и т.д.) – см.: Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. – Л., 1957. – с.138-141; 195-196.

²³ Strassburger H. Thukydides und die politische Selbstdarstellung der Athener// Herms. Bd.86. 1958. H.1. – S.17-40

далеко отстоит от этой концепции и даже разделяет, по мнению некоторых исследователей, убеждения противников афинской демократии. На мой взгляд, включение Фукидида в число олигархически настроенных авторов недостаточно оправданно, и более обоснованными выглядят позиции, на которых в данном вопросе стоит А.К. Бергер, убедительно показавший, что Фукидид является собой пример умеренного демократа или умеренного олигарха – что в сущности понятия практически синонимичны²⁴. Как бы то ни было, «История» Фукидида не оставляет впечатления произведения, написанного истовым поборником олигархического устройства, но скорее напоминает манифест политической соразмерности и пресловутой «золотой середины», поскольку Фукидид осуждает не столько основы афинской демократии, сколько ее чрезмерные притязания на общеэллинское господство (Thuc., VIII, 92). Отсутствие выраженного преклонения перед мощью и величием Афинского государства, свойственного труду Геродота, выгодно оттеняет сочинение Фукидида, предоставляя возможность более трезвого взгляда на события истории полиса. Что касается исторической составляющей труда Фукидида – которая, в конце концов, является основной, – то скрупулезность историка в отношении фактологического материала (и особенно в отношении хронологии) хорошо известна, и несмотря на то, что на взгляды Фукидида безусловно оказала воздействие непростая политическая обстановка второй половины V в., он сохраняет беспристрастность ученого, и его «История» служит для исследователя ориентиром, позволяющим не «утонуть» в обилии противоречивых свидетельств и спорных точек зрения более поздней традиции. Как и его старший современник, Фукидид уделяет внимание не только событиям, непосредственно интересующим его в связи с основной тематикой произведения – историей Пелопонесской войны, «наиболее важной и достопримечательной из всех, бывших дотоле» (Thuc., I, 1), но также событиям более ранним – в том числе тем из них, которые имеют непосредственное отношение к проблематике политической борьбы в Афинах в первой половине V в.

²⁴Бергер А.К. Политическая мысль древнегреческой демократии. – М., 1966. – с. 262.

Труды Геродота и Фукидида являются, в сущности, единственными современными бурным событиям V в. источниками, дошедшими до наших дней, поскольку в массе своей историческая литература данного периода утрачена. Это касается, в частности, «Путевых записок» поэта Иона Хиосского (Müller. FHG. II. 44) и сочинения Стесимброта Фасосского «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле» (Müller. FHG. II. 53)²⁵. Что касается последнего, то в историографии сложилась восходящая еще к Плутарху (Per., 13) тенденция крайне отрицательной оценки его художественных и исторических качеств. Ярким примером может служить та резкая характеристика, которую дал этому произведению Р. фон Пельман, по словам которого сочинение Стесимброта было ничем иным, как «страстным, богатым злостными выдумками, регистрирующим с чувством злобного удовлетворения самые гнусные сплетни памфлетом, написанным партикуляристически и, пожалуй, даже олигархически настроенным афинским подданным против афинского демоса и его величайших государственных идей»²⁶.

Интересным и уникальным в смысле политических воззрений его автора источником является трактат анонимного автора, долгое время приписываемый Ксенофону – так называемая «Афинская полития», на страницах которой автор, крайне олигархически настроенный афинянин, разоблачает пагубность современного ему демократического устройства. По мнению исследователей, автором трактата могли быть Критий, Фриних, Фукидид Алопекский, Алкивиад или любой другой способный к грамотному изложению своих воззрений противник демократии²⁷. Напряженная обстановка V в. позволяет предположить, что жанр политической литературы, в котором составлена и анонимная «Афинская полития», получает в это время широкое распространение – иначе говоря, этот трактат вполне мог быть частью популярного в те годы литературного направления, и данный памфлет в таком случае представляет собой единственный образец широко распространенной в V в. политической литературы. Утрата большей части

²⁵К вопросу о подлинности этого произведения – см.: Schmidt A. Das perikleiche Zeitalter... – S.183

²⁶Пельман Р.фон. Очерк греческой истории и источниковедения. – СПб., 1999– с. 171.

²⁷Бузескул В.П, Введение в историю Греции... - с. 177-178.

подобных произведений в целом объяснима: сиюминутная идеологическая «пена» быстро схлынула, оставив в нашем распоряжении один из (мы можем лишь надеяться, что наиболее ярких) своих образцов. Чрезвычайно характерна и любопытна точка зрения автора трактата на политическое устройство современного ему полиса: несмотря на свою нескрываемую ненависть по отношению к демократии, он признает ее целесообразность. Любое же привнесение в государственное устройство Афин элементов олигархии приведет, с точки зрения автора, к плачевным последствиям, пагубно воздействуя на государственную политику – а следовательно, за неимением возможности радикальной перемены, следует оставить все таким, как есть (Ps.-Xen. Ath. Pol.,3). Для нас же трактат Псевдо-Ксенофонта интересен в первую очередь данным в нем подробным описанием политического устройства полиса, его особенностей и институтов, суждения о которых автора, судя по всему, лишены элементов идеализации.

Отдельно стоит отметить «Афинскую политику» Аристотеля, имеющую исключительную важность в контексте рассматриваемой проблематики и представляющую собой, несмотря на встречающиеся в тексте хронологические и событийные несоответствия, наиболее последовательное изложение политических перипетий и катаклизмов, в результате которых Афины к концу столетия стали образцом демократического полиса²⁸. Работа по составлению «Политий», осуществленная под руководством Аристотеля в рамках его перипатетической школы, потребовала от философа и его учеников анализа колоссального материала по государственно-правовой структуре греческих государств, часть которого в форме обобщающих тезисов вошла в «Политику» Аристотеля, составившую вместе с обнаруженной в 1891 г. «Афинской политией» весь имеющийся в нашем

²⁸Подробно об «Афинской политике» Псевдо-Ксенофонта – см. комментированное издание Калинки – Kalinka E. Die pseudoxenophontische Ἀθηναίων πολιτεία – Leipzig, 1913; Кагаров Е.Е. Спорные вопросы, связанные с псевдоксенофонтовой «Афинской политией»// Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1914. Вып. XX.; Бузескул В.П. Введение в историю Греции. – Пг., 1915. – с.177 сл.; Туманс Х. Псевдо-Ксенофонт – «старый олигарх» или демократ?// ВДИ. 2004. №3. – с.14-27.

распоряжении корпус государственно-политических трудов философа²⁹. Все сведения о правовых реалиях полиса рассматриваются Аристотелем в русле фундаментальных рассуждений о монархии и статисе, и приводимый философом материал несет на себе признаки его подчинения единой политической концепции автора. В сборе материала для «Политий» самое деятельное участие принял ближайший ученик философа – Теофраст из Эреса, занявший после смерти учителя пост схолярха перипатетической школы. Работы Теофраста известны лишь во фрагментах (Plut. Nic., 11; Schol. Lucian. Tim., 30), однако Диоген Лаэртций приводит их обширный перечень, некоторые позиции которого позволяют предположить, что в трактатах ученика Аристотеля содержались интересные сведения о политической культуре и законодательстве Афин (Diog. Laert., V, 42-50).

Следующий значительный пласт традиции, представляющий для нас интерес, составляют речи афинских ораторов конца V – IV вв. Возникшее еще в V в., ораторское искусство в Греции первоначально было тесно связано с софистикой и служило бродячим учителям мудрости в качестве одного из главных инструментов научной аргументации. Социальные и политические особенности афинского государства предопределили выделение риторического мастерства в отдельный род занятий, требующий от желающего освоить его упорного труда и овладения специфическими приемами устной речи, и хотя изначально афиняне скептически отнеслись к риторическим фигурам представителей софистической школы – достаточно вспомнить ядовитые выпады на этот счет Аристофана (Nub., 99; 889-1104) – уже ко времени Перикла ораторское искусство стало неотъемлемой частью повседневной жизни полиса. Однако, хотя красноречие и представляет собой особый феномен древнегреческой культуры, сами эллины не отделяли искусства слова и умения держать себя на трибуне от утилитарной стороны такого рода мастерства, за исключением жанра эпидейктического красноречия, используемого ораторами для демонстрации своего искусства перед учениками и почитателями. Грамотно и по всем правилам составленные речи звучали в

²⁹О дискуссии вокруг предполагаемого времени создания трактатов – см.: Ruschenbusch E. Die Quellen... - S.75; К вопросу об авторстве «афинской политики» - см.: Доватур А.И. Политика и Политии Аристотеля. – М., Л., 1975.

Народном собрании и на судебных процессах; могли спасти состояние гражданина и его жизнь, могли привести к его политическому триумфу или к гибели в том случае, если звучали из уст обвинителя. Эллины говорили много: до нас дошли речи надгробные, судебные и торжественные, и даже диалогическая форма, в которую облек свои философские изыскания Платон, демонстрирует то огромное значение, которое придавалась в древних Афинах живому слову³⁰. Кроме того, поскольку в условиях "face to face society", каким был афинский полис, жизнь граждан напрямую была связана с деятельностью коллегиальных учреждений, функционирующих на основании принципов гласности и публичности, то занятие общественной деятельностью рано потребовало глубокого овладения навыками ораторского мастерства. Политик, умело облакающий мысли в слова, с большей вероятностью добивался сочувствия народной массы и признания своей программы действий, примером чему может служить знаменитая надгробная речь Перикла (Thuc., II, 35-46)³¹. В силу всех перечисленных факторов Афины стали родиной и полем деятельности для целой плеяды блестящих ораторов древности, наследие которых составило яркую страницу мировой литературы. Среди них прежде всего следует назвать Лисия, Андокида, Исократа и Демосфена, речи которых являются ценным источником по истории афинского государства V в.

Корпус речей Лисия, наиболее раннего из интересующих нас ораторов, в речах которого риторическое искусство достигло значительных художественных высот, представляет собой собрание любопытных сведений о социально-экономической, политической и повседневной жизни афинского полиса второй половины V в. Лисий родился ок. 459 г. и некоторое время жил и работал в Фуриях – южноиталийской колонии Афин. Однако в 412 г., после афинской катастрофы на Сицилии, демократия в колонии была свергнута и Лисий вынужден был бежать в Афины. Данный случай уже сам по себе демонстрирует неприятие оратором

³⁰О публичном красноречии – см.: Покровский А.И. О красноречии у древних эллинов. – Нежин, 1903; Козаржевский А.И. Античное ораторское искусство. – М., 1980; Фролов Э.Д. Факел Прометея. – с.326 сл.

³¹Здесь рассматривается только политический фактор роста значения красноречия в классических Афинах; другим фактором развития ораторского искусства было увеличение числа судебных процессов. О судебном красноречии – см.: Чистякова Н.А., Вулих Н.В. История античной литературы. —М., 1971. – с. 173.

олигархического государственного устройства. Обычай искать параллели в прошлом, свойственный всем греческим ораторам, существенно усиливает их историческую ценность для реконструкции реалий более раннего времени, и творчество Лисия служит очередным подтверждением этого тезиса. В контексте рассматриваемой здесь проблемы нас более всего будут интересовать те из речей оратора, в которых он затрагивает вопросы институтов и права афинского государственного устройства (VII; XXX).

Одним из наиболее известных политических ораторов IV в. был Исократ, сыгравший важную роль в развитии культуры и идеологии своего времени. Вплоть до начала XX в. творчество Исократа рассматривали исключительно в русле филологии, однако в настоящее время его речи широко привлекаются в качестве источника для историко-политических штудий, и уже в этом новом качестве заняли прочное место среди важнейших документов по истории полиса классического периода и периода поздней классики. Исократ родился ок. 436 г. до н.э., общался в молодые годы с софистами и Сократом, был учеником Горгия и, возможно, Ферамена – одного из вождей афинского олигархического движения (Cic. Orat., 52; 176; Dionis. Isocr., I; Ps-Plut. Vitae X or., II,1). Последнее обстоятельство для нас представляется интересным, поскольку позволяет сделать определенные выводы о политических убеждениях оратора. Разумеется, само по себе обучение под началом представителя олигархической оппозиции еще ничего не говорит о предпочтениях Исократа, однако в защиту тезиса об олигархической направленности его творчества можно привести целый ряд других аргументов. Так, известно, что в годы логографической деятельности оратора его клиентуру составляли в основном лица, так или иначе связанные с олигархическим движением (Isocr., XVI; XVIII; XIX)³², а в одной из своих речей он прямо предлагает отказаться от афинской морской гегемонии (VIII, 64), Учитывая, что связь между ростом морского могущества и развитием демократии была хорошо известна еще со времен Псевдо-

³² Данный аргумент может показаться иррелевантным; однако, на примере Лисия, который был сторонником демократии, мы видим, что ораторы предпочитали защищать лиц, убеждения которых они разделяли – см.: Фролов Э.Д. Факел Прометея... – с. 330.

Ксенофоновой «Афинской политике»³³, данный пассаж Исократы должен быть интерпретирован, как еще одно свидетельство олигархических симпатий автора. Кроме того, в этой же речи Исократы содержится ставшее к тому времени общим местом в трудах олигархически настроенных авторов утверждение, согласно которому жизнь состоятельных граждан тяжелее и полна больших горестей, нежели жизнь бедняков (VIII, 127; ср.: Xen. Sympos., IV, 29; Oicon., II, 2). Наконец, наиболее полное отражение антидемократические воззрения Исократы получили в его «Ареопагитике», в котором за риторическими фигурами и оборотами скрывается, в сущности, простой тезис, согласно которому управление государством должно находиться в руках образованного и состоятельного меньшинства (VII, 21). Стоит отметить, что именно «Ареопагитик» Исократы представляет для нас в связи с рассматриваемой нами проблематикой наибольший интерес из всего наследия оратора.

Продолжает плеяду афинских ораторов Андокид, речи которого были написаны в последние годы Пелопонесской войны, хотя достоверность его сведений и подвергается иногда сомнениям. Между тем, некоторые примеры позволяют говорить о недооцененности исторической точности оратора: так, долгое время признавалось недостоверным его упоминание об изгнании остракизмом афинского атлета-панкратиаста Каллия, сына Дидимия (IV, 32)³⁴, однако после находки соответствующих остраконов скептически настроенные против оратора исследователи были вынуждены признать данные Андокида надежными. До нас дошло 3 речи, принадлежность которых Андокиду не вызывает сомнений («О своем возвращении», «О мистериях» и «О мире с лакедемонянами»). Еще одна речь («Против Алкивиада»), в древности бесспорно приписываемая оратору, современными исследователями признана фиктивной – однако, по иронии именно эта последняя речь содержит целый ряд важных, хотя порой

³³Бузескул В.П. Введение в историю Греции. – Пг., 1915. – с.128.

³⁴Carcopino J. L'ostracisme athenien. 2 ed. – P., 1935. – P.112.; Swoboda, 1919 – S.1616; Суриков И.Е. 2006 – с.157.

дискуссионных свидетельств – так, например, значительный ее фрагмент посвящен институту остракизма (IV, 6)³⁵.

О жизни оратора мы знаем немного: известно, что он происходил из знатного рода и состоял в одном из тайных олигархических сообществ – возможно, в том самом, к которому принадлежал Алкивиад, и сделал во время процесса гермокопидов разоблачающее заявление, в котором возложил вину за разрушение герм на членов этого сообщества (Andoc., I, 34; 49). Последствия выступления Андокида были весьма серьезными: связь Алкивиада с представителями олигархической молодежи полиса бросила на него тень не только в деле гермокопидов, но и в ряде других процессов об осквернении святынь. Все это повлекло за собой обвинение Алкивиада и косвенным образом отразилось на результатах Сицилийского похода афинян, душой и вдохновителем которого был Алкивиад. Известно, что Андокид и другие ранее обвиненные по делу гермокопидов граждане были освобождены. В сущности, больше о жизни Андокида нам ничего не известно, однако его речи служат не только основным источником по делу гермокопидов, но также содержат отдельные сведения об афинском судопроизводстве и олигархических сообществах полиса.

Наконец, завершит обзор представителей риторического искусства Демосфен, в творчестве которого это искусство достигло вершины своего развития. От наследия этого выдающегося оратора до наших дней дошли 61 речь, 56 схолий к речам и 6 писем. Весь корпус его речей условно можно разделить на три группы – речи политические, судебные и частного характера (к ним относятся, в частности, речи против опекунов, произнесенные Демосфеном лично). Нас больше всего будут интересовать политические речи, из которых наибольшей известностью пользуются 8 речей против Филиппа Македонского – так называемых «Филиппиков» (три «Олинфские речи», «О мире» и «О делах в Херсонесе» и три речи «Против Филиппа»). Демосфен, как это следует из анализа его творчества,

³⁵О творчестве Андокида подробнее – см.: Фролов Э.Д. Из истории политической борьбы в Афинах в конце V в. до н.э. (Андокид и процесс гермокопидов)// Андокид. Речи, или история святогатацев. – СПб, 1996. – с.23; Никитюк Е.В. Оратор Андокид и процессы по обвинению в нечестии (ασεβεια) в Афинах на рубеже V-IV вв. до н.э.// Вестник СПбГУ. 1996. Вып.3. – с.23-36.

принадлежал к числу преданных сторонников демократического строя и адептов идеи панэллизма с господствующим положением в союзе греческих государств Афин³⁶. Следует отметить, что Демосфен в своих политических убеждениях являет собой пример крайней категоричности суждений: в отличие от некоторых других авторов – например, Фукидида и Аристотеля – он не признает никаких компромиссов между демократией и олигархией, равно как и никаких «переходных форм» наподобие умеренной демократии Аристотеля (Demosth. XXIV.75)³⁷. Таким образом, его речи относятся к редкому типу источников, написанных демократами.

В IV в. к афинской пентаконтэтии обращались не только философы или риторы, изложение которых было в значительной степени подчинено преследуемым целям демонстрационного характера, но и историки, среди которых стоит отметить недошедшие до нашего времени, но заслужившие широкое признание в античное время труды учеников оратора Исократ – Эфора (известен в извлечении Диодора – XI, 37) и Феопомпа (История Филиппа – в экскурсе «О демагогах» – Plut. Them., 19; 25; Athen., XII, 533a; IV, 166 d-e; Schol. Aristoph. Vesp., 941; Schol. Lucian. Tim., 29)³⁸, произведения которых активно привлекалось поздними биографами (Plut. Cim.; Per.)³⁹. Другой пласт утерянной традиции составляют сочинения аттидографов (Гелланика, Клидема, Фанодема), в которых должны были содержаться ценные сведения как о демократических институтах полиса, так и об истории развития специфической афинской государственно-правовой конституции – в широком смысле этого слова⁴⁰.

В эллинистическое и римское время общий объем литературной продукции возрос, однако сведения о ранней истории греческих полисов – в том числе Афин –

³⁶Радциг С. И. История древнегреческой литературы – М., 1982. – с.337-341.

³⁷Так, Стагирит выделяет 4 формы демократии, градуируя их от наиболее умеренной к самой крайней (Pol.IV.4. 2-5); о политических взглядах Демосфена – см. – Бергер А.К. Политическая мысль древнегреческой демократии. – М., 1966. – с.264 сл.

³⁸Bröker L.O. Modern Quellenforscher und antike Geschichtschreiber. – 1882.

³⁹Пёльман Р.фон. Очерк греческой... – с. 173

⁴⁰Обаттидографах – см.: Jacoby F. Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens. – Oxf., 1949.

несли уже на себе все признаки вторичности, однако ввиду утраты нами значительного числа потенциально ценной исторической и политической литературы, эти позднейшие свидетельства приобретают для нас особое значение. В данном отношении внимания заслуживает «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского – добросовестного компилятора, не подвергающего искажениям данных своих источников. Особо стоит отметить его аккуратность в отношении хронологии, позволяющую в некоторых случаях уточнить и скорректировать сообщения других авторов, подчас довольно туманные. Другим автором, еще имевшим перед глазами труды Эфора, Феопомпа и аттидографов и активно привлекающим их в своих трактатах был Плутарх, автор «беспредельного числа составленных им книжек» (Suid. s.v. *Πλούταρχος*). Он по праву считается одним из наиболее плодовитых греческих писателей, все наследие которого условно можно разделить на два больших блока: произведения этического характера (и биографии). Сочинения первой группы довольно разнообразны: есть среди них и трактаты политико-философского характера, и сочинения об экономике, и рассуждения на повседневные темы. Одним из наиболее интересных «моральных» сочинений является трактат «О злокозности Геродота», представляющий собой любопытный (хотя и радикальный) образец исторической критики.

Освещение сюжетов социально-политической истории требует обращения скорее ко второй группе произведений Плутарха – к его знаменитым «Сравнительным жизнеописаниям», которыми зачитывались еще во времена Шекспира. Произведение это представляет собой попарно расположенные биографии греческих и римских деятелей, сгруппированных по принципу сходства их характеров и судьбы. Несмотря на выраженное подчинение исторического материала моральному аспекту, свойственное его просопографическим этюдам, Плутарха нельзя назвать недобросовестным автором: приводимые им анекдотические зарисовки никогда не переходят той грани, что отделяет анекдот от нелепого и безосновательно слуха, а сведения других авторов передаются им аккуратно и точно. Впрочем, использование «Параллельных биографий» в качестве

исторического источника все же требует некоторой осторожности в силу их специфики, о которой предупреждает читателя сам Плутарх (Alex. 1).

Структура государственной власти, борьба за ее реформы и демократизацию и столкновения честолюбивых политиков – все эти сюжеты на первый взгляд имеют хорошее освещение в источниках. Однако, ни один из перечисленных авторов не дает нам достаточно полного изложения событий: историки основной акцент делают на событиях общеэллинского масштаба, а философы и ораторы рассматривают интересующие нас эпизоды афинской истории в контексте конкретных философских или правовых проблем, что существенно затрудняет их анализ. Таким образом, наша хорошая осведомленность о кипучей политической борьбе в Афинах первой половины V в. представляет собой лишь видимость, и в то время как некоторые отдельные эпизоды хорошо освещены нашей традицией, другие продолжают вызывать вопросы и разногласия⁴¹. Кроме того, в центре внимания античных авторов находились деятели, портреты которых могли быть нарисованы яркими красками, широкими мазками: такими были создатель одной из величайших империй древности Александр Македонский или законодатель Солон. Лицо «маленького человека» при этом терялось на фоне этой галереи блистательных деятелей античности. Наконец, еще одной трудностью на пути изучения общественной жизни греческого полиса, также связанной со спецификой письменных памятников, является тот факт, что многие политические реалии долгое время не фиксировались в источниках в силу их общеизвестности, так что сведения о многих практиках классической эпохи мы можем почерпнуть, в лучшем случае, из речей ораторов IV в. Все эти факторы существенно затрудняют реконструкцию многих важных феноменов политической жизни полиса.

Для устранения или, во всяком случае, сглаживания данных проблем на помощь исследователю приходят памятники эпиграфики – надгробные памятники, сохранившие печать настоящей, не «облагороженной» риторическими приемами

⁴¹Это относится, например, к афинским государственным институтам: хотя нам хорошо известна общая полисная структура, назначение многих учреждений до сих пор остается неизвестным – например, Совета Ареопага, истории и функциям которого здесь будет посвящен отдельный параграф.

жизни; политические декреты и списки должностных лиц, благодаря которым удается восстановить хронологию событий в тех случаях, когда сведения традиции противоречат друг другу или оставляют лакуны; наконец, отдельную группу эпиграфических источников, имеющих особый интерес именно для анализа политической борьбы в Афинах, составляют остраконы, изучение которых позволяет взглянуть на «демократию в действии» и «из первых рук» получить сведения о некоторых с трудом поддающихся анализу категориях общественной жизни античного времени⁴². В этом отношении изучение остраконов составляет прогрессивную область антиковедения. Необходимость тщательного исследования этих любопытных памятников постулируется уже с первых послевоенных лет, когда среди антиковедов впервые возникла идея создания комплексного исследования, посвященного истории и специфике института остракизма. На основе работы, в течении нескольких десятилетий проводимой в этом направлении немецкими антиковедами, была выпущена в свет коллективная монография, изданная под руководством Раубичека и включающая обширный каталог найденных остраконов с подробным историческим комментарием⁴³. В отечественном антиковедении институт остракизма традиционно рассматривался в русле нарративной традиции, и целый ряд исследователей обращался к его рассмотрению в общих работах по истории Афин. На сегодняшний день исследованием остракизма, как специфического феномена афинской публичной жизни, плотно занимается И.Е. Суриков.

Само название ὀστρακισμός происходит от «ὀστρακόν» - «черепок», отражая тем самым вторичный признак, поскольку известно, что, например, в Сиракузах при проведении аналогичной процедуры использовались масличные листья, в связи с чем и сам институт носил там название петализма⁴⁴. Еще византийские

⁴²Новейший каталог остраконов составлен Бренне – см.: Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des S. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. – Wien, 2001. – S.87-314

⁴³Ostrakismos-Testimonien I. Die Zeugnisse antiker Autoren der Inschriften und Ostraka über das athenische Acherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487-322 v. Chr.)/ Hrsq. Von P. Siewert. – Stuttgart, 2002

⁴⁴Самые ранние свидетельства того, что остракизм не был феноменом исключительно афинской общественной жизни, содержатся в трудах Аристотеля: по словам Стагирита, подобная форма имела место также в Аргосе (Pol., III. 8. 20, 1284 a). О сиракузском петализме – см.: Aristot. Pol., V, 2. 11, 1303 a-b; Diod., XI, 72-73; 76; 86-87.

эрудиты (Eustath. ad. Hom., XVIII, 543) возводили этимологию слова к лексемам ὄστρεϊον (раковина) и ὄστῆον (кость), что подчеркивало важнейшее качество остракона – быть выполненным на твердом материале⁴⁵. При этом размер и другие параметры потенциальных остраконов нигде не регламентировались – отсюда такое разнообразие имеющихся у нас образцов: от фрагментов черепицы и осколков краснофигурных ваз до цельных сосудов. Первый остракон был найден в 1867 г. и содержал имя Мегакла, сына Гиппократата из дема Алопека, об изгнании которого в 480-х гг. нам известно из нарративной традиции (Pind. Pyth., VII, 18; Andoc., IV, 34; Lys., XIV, 39; Aristot. Ath. Pol., 22).

Главная ценность остраконов, как вещественных памятников тех напряженных политических интриг и дебатов, на фоне которых происходило формирование и развитие зрелой афинской демократии, заключается их современность событиям, сопряженная с относительной легкостью идентификации. Однако даже имея в своем распоряжении тысячи свидетельств изгнания того или иного лица, снабженное образными эпитетами, сообщающими косвенно о мотивах изгнания, мы останемся почти слепы: остраконы могут «заговорить» только через посредство нарративной традиции. Ярким образцом, демонстрирующим как важность изучения остраконов, позволяющих существенно дополнить наши знания о политической истории и социальной обстановке афинского полиса, так и необходимость активного привлечения для их интерпретации данных письменных источников, может служить пример Каллия, сына Крития, имя которого обнаружено на 700-х остраконах⁴⁶. С одной стороны, отсутствие данных нарративных источников в данном случае затрудняет удовлетворительную интерпретацию находки, и в этом отношении остраконы – живое свидетельство того, что в нашем знании об античности, несмотря на обилие разнообразного фактологического материала, по-прежнему остаются значительные

⁴⁵Об остраконах – см.: Lang M. Ostraka (The Athenian Agora. V. 25). – Princeton, 1990.

К дискуссии вокруг правомерности отнесения к числу остраконов другого памятника, обнаруженного в 1853 г. и содержащего имя Менестрата – см.: Zahn R. Ostrakon des Themistokles// MDAI (A). 1897. Bd.22. – S. 346.

⁴⁶О Каллии, сыне Крития – см.: Bicknell P.J. Studies... P.64-76; Суриков И.Е. Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи// Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. – Казань, 2000. – с. 103-104.

лакуны. Однако, с другой стороны, именно в силу новизны сведений, доставляемых нам посредством изучения этих памятников эпиграфики, они способны пролить свет на некоторые ранее неизвестные нюансы общественной жизни полиса.

Что касается тех нередких случаев, когда мы можем интерпретировать остраконы в контексте письменной традиции, то в этом случае их исследование позволяет ощутимо откорректировать знания, к примеру, о некоторых отдельных кандидатах в изгнанники. Так, к примеру, прочтение остраконов позволило уточнить патронимику двух демагогов второй половины V в. – Клеофонта, сына Клеиппида из дема Ахарн⁴⁷, а также Гипербола, сына Антифана из Перифедов⁴⁸. Таким образом, обнажая неполноту наших знаний о некоторых особенностях общественной жизни греческого полиса, остраконы в то же время способствуют устранений некоторых из имеющихся в нем пробелов.

1.2. Настроения в среде афинской знати.

Несмотря на обилие исследований, проблематика политической борьбы в афинском полисе в V в. содержит в себе множество дискуссионных моментов, одним из которых является вопрос о критериях, на основании которых мы можем выделить существование в классических Афинах политических группировок, основанных на принципах единства убеждений, как это было, к примеру, в политических союзах и партиях Нового времени, некоторое время назад антиковедами действительно предпринимались попытки поляризовать общественную жизнь афинского полиса в соответствии с принципами политической дихотомии Аристотеля, согласно которой каждый политик Афин был либо проводником демократических идей, либо сторонником господства

⁴⁷ Vanderpool E. Klephon// *Hesperia*. 1952.v.21.№2. – P.114-115

⁴⁸Находка остраконов с именем Гипербола подтвердила точку зрения Андрутиона на вопрос о патронимике демагога (FGrHist.324.F43).

аристократии⁴⁹. Так, долгое время исследователи довольно однозначно оценивали политическую деятельность Фемистокла, как пример последовательной демократической политики, в то время как его политический противник Аристид рассматривался преимущественно как деятель аристократического толка⁵⁰. Однако, демократический строй в Афинах был установлен еще намного раньше: начало ему было положено еще Солоном, установившим имущественный ценз и обычай избрания архонтов по жребию (Aristot. Ath. Pol., 7-10; Dem. XVIII, 6-7), а продолжился этот процесс при Клисфене, важнейшей из реформ которого стало создание нового, основанного на территориальном принципе административное деления, мельчайшей и важнейшей единицей которого становился дем⁵¹. Само название *δημοί* было введено отнюдь не самим реформатором: еще в архаическое время так назывались аттические местечки и околотки, получившие при Клисфене новый статус и ставшие частично самоуправляемыми политическими единицами. По словам Аристотеля, при введении нового принципа организации полиса Клисфен преследовал определенную цель – а именно, «смешать» население Аттики, чтобы как можно большее число людей получило возможность участия в делах государства. Для осуществления этого плана Клисфен разделил территорию Аттики таким образом, чтобы в составе каждой филы оказалось по три тритии – по одной от города, прибрежной зоны и «средней земли» (Ath. Pol., 21). Кроме того, установление тирании обнажило перед афинской демократии необходимость защиты своей автономии от новых искателей личной власти, и с этой целью Клисфеном были созданы новые политические институты, одним из которых стал остракизм, впоследствии превратившийся в эффективный инструмент в руках борющихся между собой политических групп (Aristot. Ath. Pol., 22; Pol., III. 8. 2)⁵². Таким образом, в ходе реформ Клисфена в Афинах были заложены главные столпы демократической политики – гегемония Народного собрания и основанного на

⁴⁹Зельин К.К. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н.э. – М., 1964. – с.250; Суриков И.Е. Политическая борьба в Афинах// ВДИ.2001.№2. – с.123-124.

⁵⁰Лурье С.Я. История Греции. – СПб., 1993. – с.249.

⁵¹Об афинских демах – см.: Osborne R. Demos. The Discovery of Classical Attica. – Cambridge., 1995.

⁵²Исключение составляли магистратуры, требующие специальных навыков – такие, как стратегия.

принципах коллегиальности, подотчетности и гласности Совет 500; принцип жребия при избрании магистратов и новое территориально-административное деление, упраздняющее традиционный родовой принцип. важный и могущественный инструмент для изгнания неугодных или чрезмерно возвысившихся деятелей. Впрочем, «суд черепков» был хотя и «почетной», но радикальной мерой, и отнюдь не трудно представить себе ситуацию, при которой афинский демос, видя усиление одного из сограждан, предпочитал, тем не менее, не изгонять его из полиса, находя больше пользы в его пребывании в пределах государства⁵³. Поэтому в афинской практике существовали некоторые инструменты, позволяющие очень выборочно ограничивать инициативу политических деятелей – особенно, в сфере законодательства. Одной из самых интересных форм этого ограничения является практика *γραφή παρανόμων* – «жалоба на противозаконие», представляющая собой одну из главных опор демократического устройства⁵⁴. Реформы Клисфена стали очередным этапом демократизации Афин, которым еще предстояло опробовать введенные им механизмы народовластия и трансформировать в соответствии с новым государственным устройством традиционные институты, не затронутые реформами рубежа столетий⁵⁵.

Таким образом, деятельность всех афинских группировок рассматриваемого периода осуществлялась уже в обстановке более или менее сложившегося народовластия. Другой вопрос – в чем проявлялось это народовластие, и каким образом, насколько эффективно осуществлялся диалог между демосом и проводниками его воли – то есть политиками, борьба которых за власть и составляет тематику этой работы? Ведь очевидно, что демократический строй

⁵³Подобным образом обстоит дело, например, с Мильтиадом: будучи еще вчера тираном Херсонеса Фракийского, он вряд ли был желанным гостем в демократических Афинах – об этом свидетельствует, в частности, первый суд, организованный против него (Herod., VI, 104). Однако, он был полезен для афинского демоса в его борьбе против персов, с военной организации которых Мильтиад был хорошо знаком.

⁵⁴Бузольт Г. Очерк государственных и правовых древностей... – С. 160.

⁵⁵Из всех коллегий, функционирующий в полисе уже в первые десятилетия V в., самому Клисфену с большой долей вероятности можно приписать лишь учреждение коллегии 10 приемщиков для заведования государственной казной, а также коллегии 10 стратегов, унаследовавшей функции, ранее находившиеся в ведении полемарха (Aristot. Ath. Pol., 22).

предполагал диктат магистратам воли народа, но никак не наоборот. Аристократия осталась реформами недовольна, и ее глухой протест против демократического режима пронизал собой всю дальнейшую историю его функционирования.

В 1960-х гг. биполярный подход к рассмотрению деятельности афинских политических группировок, берущий начало от Аристотеля, был подвергнут критике ввиду признания полицентричности политической жизни полиса и афинского гражданского коллектива, представляющего собой сложный, очень дифференцированный по имущественным, правовым, профессиональным признакам социальный организм, в составе которого нашлось место и консерваторам, и поборникам прогресса; и сторонникам народовластия, и честолюбивым искателям власти; и патриотам, убежденным в особой роли Афин, и лаконофилам; и панэллинистам, и тем, кто был уверен в несостоятельности межполисных союзов⁵⁶. Данное обстоятельство обнажило необходимость введения новых критериев, одним из которых стал принцип соответствия политической линии деятелей тем или иным задачам и направлениям внешней политики. По мнению ряда исследователей⁵⁷, характер этой борьбы во многом определялся семейными и матримониальными связями, существующими между аристократическими фамилиями, к которым принадлежали те или иные политические деятели. Собирая группы сторонников и выступая с инициативой или протестом, афинские политики V в., согласно этой гипотезе, действовали, прежде всего, в интересах семейств, связанных с ними дружественными или родственными взаимоотношениями. С другой стороны, рассмотрение вопросов, связанных с внутренними событиями афинской истории возможно лишь в контексте тех колоссальных по своему значению внешнеполитических катаклизмов, в которые полис был всецело вовлечен, и многие исследователи берут

⁵⁶Connor W.R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. – Princeton, 1971. – P. 30-32; Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды... - с. 18.

Строгецкий В.М. Гражданский коллектив полиса (проблемы становления и особенности развития в архаический и раннеклассический периоды)// Античный полис. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. – СПб, 1995. – с.5-12.

⁵⁷Connor W.R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. – Princeton, 1971 – P. 10-14; Sealey R. A History of the Greek City States ca. 700-338 B.C. – Berkeley, 1976. – P.157; Frost F.J. Tribal Politics and the Civic State// American Journal of Ancient History. 1976. 1. 2. – P. 66-75; Finley M. I. Politics in the Ancient World. – Cambridge., 1984. – P. 64-65.

в связи с этим за основу дифференциации политических сил отношение лидеров политических группировок полиса с его главными внешними антагонистами – Персией, политика которой в отношении Эллады в целом и Афин в частности приняла к началу V в. поистине драматический оборот, и Спартой, соперничество и периодические союзы с которой составили главную событийную канву афинской политики уже в пределах Греции⁵⁸.

Греко-Персидская война, начавшаяся с восстания ионийских полисов, стала очередным актом вечного противостояния между Западом и Востоком, от исхода которого зависела на этот раз судьба греческих государств. Главным нервом политической борьбы в полисе после восстания ионийских полисов стал вопрос о целесообразности открытого разрыва отношений с персидским двором. Афинские граждане оказались разделены на два лагеря: сторонников умиротворения с Ахеменидами и пропагандистов вступления в открытые военные действия. Впоследствии стоявший перед деятелями афинской демократии вопрос – «быть или не быть войне с Персией?» был снят самой историей, однако в течении 490-х гг. часть афинской знати – и в первую очередь Алкмеониды, еще имела на востоке экономические интересы. Другой областью разногласий являлись взаимоотношения со Спартой, военная мощь которой была необходимым условием победы, а враждебное афинскому равноправию олигархическое устройство вызывало одинаково сильное отторжение народа и симпатии состоятельных граждан, часть которых видели в спартанской политической модели подобие афинского "благозакония" времен Солона (Isocr. Ageor., 61).

Лозунги помощи ионийским полисам и разрыва отношений с Персией пользовались, по-видимому, большой популярностью среди аристократии,

⁵⁸ Так, И.Е.Суриков в решении данного вопроса отталкивается от приверженности той или иной группы граждан определённой линии внешней политики государства, выделяя на этом основании четыре «партии»: 1. Проперсидскую (так называемые «друзья тиранов»); 2. Умеренно проперсидскую и антиспартанскую (Алкмеониды); 3. Антиперсидскую, но проспартанскую (Мильтиад, Кимон); 4. Антиперсидскую и антиспартанскую (Фемистокл). – см.: Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи: время расцвета демократии. – М., 2008. – с. 145 сл.; Суриков И.Е. Аристид «Справедливый»: политик вне группировок//ВДИ.2006.№1 – с. 18-48. Иную систематизацию много раньше предложил П.Г. Виноградов, разделив политические течения и их последователей по нетривиальному принципу степени пацифизма, образно окрестив сторонников агрессивной внешней политики «ястребами», а их антишовинистически настроенных оппонентов – «голубями» – см.: Виноградов П.Г. История Греции. Лекции 1900/1гг. – М., 1901. – с. 349.

прекрасно осознающей те экономические выгоды, которые сулило подобное предприятие в случае победы, а пресловутая «восточная роскошь», лишаящая сна алчущих быстрого обогащения выходцев из знатных фамилий, вполне могла привлечь и рядовых граждан, для которых благополучие полиса прямо коррелировалось с их личным благосостоянием. Сторонникам войны удалось осуществить несколько удачных акций, направленных на усиления раздражения против персидского царя в среде своих сограждан, одной из которых стала постановка в 492 г. трагедии Фриниха «Взятие Милета», сюжетом для которой послужило подавление восстания в ионийских полисах. Исследователями было выдвинуто предположение, что трагедия была поставлена не без помощи Фемистокла – убежденного противника Персии, популярность которого существенно возрастает к концу 490-х гг.⁵⁹

В центре внимания античных авторов по понятным причинам находятся представители высшей политической элиты полиса, и не случайным представляется то обстоятельство, что подавляющее большинство тех из них, чья жизнь и деятельность лучше освещены традицией, были выходцами из знатных аристократических родов⁶⁰. Уже одно свидетельство Геродота, выстраивающего свою апологию Алкмеонидов с опорой на их происхождение (IV, 125), явно демонстрирует, насколько существенным оставался критерий знатности в жизни афинского общества даже после клисфеновских реформ⁶¹. Особое положение знати

⁵⁹Предположение об участии Фемистокла в постановке «Взятия Милета» основывается на том обстоятельстве, что и впоследствии он будет хорегом Фриниха (Plut.Them. 5) – см.: Ставнюк В.В. Фемистокл и Афины: деятельность Фемистокла в контексте эволюции афинского полиса. – Киев, 2004. – с.126-128; Гушин Г. Фемистокл и Аристид: соперники или союзники?//ПИФК. Вып.3. – с.4.

⁶⁰О правомерности употребления термина «род» (γένος) применительно к Алкмеонидам – см.: Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды... - с.20.

⁶¹Политическая позиция Алкмеонидов не раз становилась предметом исследования антиковедов и представляет собой проблемный вопрос греческой истории. Основная дискуссия идет вокруг известного эпизода с поднятым щитом, приводимого Геродотом. Poleмика вокруг достоверности этого рассказа была начата еще в античное время: так, сам Геродот подвергает сомнению приводимые им слухи, ссылаясь на знатность и добродетельность Алкмеонидов; умолчать о данном эпизоде, даже заведомо ложном, историку не позволило, судя по всему, постулируемое им кредо – «говорить все, что слышал». К вопросу о мнимом предательстве Алкмеонидов обращается и Плутарх, между прочим, эксплуатирующий данный сюжет в своем трактате «О злонамеренности Геродота» против самого историка.

– в особенности, происходящей из Алкмеонидов и Филаидов или имеющей с ней семейные и дружественные связи – позволяло некоторым афинским деятелям быстро пройти все начальные этапы политической карьеры: так, Аристид, Ксантипп и Перикл уже в молодости – настолько рано, насколько позволяли это законы государства – начинают занимать должности уже на общеполитическом уровне, миновав, возможно, некоторые необходимые для рядовых граждан ступени афинской «табели о рангах» – иначе говоря, демовые магистратуры⁶². Из вышесказанного следует вывод как о сохранении аристократией ведущих позиций в полисе во всяком случае в первые десятилетия после клисфеновских реформ, так и об исключительных способностях и политической интуиции тех из деятелей классических Афин, кому удалось, несмотря на свое не столь древнее и почитаемое происхождение, преодолеть жесткую инкорпорированность властной элиты, чтобы стать одним из «первых граждан» государства. Ярким примером такого возвышения, идущего вразрез с традиционной практикой формирования правящей элиты, может служить жизнь Фемистокла, биография которого уже в древности привлекала внимание авторов.

Фемистокл, сын Неокла из дема Фреарры был необычной фигурой на фоне своих соперников – выходцев из древних аристократических родов. В силу принадлежности сельскому дему семья будущего политика не обладала полезными для него связями, а отсутствие традиций политической деятельности среди предков Фемистокла, способных осветить его восхождение по лестнице общественного признания «славой отцов», поставило его в положение, плохо сопоставимое с обычной карьерой будущего «первого гражданина»⁶³. Фемистокл был в среде городской аристократии «новым человеком», не знакомым с ее обычаями и

⁶²Косвенным следствием пренебрежения авторов к демовым магистратурам является дефицит наших знаний об этой, без сомнения важной области политической жизни. В результате дем, как феномен государства, никогда не становился предметом специализированного исследования иначе, чем с точки зрения его узких административно-территориальных функций – см.: Суриков И.Е. *Δημοκρατία: политическая элита аттических демов в период ранней классики...* - с. 15.

⁶³За своё происхождение Фемистоклу пришлось расплачиваться и горькой монетой – пренебрежением и снисходительным отношением к нему, как к «выскочке» из аристократических «низов» представителей других, более знатных афинских семейств – об этом подробнее см.: Суриков И.Е. *Античная Греция. Политики в контексте эпохи...* – с. 151.

привычками⁶⁴. В отличие от своих сверстников из Алкмеонидов, Филаидов или Кериков, ему нечего было «наследовать» в отношении пристрастий и убеждений, и в то время как большинство афинских эвпатридов были связаны матримониальными или дружескими связями не только между собой, но и с гражданами других государств, он позволял себе свободу выбора политических ориентиров и независимость в принятии решений⁶⁵.

Характерно, что античные авторы, изображая Фемистокла, зачастую проявляют тенденцию к «очернению» его образа, относятся к нему с пренебрежением и даже недоброжелательностью. Так, Корнелий Непот изображает его «разгульным» в своём времяпрепровождении юнцом, лишённым даже за свою неумеренность наследства (Nep. Them., 1), в то время как Плутарх отмечает абсолютное равнодушие будущего «простата народа» к наукам, равно как и ко «всем предметам, которые изучаются для развития нравственности», так что позднее ему даже приходилось терпеть насмешки «людей, считавших себя воспитанными», и защищаться от их нападков тем, что хотя «лиру настроить и играть на псалтири» он не умеет, однако знает, как сделать великим безвестный город (Them., 2; Sim., 9). С другой стороны, по словам Плутарха, причины этого крылись в сознательно сделанном Фемистоклом выборе в пользу познания одной науки – науки государственного управления, которую он осваивал под руководством Мнесифила Фреарского (Them., 2). Кроме того, и ни один автор не отрицает того, что в своей политике Фемистокл всегда ориентировался исключительно на интересы родного полиса, прилагая все силы для достижения им статуса сильнейшего государства Эллады, на пути к реализации которого более, чем кто-либо другой, апеллировал к демосу (Plut. Them., 4-5)⁶⁶. В молодые годы

⁶⁴ Античная традиция сохранила сведения о якобы «нечистом» происхождении Фемистокла со стороны матери (Nep. Them., 1; Plut. Them., 1; Athen., XIII, 37). По словам Плутарха, незаконнорожденные собирались в те годы в Киносарге – гимнасии за городскими воротами, и именно Фемистокл уговорил некоторых молодых аристократов ходить с ним вместе в Киносарг, тем самым «уничтожив разницу между полноправными гражданами и незаконнорожденными» (Plut. Them., 2). Впрочем, у нас нет уверенности в том, что перемены в положении незаконнорожденных были непременно связаны с деятельностью Фемистокла, поскольку традиционно большее значение придавалось в Афинах положению отца.

⁶⁵ Шувалов В.В, Морская программа Фемистокла//ВДИ.,2006. №2. – с.23.

⁶⁶ Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи... – с. 152.

никому не известный амбициозный «выскачка из Фреарры» мог быть, правда, связан с другими аристократическими группировками, в том числе с отдельными представителями Алкмеонидов – косвенно в пользу данного предположение свидетельствуют заключение им брака с Архиппой из дема Алопека, где была расположена их главная резиденция (Plut. Them., 23), а также то обстоятельство, что и в родном демосе политика располагались усыпальницы и родовые поместья представителей этого знатного рода⁶⁷.

Под протекцией ли Алкмеонидов, или с опорой на собственные силы, но Фемистокл быстро набрал популярность в полисе, уже в 493 г. стал архонтом-эпонимом (Dion. Hal., VI, 34)⁶⁸, организовав в этой должности строительство новой гавани в Пирее (Thuc., I, 93-95; Paus., I, 1,2)⁶⁹ – мероприятия, хорошо вписывающегося и в контекст его дальнейшей политики⁷⁰. Стоит отметить, что предпринятое Фемистоклом строительство было обусловлено объективными военно-стратегическими задачами, поскольку ещё до вторжения персидских войск полис ощутил последствия подавления ими ионийских полисов, потеряв владения на севере и северо-востоке Эгеиды (Herod., V, 1-2; 26; VI, 31-33; 41). Другим ощутимым ударом по экономике полиса стала утрата им контроля над морским путём в Причерноморье, ставшим уже необходимым сегментом внешней

⁶⁷ Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII-V вв. до н.э. – М., 2000. – с. 179. Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи... – с. 154; Суриков И.Е. Фемистокл: homo novus в кругу старой знати// История через личность: историческая биография сегодня. – М., 2005. – с. 567-568. Однако, с такой точкой зрения согласны не все исследователи, считая аргументацию Сурикова недостаточно убедительной – см.: Шувалов В.В. Морская программа Фемистокла... – с.28

⁶⁸ Геродот в своем изложении событий 483/2 гг. характеризует Фемистокла как политика, лишь недавно выступившего на политическом поприще (Herod., VII, 143); на основании данного свидетельства некоторые исследователи предположили, что Фемистокл занимал должность архонта-эпонима именно в этом году, а не в 493/2 гг. – см.: Ставнюк В.В. Фемистокл и Афины: деятельность Фемистокла в контексте эволюции афинского полиса. – Киев, 2004.

⁶⁹ Некоторые исследователи полагают также, что в 493г. Фемистоклу удалось добиться и постройки триер – см.: Куторга М.С. Персидские войны: Критическое исследование событий эпохи древнегреческой истории. – СПб., 1858 – с.209; Лурье С.Я. История Греции... – с. 253.

⁷⁰ Строительство Пирея осуществлялось в два этапа: начатое в год архонства Фемистокла, оно надолго прерывалось и было завершено уже после Платейской битвы (Thuc., I, 93-95). Армянская версия хроники Евсевия относит предпринятое Фемистоклом строительство к первому году 71-й Олимпиады, что соответствует 496/5 гг. (Ol., 71. 1), однако, в данном случае представляется неуместным отдать этому сообщению предпочтение перед более аутентичным сообщением такого пользующегося доверием автора, как Фукидид.

аттической торговли⁷¹. Таким образом, инициатива Фемистокла была продиктована насущными экономическими потребностями государства. С другой стороны, укрепление Пирея может косвенно свидетельствовать и о стремлении политика перевести афинские морские силы на «военные рельсы», поскольку Фалер, долгое время удовлетворяющий нуждам афинского мореплавания ввиду близости к городу и скромных потребностей небольшого торгового флота, не мог, однако, вместить в себя массивные военные суда (Paus., I, 1, 2; Diod., XI, 41). В отличие от него, Пирей отлично удовлетворял нуждам военного флота, поскольку состоял даже не из одной, а из трёх гаваней, отвесные скалы которых служили естественной защитой как от непогоды, так и от неприятеля, что делало его идеальным местом для размещения военных судов (Aristot. Ath. Pol., 19)⁷².

В афинском обществе, однако, ещё сильны были позиции земельной аристократии, заинтересованной в сохранении солоновской системы комплектования армии (Aristot. Ath. Pol., 7), в то время как экипажи кораблей формировались из фетов - наиболее обездоленных и бесправных представителей гражданского населения. Состояние нашей традиции не позволяет сделать вывод, насколько успешным оказался замысел Фемистокла. Так, нам известно, что строительство Пирея осуществлялось в два этапа (Thuc., I, 93; Herod., V, 85; VI, 116; Diod., XI, 41; Plut. Them., 19), однако нет никакой уверенности в том, что оно было прекращено в результате противодействия недоброжелателей Фемистокла, а не ввиду того, что первоначальный план строительства не предполагал масштабных работ и не вследствие успеха Марафонской битвы, снизившей градус персидской угрозы и ставшей наглядной демонстрацией преимущества сухопутных войск⁷³. С другой стороны, у нас есть свидетельство Стесимброта, переданное Плутархом (Plut. Them., 4), согласно которому Фемистокл осуществил свою Морскую программу, лишь «одержав победу над Мильтиадом», и поскольку

⁷¹Шувалов В.В. Морская программа Фемистокла... – с. 32.

⁷²Работы в одной из них – Мунихии – были начаты ещё Гиппием в 511г., однако прекратились после свержения тирании (Aristot. Ath. Pol., 19).

⁷³Бузескул В.П. История афинской демократии... - с. 132.

очевидно, что данный пассаж не может быть отнесен к событиям конца 480-х гг., поскольку Мильтиад скончался значительно раньше, то его следует, скорее всего, отнести как раз ко времени архонтства Фемистокла, когда им было начато строительство Пирея.

Таким образом, на пути осуществления своих планов Фемистокл встретил достойных противников, устранение которых могло быть осуществлено лишь путем апелляции к демосу, а обращение к нему с подмостков театра – активно развивающегося в эти годы вида искусства, занявшего положение на стыке культуры и политики, было решением остроумным и взвешенным. Согласно традиции, Фриних был подвергнут наказанию за то, что напомнил согражданам печальные события недавнего прошлого (Herod., VI, 21). Впрочем, исследователи подходят к данному эпизоду с большим прагматизмом, нежели Геродот: так, по одной из версий процесс над Фринихом был инициирован Алкмеонидами⁷⁴, позиции которых в середине 490-х гг. заметно усилились, подтверждением чему служит избрание в 496/5 гг. на должность архонта-эпонима Гиппарха, сына Харма (Diod. Hal., V, 77) и тестя бывшего тирана Гиппия, находящегося при дворе персидского царя⁷⁵. Такой вывод логично следует из той позиции, которую занимали Алкмеониды по отношению к Персидской державе еще в конце VI в.: экономические интересы представителей этого рода в Персии могли послужить достаточным основанием для проведения мероприятий, направленных на затягивание назревающего конфликта с Ахеменидами. Одним из них и было, как можно предположить, выдвинутое против Фриниха обвинение, косвенно наносящее удар также и по позициям Фемистокла, усилия которого, направленные на раздражение народных масс (в том числе с подмостков театра), явно вставали деятелям из лагеря Алкмеонидов «поперек горла».

⁷⁴ Суриков И.Е. Политическая борьба в Афинах... - с.126.

Характерно, что именно Алкмеонидов Аристотель называл наиболее деятельными участниками политической борьбы в Афинах в этот период (Ath. Pol., 20).

⁷⁵ См.: Строецкий В.М. Геродот и Алкмеониды// ВДИ, 1977. №3. – с.152-153.

Усилия Алкмеонидов по предотвращению конфликта оказались напрасными: война с Персией близилась, приобретая все признаки неизбежности, а позиции ее пропагандистов в Афинах соответственно становились все более и более уверенными. В данной ситуации часть Алкмеонидов, вовремя осознавшая актуальные политические проблемы полиса, более чутко отреагировала на изменения внешнеполитического курса и примкнула, судя по всему, к лагерю сторонников войны, во главе которого находился Фемистокл, и принимают деятельное участие в организации сопротивления персидскому войску⁷⁶. Среди них оказался и Ксантипп, отец будущего выдающегося деятеля афинского государства Перикла.

1.3. Марафонское сражение и суд над Мильтиадом

Ксантипп, сын Арифрона, из дема Холарг принадлежал роду Бузигов (Aristid., XLVI, 130 cum Schol. = Eupolis Fr.96 Kock) – не такому знаменитому и блистательному, как Алкмеониды или Филаиды, однако также древнему и почтенному⁷⁷. С Алкмеонидами Бузиги могли породниться уже в 527/6 гг., когда будущий отец Ксантиппа Арифрон взял в жены одну из представительниц этого рода – сестру Гиппократы и Клисфена (архонта 525/4 гг.), имя которой неизвестно⁷⁸. Женой самого Ксантиппа впоследствии стала его двоюродная сестра, также принадлежащая к роду Алкмеонидов – Агариста, дочь Гиппократы, что еще более углубило связи между двумя родами. Таким образом, после изгнания Писистратидов и фактического установления в полисе власти Клисфена, его свояк и родственник Ксантипп получил возможность начать свою общественную

⁷⁶Впрочем, можно допустить, что Алкмеониды с самого начала и не рассчитывали на длительное сохранение мирных взаимоотношений с персами, но лишь надеялись выиграть время для обеспечения защиты своих экономических интересов на Востоке

⁷⁷Первым представителем Алкмеонидов, согласно мифической традиции, считался Алкмеон, правнук Нестора, изгнанного Гераклидами из Мессении (Apol., I, 9; Paus., II, 18), хотя сами они, возможно, причисляли себя к автохтонам (Herod., V, 62); Филаиды же возводили свой род к герою Аяксу (Herod., VI, 35).

⁷⁸Гипотеза, позволяющая таким образом интерпретировать связи Алкмеонидов с Бузигами, была выдвинута Бикнеллом. – см.: Bicknell P.J. Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants// Historia. 1974.23.2. – S.146-163

деятельность в кругу наиболее влиятельной афинской знати⁷⁹. Молодой политик пользовался, судя по всему, симпатиями и уважением среди Алкмеонидов, поскольку именно ему досталось после смерти Клисфена ставшее вакантным место лидера этого рода (Ath. Pol., 28)⁸⁰. Так, один из остраконов с именем Ксантиппа, названный исследователями «царицей острака»⁸¹, заслуживает особого внимания. Надпись на этом памятнике эпиграфики гласит: Ξανθ[ιππον τόδε] φεσὶν ᾽αλειτερόν πρὸς τὰ νεῖον / Τὸ στράκ[ον ᾽Αρρί]φρονος παῖδα μάλιστα ᾽αδίκηεν («Более всех преступен из оскверненных пританов / Сей черепок гласит – сын Арифрона Ксантипп» – Пер. И.Е. Сурикова)⁸². Ксантипп назван в тексте остракона ᾽αλειτερόν («оскверненным»), между тем как тот же термин неоднократно употребляется авторами по отношению к Алкмеонидам в связи с довлеющей над ними Килоновой скверной (Thuc., I, 126; Andoc., I, 130-131; Lysurg. Leogr., 117), и тот же эпитет встречается на острака против Мегакла, сына Гиппократ⁸³. Впрочем, имеющиеся в нашем распоряжении сведения о Ксантиппе носят фрагментарный характер и в большинстве случаев авторы упоминают о нем в связи с делом Мильтиада, выходца из рода Филаидов.

Мильтиад, сын Кимона Коалема и бывший тиран Херсонеса Фракийского вернулся в Афины в 493 г. после того, как потерпел поражение от финикийского флота в Меланском заливе (Herod., VI, 41). Как владетельный династ, Мильтиад был чужд демократическим Афинам и сразу после своего возвращения был привлечен к суду по обвинению в тирании (Herod., VI, 104)⁸⁴. Однако, как происхождение, так и доставляемое богатством могущество открывали перед Мильтиадом широкие

⁷⁹Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды... – с.17-19.

⁸⁰ Сведения об этом носят у Аристотеля эксплицитный характер: буквально он называет Ксантиппа «лидером демократов», что, принимая во внимание политическую концепцию философа, можно истолковать в том смысле, что Ксантипп встал во главе Алкмеонидов – см.: Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды... – с.19. Остракизм Мегакла, сына Гиппократ⁸³ может свидетельствовать о том, что его влияние среди Алкмеонидов также было велико (Aristot. Ath. Pol., 22).

⁸¹ Schreiner J.H. The Origin of Ostracism Again // CM. 1970 (1976). Vol. 31. P - P.88.

⁸²К интерпретации остракона – см.: Broneer O. Notes on the Xanthippos Ostrakon// AJA. 1948. V.52. №2. – P.341-343; Суриков И.Е. Ксантипп, отец Перикла: штрихи к политической биографии// ПИФК.2000. вып.8. – с.100-109.

⁸³Brenne S. Ostraka and the Process of Ostrakophoria// AAAD. – P. 13-24.

⁸⁴ См.: Бузескул В.П. История афинской демократии. – СПб, 1909. – с.97.

возможности для быстрого возвышения в среде афинской знати, что делало его опасным конкурентом политическом поприще для таких деятелей, как Фемистокл или Ксантипп. Как уже упоминалось, нас есть свидетельства о том, что между Фемистоклом и Мильтиадом существовали разногласия по вопросам целесообразности усиления морских вооружений (Plut. Them., 4), и несмотря на то, что и сам Мильтиад проводил активную морскую политику (Herod., VI, 41; 104; 140; Diod., X, 19; Nep. Milt., 1), именно под его руководством сухопутными силами афинян была одержана знаменитая победа при Марафоне, в очередной раз убедившая его сограждан в превосходстве традиционных вооружений над теми новшествами, к которым склонял их Фемистокл. Однако, поскольку авторы не акцентируют внимания на разногласиях, существовавших между двумя политиками, у нас нет оснований полагать, что они носили принципиальный характер. Теоретически Фемистокл, не связанный прочными узами с высшей аристократией, мог впоследствии даже рассчитывать на поддержку Мильтиада, с которым его сближала крайняя антипатия к Персии. Но если Фемистокл был в среде городской аристократии человеком новым, то отношения Мильтиада с Ксантиппом осложнялись давней враждой между «ненавистниками тиранов» Алкмеонидами (Herod., VI, 121) и Писистрадидами, с которыми Мильтиад находился до отъезда на Херсонес в дружественных отношениях (Herod., VI, 39)⁸⁵. В силу этих причин именно Ксантипп стал главным обвинителем Мильтиада после предпринятой последней попытки захватить о. Парос вскоре после Марафонского сражения.

Популярность Мильтиада после одержанных под его командованием победами над персами сначала при Марафоне, а затем во время неудачной попытки персов захватить оставшиеся без гарнизона Афины, возросла настолько, что его нетерпимые к любым проявлениям личной власти соотечественники даже

⁸⁵Здесь и далее мы будем рассматривать Ксантиппа в качестве представителя Алкмеонидов, поскольку он осуществлял свою деятельность, будучи признанным лидером этого рода. Кроме того, есть все основания полагать, что и современниками событий он воспринимался именно в контексте Алкмеонидов: так, целый ряд авторов называет Алкмеонидов *ἀλειτήροις* – «оскверненные» (Thuc. I.126; Eupolis fr.96 Kock.; Aristot. Ath. Pol. 20) – и тот же эпитет мы наблюдаем на остраконе, поданном против Ксантиппа. – см.: Суриков И.Е. По поводу новой публикации острака... – с.144.

выделили в его распоряжение флот и войско, что правда обернулось позже против самого Мильтиада. Впрочем, сын Кимона Коалема и до Марафона пользовался славой яростного противника персов: так, он оказал поддержку ионянам во время восстания против Дария (Herod., VI, 41) и им же было инициировано убийство послов персидского царя, прибывших в Афины с требованиями «земли и воды» (Paus., III, 12. 7). Наконец, именно Мильтиад убедил своих коллег по стратегии накануне Марафонского сражения в необходимости дать сражение персам, положив конец сомнениям полемарха Каллимаха (Herod., VI, 102-110). Таким образом, позиция Мильтиада по отношению к персидским захватчикам очерчена в традиции достаточно выпукло.

Непримиримость Мильтиада к персам и знакомство с их военной тактикой стали основанием для избрания его единственным стратегом с неограниченными полномочиями в обход обычной практики, предполагающей поочередное командование каждого из коллегии 10-ти стратегов. Это назначение, инициированное Аристидом (Herod., VI, 110; Plut. Arist., 5), привело афинян к победе, а самому Мильтиаду доставило славу и почитание, которыми он не преминул воспользоваться в собственных интересах. По просьбе Мильтиада афинское Народное Собрание предоставило в его распоряжение войско, с которым бывший тиран Херсонеса попытался захватить о. Парос с целью основать на нем новое княжество для себя и своих потомков. Попытка эта, окончившаяся неудачей, в конечном счете стоила Мильтиаду жизни – по возвращении в Афины он был приговорен к смертной казни, замененной денежным штрафом в 50 талантов и спустя год скончался в заключении (Herod., VI, 134-136; Nep. Milt., 1; Plut. Cim., 4)⁸⁶. Так окончилась жизнь блистательного политика и полководца, славу которого и колоссальную сумму долга перед государством унаследовал его сын Кимон.

⁸⁶Датировка похода Мильтиада колеблется в разных работах от осени 490 г. до н.э. (Walcker E.M. Marathon// САН. Vol. IV.1926. – P.252-253) и 489-м гг. (Белох Ю. История Греции/ Пер. М.Гершензона. Т.1. – М., 1897. – с.283; Пельман Р.фон. Очерк греческой истории и источниковедения/ Пер. С.А.Князькова. – СПб, 1910. – с.123

2.1. Первые остракофории

Впрочем, успехи в полисе одержавшего над Мильтиадом победу Ксантиппа продолжались недолго, и уже в 484 г. он был подвергнут остракизму. Остракофория, на которой был изгнан Ксантипп, стала четвертой за всю историю Афин – во всяком случае, если подразумевать под остракизмом лишь ту форму изгнания, которая была введена Клисфеном⁸⁷. Относительно времени введения остракизма в практику афинской общественной жизни существуют две противоречащие друг другу традиции: согласно первой из них, принадлежащей наследию Аристотеля, остракизм был введен еще в конце VI в. в ходе реформ Клисфена – к этой же традиции примыкает свидетельство Филохора, согласно которому Клисфен ввел процедуру остракизма с целью очистить Афины от сторонников тиранов (FGr Hist. 328. F30). Вторая, восходящая к аттидографу Андротиону, датирует появление института остракизма 480-ми гг. до н.э. (Androt. FGr Hist. 324. F6). Два фактора могут помочь примирить противоречия традиции: во-первых, это фрагментарность дошедших свидетельств Андротиона и авторитет Аристотеля; а во-вторых, убеждение самого Аристотеля в том, что остракизм ни разу не применялся на практике в течении 20-ти лет после его введения Клисфеном⁸⁸. Таким образом, в тексте Андротиона могла быть допущена даже не ошибка, а только неточность: за исключением тонкой разницы между введением остракизма *de jure* и началом его фактического применения в Афинах, его сообщение находится в русле свидетельства Стагирита⁸⁹. Любопытную, хотя и недостаточно аргументированную гипотезу выдвигает Раубичек, предположивший, что Клисфен специально вернулся в Афины после битвы при

⁸⁷ Некоторые исследователи высказывают сомнения относительно введения остракизма Клисфеном – см.: Berve H. Griechische Geschichte, Bd.1, Berlin, 1931. S.239-240; Hignett C.A. History of the Athenian Constitution ... – P. 159.

⁸⁸О датировке этого события – см.: Raubitschek A.E. Die Rückkehr des Aristides// Historia. – Bd.8, 1959. H.1. – S. 127-129.

⁸⁹О данных двух вариантов традиции о происхождении остракизма – см.: Douver K.J. Androtion on Ostracism// CJR. 1963. V.13. №3. – P. 151-152.

Марафоне, чтобы ввести остракизм. Впрочем, ряд современных исследователей не считают остракизм детищем Клисфена и допускают существование и некой доклизфеновской формы остракизма, связывая этот институт с древней практикой изгнания «козла отпущения», имеющей распространение не только в эллинских государствах, но и ряде государств Востока. На то, что в Афинах могла существовать близкая к остракизму форма изгнания, указывает и один фрагмент поздневизантийского манускрипта XV в., возможно восходящий к Феофрасту⁹⁰ и содержащий уникальные сведения о применении подобной практики в архаическое время (Vaticanus Graecus 1144.Fol.222^{rv}). Этот документ, согласно которому первоначально процедура подачи голосов проходила в Совете, а не в Народном собрании, вызвала обильную исследовательскую литературу⁹¹. Так, ряд исследователей предположил, что Клисфен лишь перенес остракизм из ведения Совета в компетенцию Народного собрания⁹².

Самое раннее описание технической стороны процедуры остракизма дошло в одном фрагменте рубежа IV-III вв., принадлежавшем аттидографу Филохору (FGH Hist. 328. F30). Согласно этому свидетельству, процедура остракизма проходила в три этапа: прежде всего проводилось предварительное голосование в Народном собрании; затем – подача голосов на афинской Агоре; наконец, завершалась процедура подсчетом голосов, в результате которого определялось имя изгнанника. Весьма дискутируемым в историографии вопросом является вопрос об интерпретации числа 6000, встречающегося в нашей традиции об остракизме. Авторы предлагают две версии, каждая из которых имеет ряд сторонников среди современных исследователей: первая из них содержится в указанном выше фрагменте Филохора, согласно свидетельству которого именно столько голосов должно было быть подано против одного политика для его изгнания. Иной вариант

⁹⁰ Keaney J.J., Raubitschek A.E. A Late Byzantine Account of Ostracism// *AJPh.* 1972. 93. 1. – P. 91.

⁹¹ Keaney J.J. Theophrastus on Ostracism and the Character of his NOMOI// *Aristote et Athenes/* - P., 1993. – P. 261-271; Raubitschek A.E. A Late Byzantine Account of Ostracism// *AJPh.* 1972. Vol. 93. 1. – P. 87-91; Гинзбург С.И. Малоизвестный византийский источник об остракизме// *Античное общество и государство.* – Л., 1989. – с.41-51; Суриков И.Е. Закон Клисфена... - с. 15 сл.

⁹²Интересна в этом отношении концепция единства общественной жизни афинского полиса, выдвинутая О. Мерреем – см.: Murray O. *Cities of Reason// The Greek City: From Homer to Alexander.* – Oxf., 1991 – P. 21.

традиции мы встречаем у Плутарха, согласно которому 6000 голосов были необходимым кворумом для признания остракофории состоявшейся (Plut. Aristid., 7).

Традиционно точка зрения Плутарха рассматривалась в античной науке, как более правдоподобная, однако целый ряд исследователей – особенно в последние десятилетия – склонен принять версию Филохора, как более аутентичную на фоне гораздо более позднего свидетельства Плутарха⁹³. Надо признать, что данная точка зрения имеет сильную аргументацию. Один из главных аргументов, приводимых сторонниками интерпретации числа 6000 в качестве кворума, необходимого для изгнания одного лица, заключается в том, что при проведении остракофорий собиралось большее, нежели на Народные собрания, число граждан: в пользу этого свидетельствуют как надписи на отдельных остраконах, сделанные чрезвычайно неумело и присутствие при проведении процедуры профессиональных писцов для оказания помощи неграмотным гражданам, так и само количество дошедших до нас надписанных черепков с именами отдельных деятелей⁹⁴. Добросовестность жителей сельской местности при посещении остракофорий может объясняться самим временем их проведения: к 6-8 пританеям, когда на экклесии ставился вопрос о необходимости проведения остракизма, большинство сельскохозяйственных работ были уже завершены, что позволяло крестьянам посещать в это время Народное собрание с меньшим ущербом. Но на мой взгляд, аргументация, основанная на умозрительном допущении, согласно которому афинские граждане с большей готовностью посещали остракофории, нежели рядовые собрания граждан, в целом иррелевантна: во-первых, мы не располагаем возможностью сравнить количество голосов, поступающих в дни остракофорий с аналогичными свидетельствами очередных собраний; во-вторых, ничем не подтверждается предположение о том, что подобная активность населения – в

⁹³Суриков И.Е. К интерпретации острака с северного склона Акрополя// Проблемы истории, филологии и культуры. – М., 1998. №6. – с.30-33; Он же. Закон Клисфена... - с.15 сл.; Гинзбург С.И. Малоизвестный византийский источник об остракизме// Античное общество и государство. – Л., 1989. – с.41-51.

⁹⁴Так, большой клад (в 5000 единиц) остраконов с именем Мегакла, сына Гиппократы, относящийся к одной остракофории, косвенно подтверждает версию Филохора – см.: Lehman G.A. Den Ostrakismos-Entscheid in Athens: von Kleisthenes zur Ara des Themistocles// ZPE. – Bd.41. – 1981 – S. 95.

случае, если она действительно имела место – нашла какое-либо отражение в общественной практике полиса. Однако сведения Филохора косвенно подтверждаются уже упомянутым византийским документом (*Vaticanus Graecus* 1144, fol.222), согласно которому кворум существовал и в доклизфеновских формах остракизма, осуществлявшихся в Совете, и составлял 200 человек – достаточно внушительное число, учитывая, что общее число членов Совета до Клизфена составляло 400 человек. Наконец, в качестве главного аргумента в пользу традиции Филохора ее сторонники выдвигают тезис, согласно которому остракофории были более посещаемым общественным мероприятием, нежели Народные собрания, а следовательно, число 6000 представляется совершенно ничтожным на фоне общего количества участников голосования.

Характерно, что остракизм не относится авторами к числу «наказаний» (*κόλασις*): так, Диодор неоднократно подчеркивает, что остракизм был средством *ταλειώσειν τὰ φρονήματα τῶν πλεῖστον ἰσχυρόντων*, а также эксплицитно сообщает о том, что закон об остракизме был принят с целью ослабить влияние тех, кто пользуется в полисе огромной властью (XI, 55 – ср.: *Plut. Aristid.*, 7; *Them.*, 22; *Demetr. FGrHist.* 228. F43)⁹⁵. О том, что остракизм воспринимался именно как «почетное изгнание» не только греческими и римскими интеллектуалами, но и рядовыми гражданами – участниками остракофорий, свидетельствует, в частности, надпись на одном из остраконов с именем Фемистокла, на котором надписавший его требует изгнать политика из государства «почета ради» (*τιμῆς ἕνεκα*).

Какими бы не были истоки этого института, нам не известно достоверно о случаях его применения вплоть до 487 гг., когда, по свидетельству Аристотеля (*Ath. Pol.*, 22), остракизму был подвергнут Гиппарх, сын Харма и тесть бывшего тирана Гиппия. В течении следующих двух лет последовательно были изгнаны и некоторые другие «друзья тиранов» – в том числе Мегакл, сын Гиппократа.

⁹⁵Обычай подвергать остракизму афинских граждан, облеченных властью, нигде не был закреплен законодательно, поэтому некоторые из найденных остраконов с именами лиц, неизвестных из письменных источников, могут отражать взаимоотношения частного порядка – таких, как распри из-за наследства или личная неприязнь. Такие остраконы не имеют конкретной, утилитарно-исторической значимости, однако интересны, как опыт сопричастности к жизни рядового гражданина древнегреческого государства – сродни тому, который мы испытываем при прочтении памятников надгробной эпиграфики.

Подробности его политической карьеры неизвестны, однако в 486 г. он был подвергнут изгнанию посредством остракизма, став вторым после Гиппарха афинским гражданином, павшим жертвой этой почетной процедуры (Aristot. Ath. Pol., 22)⁹⁶. Мегакл был досрочно возвращен из изгнания накануне битвы при Саламине вместе с другими афинскими гражданами. Именно Мегаклу, сыну Гиппократа принадлежит рекордное количество найденных на сегодняшний день остраконов, и 4,5 из 7 тыс. черепков с его именем принадлежат остракофории, в ходе которой он и был изгнан. Время остракизма Мегакла исследователи в соответствии с сообщением Аристотеля относят к 486 г., однако некоторые остраконы с именем Мегакла могут быть датированы и 470-ми гг., что подтверждает отчасти версию о его втором изгнании (Lys., XIV, 39)⁹⁷.

Относительно хронологии первых остракофорий в историографии существуют разногласия, связанные с ошибкой или неточностью, допущенной в этом месте текста Аристотеля, возможно, кем-то из его переписчиков (Ath. Pol., 22). По словам философа, остракизм был впервые применен спустя 2 года после Марафонского сражения, а на следующий год был изгнан Мегакл – и таким образом, «в течении 3-х лет изгоняли остракизмом сторонников тиранов». На третий год после 4-ой остракофории, в ходе которой был изгнан Ксантипп, были открыты рудники в Маронии и подвергнут изгнанию Аристид. Исследователями было предложено несколько вариантов в большей или меньшей степени вероятной интерпретации данного пассажа⁹⁸. На мой взгляд, наиболее выдерживающей критику является следующая реконструкция первых остракофорий, принятая на

⁹⁶После изгнания Мегакл отправился в Дельфы, где им была одержана победа в Пифийских играх – этой победе посвящена VII Пифийская ода Пиндара.
Другие версии датировки Мегакла – см.: Frost F.J. Themistocles and Mnesiphilus// *Historia*. 1971. Bd.20. Ht.1. – S. 20-25; Суриков И.Е. Острака как источник... - с.109; Он же. Афинянин Мегакл и Эретрия (к интерпретации одного остракона)// VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского: тезисы докладов. – М., 1999 – с.111; Он же. Остракон Мегакла... - с.18.

⁹⁷Либеро Л.де. 'Εκτός или 'εντός? Назначение места изгнания (Aristot.Ath.Pol.22.8) и остракон против Мегакла// ПИФК. 1998. Вып.5. – С. 89 сл.
Инициатором изгнания Мегакла мог быть Фемистокл. – см.: Суриков, 1997. – с.19.

⁹⁸Frost F.J. Themistocles' Place... - P.116; Williams G. M. E. The Kerameikos Ostraka // *ZPE*. 1978. Bd. 31. S. 103—113.

сегодняшний день большинством исследователей⁹⁹: вслед за изгнанными в 487 и 486 гг. Гиппархом и Мегаклом в 485 г. остракизму подвергся еще один неизвестный по имени сторонник тирании; в 484 г. был изгнан Ксантип, сын Арифрона; в 483 г. остракофория не состоялась - возможно, ввиду того, что никто из кандидатов на изгнание не набрал достаточного числа голосов; в 482 г. – Аристид, сын Лисимаха; в 481 г. остракофория не проводилась ввиду близости персов.

На многих остраконах первых лет применения института встречаются обвинения в медизме. Таким образом, молодая афинская демократия, лишь недавно прошедшая «крещение кровью» в сражении при Марафоне, словно очертила круг своих врагов, в который прежде всего вошли сторонники тиранов и соглашения с персами. Вопрос о том, насколько обоснованными были выдвигаемые против этих деятелей обвинения в связях с царем, и были ли подвергнутые подобным обвинениям представители афинской знати в действительности иметь какие-либо отношения с персидским двором, направленные против свободы своего полиса, достаточно сложен. Как известно, в связях с персами были «уличены» Алкмеониды – подробный рассказ о совершенном ими предательстве приводит Геродот: по его словам, во время Марафонского сражения персам был подан условный «сигнал щитом» из афинского лагеря – и «говорили», что сигнал этот был подан именно Алкмеонидами (Herod., VI, 115). Сам историк не отрицает, что «щит был тогда действительно поднят», Геродот не сомневается (VI, 124), однако, возражает «невероятным толкам» о причастности к измене Алкмеонидов, которые были, по его словам, «ненавистниками тиранов» (VI, 121) и даже «в гораздо большей степени освободителями Афин, чем сами Гармодий и Аристокитон» (VI, 123). Связь между доводами Геродота и его выводом о непричастности к предательству Алкмеонидов налицо: поскольку в лагере персов находился бывший тиран Гиппий,

⁹⁹ Raubitschek A. E Athenian Ostracism // C1J. 1953. V. 48. №. 4. P. 119; Bicknell P. J. Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // Historia. 1974. Bd. 23. Ht. 2. – P. 152; Kinzl K. H. Athens: Between Tyranny and Democracy // GEM. — P. 221; Lenardon R. J. The Saga of Themistocles. L., 1978. – P. 47; Карпюк С. Г. Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. 1986. № 1. С. 17—35; Строгоцкий В.М. Полис и империя... - с. 39; Суриков И.Е. Остракизм в Афинах... - с.133.

то именно он и занял бы, скорее всего, место правителя Афин в случае поражения последних (Herod., V, 73; VI, 109)¹⁰⁰.

Историк также апеллирует к происхождению Алкмеонидов, по-видимому считая этот довод серьезным основанием для признания их непричастными к персидской измене (VI, 125). Последнее обстоятельство, между прочим, служит характерным штрихом в контексте политической борьбы в Афинах в целом: значение, которое придавалось в полисе родовым связям, оставалось велико и во времена Геродота. Кроме того, в пользу невиновности Алкмеонидов может косвенно свидетельствовать и то распространение, которое получает в эти годы обвинение в медизме: немногим позже в связях с персами будет обвиняться даже Аристид, на одном из остраконов даже названный «братом Датиса». На основании приведенных доводов можно с большой долей вероятности утверждать, что участие Алкмеонидов в эпизоде с «поднятым щитом» было следствием интриг их недоброжелателей и не имело места в действительности¹⁰¹. Подобные обвинения поступали и в адрес других видных деятелей. Так, хотя Фемистокла было сложно уличить в возможных связях с персидским двором ввиду его ярко выраженной антиперсидской политики, однако в них был обвинен его сторонник Габроних, названный на одном из остраконов «μεδίζοντι» - т.е. «любящим персов»¹⁰². Обвинялся в медизме и Каллий, сын Крития (μεδός, ἐγ Μεδον, ἐκ Μεδον), о котором нам, впрочем, ничего более не известно, хотя большое количество остраконов с его именем позволяет сделать вывод о его влиянии.

Что касается Ксантиппа, то о его изгнании Аристотель, как уже отмечалось выше, прямо сообщает, что оно не имело отношения к тирании (Ath. Pol., 22) – а следовательно, и к возможным связям с персами: он был изгнан на четвертый год

¹⁰⁰ К вопросу об обвинениях в медизме в Афинах – см.: Holladay J. Medism in Athens 508-480 B.C.// Greece and Rome, 2-nd series, vol. XXV, N 2, 1978. P.174-191.

¹⁰¹ Агитирующие против своих политических оппонентов деятели вообще в этот период не стеснялись эксплуатировать печальные воспоминания своих сограждан, связанные с персидским вторжением, а само обвинение в медизме приобретало все черты обвинения в контрреволюции советского периода.

¹⁰² Против самого Фемистокла использовались другие, весьма образные эпитеты: так, на одном из остраконов он назван ΥΠΕΓΑΙΟΣ ἄγος – «проклятием земли». – см.: Berti M. Note storiche e prosopografiche agli di Μυρωνίδης φλωεύς dal Kerameikos di Atene// ΜΕΡ.1999.V.2. – P.99.

после первой остракофории, когда «стали подвергать изгнанию и из остальных граждан [кроме сторонников тиранов] всякого, кто только казался слишком влиятельным» (Aristot. Ath. Pol., 22). Таким образом, остаются две версии причин, побудивших афинских граждан к изгнанию Ксантиппа. Первая следует из самой специфики института, которую авторы определяют, как способ усмирить честолюбивых и могущественных политиков (Pind., VII, 18; Aristot. Pol., III, 8, 1284a.; V, 2, 1302b; Ath. Pol., 22; Diod., XI, 55; 87; XIX, 1; Plut. Them., 22; Per., 7; Alc., 13; Arist., 7; Polid., VIII, 20) – иначе говоря, Ксантипп мог быть изгнан ввиду того, что его влияние в полисе показалось его соотечественникам чрезмерным. С другой стороны, изгнание Ксантиппа могло стать результатом интриг враждебных ему – или попросту недовольных его возвышением – деятелей и группировок, распустивших слухи о связях политика с Ахеменидами и настроивших против него Народное собрание. В таком случае, возникает закономерный вопрос: кем были эти деятели, и в интересах каких группировок было изгнание из полиса Ксантиппа?

У нас нет надежных свидетельств о причастности Фемистокла к изгнанию Ксантиппа, однако такая интерпретация событий середины 480-х гг. отлично вписывается в исторический контекст. Так, известно, что Фемистокл охотно применял обвинения в медизме против своих политических оппонентов, и именно этот довод послужил основанием для изгнания из Афин одного из его недоброжелателей – родосского поэта Тимокреонта, посвятившего Фемистоклу несколько ядовитых строк (Plut. Them., 21). Немаловажным представляется и то обстоятельство, что Фемистокл в своей политике с самого начала ориентировался на поддержку Народного собрания (Plut. Them., 3), рано осознав, что лишь сделав своим союзником афинский демос он сможет успешно противостоять мощным анклавам аристократии. Кроме того, позиция Ксантиппа вступала в явное противоречие с политикой, проводимой Фемистоклом, и их интересы совпадали лишь до тех пор, пока вопрос касался внешней политики полиса. Алкмеониды не были заинтересованы ни в возобновлении конфликта, ни в усилении военно-морских сил полиса, а между тем, битва при Марафоне и междоусобицы при персидском дворе (Herod., VII, 1-3) позволяли надеяться, что недавнее вторжение

Ахеменидов станет последним. С другой стороны, начало строительства Пирея, предпринятое Фемистоклом в 493/2 гг., явно свидетельствует о том, что уже в эти годы им был сформулирован в общих чертах некий эскиз той программы усиления морских сил Афин, которая планомерно будет им проводиться в течении следующих двадцати лет, напрямую затрагивая интересы аристократических слоев полиса. Ксантипп же, имея все основания выступать против Фемистокла и его программы, обладал значительным влиянием и мог расцениваться как опасный противник. Таким образом, Фемистокл имел достаточно оснований для устранения с политической арены Ксантиппа, поскольку в случае изгнания последнего его единственным соперником в полисе остался бы Аристид.

Впрочем, если Фемистокл спровоцировал изгнание Ксантиппа, то им же было принято решение о его досрочном возвращении в Афины в числе прочих подвергшихся ostracismu граждан накануне Саламинского сражения (Plut. Them., 10; Per., 3; Alc., 1), а уже спустя год Ксантипп займет место в коллегии 10-ти стратегов, и в этой должности будет командовать греческими войсками во время битвы при Микале (Diod., XI, 27). Эта битва станет последним событием, в связи с которым авторы упоминают имя Ксантиппа, и в дальнейшем оно пропадает из источников¹⁰³. Некоторые косвенные обстоятельства позволяют, тем не менее, с известной долей вероятности установить дату его смерти, в качестве которой исследователи предлагают 473/2 гг., когда его сын Перикл исполнил обязанности хорега во время постановки трагедии Эсхила «Персы» (IG II². 2318. 9-11): хотя Перикл был в эти годы еще слишком молод для общественной деятельности, однако он вполне мог «унаследовать» обязанности, возложенные на его отца, в случае внезапной смерти последнего¹⁰⁴. Как бы то ни было, молчание источников относительно последних лет жизни Ксантиппа позволяет сделать вывод о том, что ему не удалось восстановить свое былое влияние в полисе: возможно, это было связано с причинами частного характера, или стать прямым следствием того сокрушительного удара, какой был нанесен ему в 484 г. Фемистоклом или другим

¹⁰³ Архонтом 479/8 гг. был другой Ксантипп, сын Гиппократата (Marm. Par., A52; Diod., XI, 27).

¹⁰⁴ Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды// ВДИ. 1997. № 4 – с. 14—35.

соперником. Впрочем, второй вариант маловероятен, так как в противном случае Ксантипп вряд ли мог быть избран стратегом 479 г. Так или иначе, но в результате изгнания Ксантиппа в 484 г. у Фемистокла практически не остается в полисе могущественных соперников. В то время как его личное влияние на афинский демос продолжает неуклонно расти, единственным лицом, способным составить достойную оппозицию Фемистоклу, оставался Аристид.

2. 2. Реформа архонтата

По единодушному мнению античных авторов, Аристид более всех прославился своими благородством и справедливостью (Herod., VIII, 79; Plat. Gorg., 526 a-b; Aristot. Ath. Pol., 23-24; Demosth., XXII, 209; Diog. Laert. ,II, 26), а позднейшая традиция прибавила к установившемуся образу еще одну черту, дополнив его самоуничижающей бедностью, на которую политик якобы добровольно себя обрек (Nep. Aristid.,1; Aelian.Var. hist., IV,16; Philostr.Vita Apoll.,VI, 21; VII, 21). Впрочем, последнее утверждение вряд ли может быть достоверным, поскольку хорошо известно, что Аристид занимал в 487/6 гг. должность архонта-эпонима (Plut. Aristid.,5), допуск к которой по законодательству Солона имели лишь представители двух первых имущественных классов (Aristot. Ath. Pol., 8).

Единодушие относительно Аристида заканчивается там, где оценка его деятельности выходит за рамки морально-этической характеристики и переносится в русло анализа политических воззрений. Так, целый ряд исследователей характеризует Аристида, как деятеля умеренно-консервативного (реже – выражено аристократического) толка. Однако, мы не располагаем данными, позволяющими сделать подобный вывод, не считая того весьма косвенного обстоятельства, что Аристотель помещает имена Фемистокла и Аристида в один ряд с целой плеядой

деятелей от Солона до Ферамена и Клеофонта, расположенных Стагиритом попарно в соответствии с дихотомической концепцией «простат народа – простат знатных» (Ath. Pol., 28). Характерно, однако, что имена Аристиды и его «вечного соперника» приводятся философом без каких-либо пояснений их политической позиции – единственные из приводимого им перечня политиков. Зато в другом месте Стагирит однозначно называет Аристиду «простатом демоса» (Ath. Pol., 23), а также сообщает о том, что им была «намечена» демократическая по своему содержанию реформа Ареопага, впоследствии осуществленная Эфиальтом (Ath. Pol., 41). Плутарх добавляет, что Аристид был сторонником Клисфена, хотя и «восхищался более всех лакедемонянином Ликургом и стремился ему подражать» (Plut. Aristid., 2) – обстоятельство, никоим образом не означающее, что Аристид в своей политике ориентировался на олигархическую Спарту, отношения которой с Афинами приобрели к концу рассматриваемого нами периода весьма напряженный характер не в последнюю очередь вследствие проводимых этим политиком мер. Таким образом, уже античные авторы рассматривают Аристиду скорее в контексте демократических тенденций, о чем свидетельствуют, впрочем, и объективные результаты его политической деятельности. Традиция изображения Аристиды противником демократии берет свое начало от ставшего общим местом тезиса о его соперничестве с Фемистоклом – проводником радикально демократических реформ (Herod., VIII, 79; Plut. Aristid., 2), хотя и сменяющемся время от времени целыми периодами тесного и эффективного сотрудничества (Thuc., I, 9; Aristot. Ath. Pol., 23).

Аристид, сын Лисимаха из дема Алопека родился в период между 530-м и 525-м гг. и, по словам Плутарха, воспитывался совместно с Фемистоклом, уже тогда «никогда с ним не соглашаясь» (Aristid., 2). У нас нет сведений о родовой принадлежности будущего политика, однако его семья, предположительно, было связана узами свойства с богатым родом Кериков, пользующимся уважением ввиду «монополизации» его представителями должности дадуха – второй в иерархии служителей Элевсинского культа (Plut. Aristid., 25). Косвенным аргументом в пользу такой связи может служить расположение в родном демосе будущего политика

главных родовых резиденций Алкмеонидов и Кериков. К 490 году Аристид становится заметной фигурой в полисе, на что указывает его избрание накануне Марафонской битвы одним из 10-ти стратегов. Его коллегами по магистратуре стали в этот год Фемистокл, Ксантипп и Мильтиад, в избрании последнего из которых единоличным командующим афинским войском Аристид сыграл решающую роль, поскольку именно он, согласно традиции, подал коллегам пример, первым уступив свой день командования Мильтиаду (Plut. Aristid., 5). Сograждане, по-видимому, высоко оценили самоотверженность и верность интересам государства, проявленные Аристом при Марафоне: в начале следующего десятилетия его авторитет существенно возрос, а уже в 487/6 гг. он был избран архонтом-эпонимом города. Несмотря на то, что в историографии Аристид нередко изображается, как аристократически настроенный политический деятель¹⁰⁵, античные авторы приписывают ему проведение некоторых выраженных демократических мер. Одной из них был закон о допущении к должности архонта всех граждан, о котором сообщает Плутарх (Aristid. 22), и хотя данное свидетельство не соответствует Аристотелю, по словам которого лишь в 457/6 гг. зевгит впервые был избран на эту должность (Ath. Pol., 26), некоторые исследователи полагают, что Аристид действительно мог быть инициатором реформы, открывшей доступ к магистратуре гражданам из класса всадников – второго после пентакосиомедимнов в иерархии афинских классов¹⁰⁶.

Стоит отметить, что на протяжении 480-х гг. архонтат продолжал сохранять свое значение, оставаясь при этом, в соответствии с законодательством Солона, узкословной магистратурой, доступ в которую был открыт лишь для граждан первых двух имущественных классов (Aristot. Ath. Pol., 8), и хотя стать архонтом можно было только один раз в жизни, занятие этой должности предоставляло возможность вступления в совет Ареопага – оплот консервативно-аристократических сил полиса, авторитет которого оставался еще высок в те годы. В течении последующих десятилетий значение архонтата будет неуклонно

¹⁰⁵ Лурье С.Я. История Греции... – с. 285.

¹⁰⁶ Бузескул В.П. история афинской демократии... - с. 139.

снижаться, уступая место коллегии стратегов – одной из немногих, выборы в которую продолжают осуществляться прямым голосованием, а не путем жеребьевки. Так, уже Кимон будет осуществлять свою политическую деятельность в должности стратега, а следом за ним в течении 15-ти лет бессменным стратегом будет Перикл. Впрочем, военная доблесть, как одна из составляющих старинной ἀρετή, всегда была достаточным основанием для вмешательства в политику, предоставляя в руки проявившего ее политика также и все необходимые инструменты воздействия. Тем не менее, до поры до времени архонты – избираемые народом выразители его интересов на гражданском поприще – еще могли успешно конкурировать с военачальниками, круг полномочий которых ограничивался военной сферой. В то же время система выборов в архонтат, открывающая возможности для ловких манипуляций общественными симпатиями и прямого подкупа избирателей, делала эту магистратуру хорошим плацдармом для деятельности честолюбивых выходцев из аристократических семейств, проводивших через нее свои интересы.

Ситуация изменилась после 487 г., когда в Афинах была проведена реформа архонтата, входе которой была изменена процедура выборов: теперь архонтов стали избирать по жребию из числа предварительно выбранных по демам 500 кандидатов (Aristot. Ath. Pol., 22). Таким образом, уже на первом этапе выборов существенно снижалась возможность оказания давления на избирателей, а на втором этапе оставшиеся шансы практически сводились к нулю. Часть исследователей полагает, что инициатором реформы выступил Фемистокл, в интересах которого было не допустить своих оппонентов к магистратуре, которую сам он занимать уже не мог¹⁰⁷. С другой стороны, те же основания добиваться реформы архонтата имел и Аристид¹⁰⁸, при том что новая, прозрачная процедура выборов, не допускающая обмана, даже более соответствовала его образу «справедливейшего» политика, нежели фигуре беспринципного и предприимчивого Фемистоклу, который и сам –

¹⁰⁷ Пельман Р.фон. Очерк греческой истории и источниковедения. – СПб., 1999. – с.121; Колобова К.М, Древний город Афины и его памятники. – Л., 1961. – с. 81-82; Строгоцкий В.М, Внутриполитическая борьба в Афинах в период Греко-Персидских войн (Фемистокл и Аристид)// Социальная борьба и политическая идеология в античном мире. – Л., 1989. – с.45.

Противоположную точку зрения – см.: Бузескул В.П, История афинской демократии. – СПб., 1909. – с. 104.

¹⁰⁸Белох Ю. История Греции/ Пер. с нем. М. Гершензона. Т.1. – М., 1905.

если доверять оценке источников – вполне мог использовать погрешности процедуры выборов в своих интересах (Plut. Them., 20). С другой стороны, оба эти предположения основаны на косвенных аргументах и происходят от неполноты наших знаний о внутривосточной истории Афин того времени. Так, нарративная традиция ничего не сообщает нам о деятельности Каллия, сына Крития, а между тем, большое число найденных остраконов с его именем свидетельствует о том, что его влияние в полисе было весьма велико. Следовательно, инициатором реформы архонтата вполне мог стать один из неизвестных нам политиков, необязательно преследующий интересы народа, поскольку реформа касалась прежде всего представителей элиты полиса и не носила демократического характера уже ввиду того обстоятельства, что вплоть до 457 г. архонтами будут избираться лишь граждане двух первых имущественных классов (Aristot. Ath. Pol., 26).

Реформа архонтата совпала с первыми случаями применения остракизма, душой и вдохновителем введения которого в практику общественной жизни полиса мог быть Фемистокл, использующий поддержку демоса и год за годом оттесняющий своих соперников¹⁰⁹. Впрочем, и сам он не избегнул в эти годы опасности «почетного изгнания», поскольку его именем надписано значительное число остраконов этого периода. Так, 190 остраконов с именем Фемистокла было обнаружено в глубине колодца на северном склоне Акрополя, иссякшего в начале V в. и служившего с этого времени в качестве места сброса мелкого мусора – в том числе и черепков, использованных на остракофориях. Как убедительно показал О. Бронир, найденные остраконы относились не ко времени изгнания политика в 470-х гг., а к более раннему периоду его деятельности, возможно, являют собой вещественное свидетельство борьбы, развернувшейся вокруг реформы архонтата.

По словам Аристотеля (Ath. Pol., 23), Аристид был «искусным в гражданских делах», что позволяет допустить его заметное участие не только в

¹⁰⁹Строгецкий В.М. Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии – Горький, 1987. – с.19-20; Строгецкий В.М. Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии//Античный мир: проблемы истории и культуры. – СПб, 1998. – с. 71.

Народном Собрании, но и в гелиэе. С другой стороны, Фемистокл не только активно участвует в частных тяжбах, но даже успевает зарекомендовать себя неподкупным судьей (Nep. Them., 1; Plut. Them., 5). Впрочем, гелиэя при клисфеновской демократии становится важным звеном общественной жизни и весьма посещаемым институтом, а специфика судебного разбирательства, предполагающая полемический диалог, естественным образом приводила к тому, что Аристид и Фемистокл нередко могли оказываться по разные стороны баррикад. Но как бы то ни было, оба политика после Марафонского сражения концентрируют свои усилия на гражданской деятельности и завоевании прочных позиций в среде афинского демоса. Известно, что оба они занимали в этот период ответственные должности, и Аристид, исполняющий обязанности куратора по общественным доходам, даже уличил однажды Фемистокла в хищении государственных средств (Plut. Aristid., 4). Впрочем, попытка Аристида привлечь своего противника к суду обернулась для него неудачей, и ему пришлось в свою очередь защищаться от аналогичных обвинений. Фемистоклу удалось выиграть судебный процесс, однако Аристида выручила поддержка его влиятельных и состоятельных друзей, благодаря которой он не только не понес наказания, но даже не был смещён с занимаемой должности (Aristid., 4).

2. 3. Морская программа Фемистокла

Феномен моря имел огромное значение в истории развития греческой культуры, и о талассократии античные авторы упоминают, начиная уже с легендарного властителя моря Миноса (Thuc., I, 4). Первым собственно историческим персонажем, добившемся морского господства, был самосский тиран Поликрат (Herod., III, 39), и лишь спустя почти столетие, уже в годы Греко-Персидских войн «к морю обратятся» афиняне. Разумеется, жители Аттики начали строить корабли и совершать на них длительные плавания значительно ранее V в. – достаточно в связи с этим указать лишь на обширную колонизацию, проводимую Афинами, начиная с VII в. Тем не менее, основная масса населения в полисе по-

прежнему была занята в земледелии, а военная сила опиралась на сухопутные войска – мобилизованных из этих земледельцев гоплитов и аристократическую конницу.

Уже в исторических трудах Геродота и Фукидида содержится имплицитно тезис об особом значении освоения морских связей в истории Эллады вообще и Афин в частности (Herod., III, 122; Thuc., I, 4; I, 7), а ко времени написания «Афинской политики» Псевдо-Ксенофонта стала очевидной и прямая связь между морским могуществом полиса и развитием в нем демократических тенденции (Ps.-Xen. Ath. Pol., 1; Isocr. De pace., 74; 77; Plat. Gorg., 518c-519a). Народ государства-талассократа требует равной доли в распределении богатств, которые его полис получает в ходе морской торговли и военных кампаний – и это требование, как отмечает анонимный автор «Афинской политики», справедливо, поскольку именно народ «приводит в движение корабли и дает силу государству» (Ps.-Xen. Ath. Pol., I, 2)¹¹⁰. Ситуация кардинально изменилась в первые десятилетия V в., когда бурные события эпохи поставили перед государством задачи, требующие новых радикальных решений.

После Марафонского сражения резко обострилось соперничество Афин с о. Эгиной, начало которому было положено еще в VI в. и только приняло к началу 480-х гг. форму открытого столкновения (Herod., V, 85-89). Эгина была одним из государств-основателей Навкратиса в Египте (Herod., III, 58-59), и после завоевания города персами египетская торговля острова понесла тяжёлый удар. Теряя торговые связи, составляющие важнейший фактор эгинской экономики, жители острова были вынуждены подчиниться персидскому владычеству и предоставить вестникам Дария «землю и воду»¹¹¹. Признание Эгиной персидского господства и возможность превращения её в плацдарм для персидских войск

¹¹⁰ Исследователями гиперкритического направления высказывались сомнения в существовании связи между морским могуществом полиса и степенью развития в нем демократии – Ceccarelli P. Sans thalassocratie, pas de democratie? – P. 444.

Против такой интерпретации – см.: Гуцин В.Р. Талассократия, империя и демократия в Афинах// Мнемон, 2013. №3. – с.13-32.

¹¹¹ Об этом подробнее – см.: Л.-Г. Джеффри. Греция перед персидским вторжением//Кембриджская история древнего мира: Персия, Греция и Западное Средиземноморье ок. 525-479 гг. до н.э. – М., 2011. – с.437-440.

вызывала оправданное беспокойство афинян, оказавшихся в уязвимом положении. Непосредственным поводом к войне стали события 491 г., когда при посредничестве спартанского царя Леотихида Афины захватили эгинских заложников, впоследствии отказавшись от их выдачи (Herod., VI, 49-50; 73). Возмущенные эгинцы в ответ напали на одно из афинских судов и пленили находящихся на нём знатных граждан, после чего конфликт окончательно перерос в открытое вооруженное столкновение (Herod., VI, 85-87).

Эгина обратилась за помощью к Аргосу, а на стороне Афин в этой «необъявленной войне» (Herod., V, 81) участвовали 20 коринфских судов. Поскольку Саронический залив являлся важнейшей торговой зоной для торговли с Востоком, осуществлявшейся из коринфского порта Кенхреи, то помощь Коринфа была обусловлена экономическими интересами. Несмотря на помощь союзников, афинский флот потерпел сокрушительное поражение от островитян (Herod., VI, 88-93; VII, 145) – предсказуемый исход, учитывая тот факт, что большая часть населения Эгины состояла из мореходов (Aristot. Pol., IV, 4)¹¹². Именно это поражение стало формальным поводом для принятия программы расширения морского потенциала полиса, предложенной Фемистоклом (Herod., VII, 144; Thuc., I, 14; Plut. Them., 4). С другой стороны, по свидетельствам тех же авторов подспудные цели Фемистокла были гораздо шире. Так, Плутарх прямо указывает на эксплуатацию политиком «гнева афинян на Эгину» в целях отражения персидской агрессии, при том что и это не было последним рубежом амбициозных замыслов Фемистокла, который начал по окончании строительства «понемногу увлекать граждан к морю, указывая им, что... при помощи сильного флота они могут не только отразить варваров, но и властвовать над Элладой» (Plut. Them., 4).

Следуя за логикой Плутарха, можно заключить, что целью задуманных Фемистоклом преобразований было превращение Афин в морскую державу, а техническая их сторона сводилась к форсированному наращиванию военно-морского потенциала полиса, требующему строительства новых судов в

¹¹²После падения Милета и Самоса Эгина стала сильнейшим морским полисом Греции – см.: Лурье С.Я. История Греции... – с.254.

количестве, достаточном для превращения небольшого торгового флота в значительную военную армаду, способную сокрушить военную машину Персидской державы. Приведение этих планов в жизнь требовало громадных вложений не только в строительство самих судов, но и в создание новой базы для их размещения и обеспечение её всей необходимой инфраструктурой. Волей судьбы и Народного собрания в распоряжении предприимчивого политика такие средства оказались.

Аристотель – единственный автор, который приводит подробный рассказ об обстоятельствах строительства триер, задуманного Фемистоклом (Ath. Pol., 22)¹¹³: на третий год после последней упомянутой автором остракофории – т.е. ок.483/482 гг., были открыты рудники в Маронее, благодаря которым афиняне получили 100 талантов. Фемистокл предложил дать эти средства ста богачейшим гражданам – по таланту каждому, после чего, если расходование этих средств будет одобрено, «трату принять в счёт государства, в противном же случае взыскать эти деньги с получивших их в заём». При этом, по словам автора, Фемистокл не сообщил гражданам, на что намерен употребить эти средства, но, получив одобрение, распорядился, чтобы «каждый их этих ста человек строил одну [триеру]». Таким образом, снаряжение судов согласно программе Фемистокла было возложено на состоятельных граждан полиса в виде литургий¹¹⁴, а сам политик выступил в роли создателя института триерархии¹¹⁵. Характерно при этом, что никакого различия между землевладельцами и богатыми предпринимателями сделано не было, что свидетельствует уже о полном слиянии в сознании и правовой жизни афинян понятий недвижимой и движимой собственности – понятий, тесно связанных

¹¹³Менее развёрнутые сообщения содержатся у других авторов – ср.: Herod., VII, 144; Thuc., I, 143. Аристотель единственный из всех авторов называет точное расположение открытых залежей: во всех прочих источниках содержится более туманное сообщение о «неких новых залежах в Лаврийских рудниках» - ср.: Herod. VII. 144; Plut. Them.4. Относительно сообщения Аристотеля и других авторов об этих рудниках – см.: Строгоцкий В.М. Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии... – с. 72.

¹¹⁴Бузескул В.П. история афинской демократии. – СПб.,1909. – с.104

¹¹⁵ Триерархией (τριεραρχία) называлось как командование триерой, так и служба на ней (IG.II2 ,1628a. 1631b, 139sq). Подробнее об этом виде литургии – см.: Бондарь Л.Д. Афинские литургии V-IV вв. до н.э. – СПб., 2009. – с. 118. Строгоцкий В.М. Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии//Античный мир. Проблемы истории и культуры. – СПб.,1998. – с.80; Бондарь Л.Д. Афинские литургии V-IV вв. до н.э. – СПб., 2009. – с.121

всвою очередь с комплексом тех различий, которые существовали между аристократией и олигархией¹¹⁶. Скорее всего, для значительной части граждан – прежде всего землевладельцев – вопрос об усилении флота был решен положительным образом под влиянием внешнеполитической угрозы со стороны Персии и, возможно, Эгины, против которой вновь построенные триеры так никогда, впрочем, и не были направлены (Herod., VII, 144)¹¹⁷. Что касается фетов, чьё положение в Афинах затрагивалось в данном случае непосредственно, то они должны были интуитивно угадывать те перспективы, которые открывали перед ними широкие замыслы Фемистокла. Во всяком случае, нет сомнений в том, что «простаты демоса» прекрасно осознавали прямую параллель между усилением флота и ростом демократии, поскольку даже трибуна оратора на Пниксе была развернута ими по направлению к морю затем, чтобы народ афинский помнил: «владычество над морем породило демократию, земледельцы же меньше тяготятся олигархией» (Plut. Them., 19)¹¹⁸.

С принятием Морской программы Фемистокла напрямую связано изгнание его соперника Аристиды, выступавшего за сохранение традиционных сухопутных войск¹¹⁹. Аристид вполне мог рассуждать таким образом: если обычный порядок предполагал равное распределения доходов с рудников между всеми гражданами полиса, то это вело к повышению имущественного статуса некоторой части наиболее обездоленных до положения зевгитов, что позволило бы им войти состав афинской фаланги. Следовательно, такое употребление полученных средств повело бы к усилению сухопутных сил полиса. Если принять датировку Аристотеля, то Аристид был подвергнут остракизму как раз в период между открытием новых

¹¹⁶Латышев В.В. Очерк греческих... – с.155.

¹¹⁷Шувалов В.В, Морская программа Фемистокла... – с.35.

¹¹⁸Достоверность данного сообщения была подтверждена в ходе археологических раскопок, начатых на Пниксе в 1930-х гг. К. Куруниотисом и Г.А. Томпсоном, в ходе которых было установлено, что трибуна действительно первоначально была направлена в другую сторону. – см.: Колобова К.М, Древний город Афины и его памятники. – Л., 1961. – с.71-72.

¹¹⁹Стоит отметить, что Аристид проводил свою позицию весьма последовательно, и даже впоследствии, во время Саламинского сражения командовал исключительно сухопутными силами, переправившись с большим отрядом афинских гоплитов на остров Пситталию и перебив всех персов, находившихся на нём (Herod., VIII, 95).

залежей серебра и началом строительства новых триер (Ath. Pol., 22) – в 482 г., и по существу на этой остракофории решался вопрос о дальнейшей военной политике государства: пойдет ли оно традиционным путем, вверив свою защиту гоплитскому войску и аристократической коннице, или же последует программе Фемистокла, использовав в борьбе против персов «деревянные стены» кораблей (Herod., VII, 143; Plut. Them., 10)? За Фемистокла, скорее всего, выступила беднейшая часть гражданского населения, которой «не по карману» были гоплитские доспехи, а за Аристида – сами гоплиты, составлявшие около трети граждан Афин (Herod., V, 97; Nep. Milt., 5; Paus., X. 20. 2). Перевес был на стороне обездоленных граждан, в результате чего остракизму был подвергнут Аристид (Herod., VIII, 79; Demosth., XXVI, 6; Arist. Ath. Pol., 22; Demetr. Phaler., FGrHist. 228. F43; Cic. Tusc., V, 105; Nep. Aristid., 1; Dio Chrys., LXVI, 26; Plut. Them., 5; 11; 12; Alc., 4; Aristid., 1; 7; 25-26; Mor., 186ab; Philostr. Vita Apoll., VII, 21; Schol. Aristoph. Equ., 855; Suid. s.v. *Ἀριστείδης*), а сам Фемистокл после устранения наиболее влиятельного противника своих идей смог приступить к осуществлению своих планов¹²⁰.

Некоторые авторы, рассказывая об остракофории 482 г., осуждают афинян, допустивших торжество «подлых» над «лучшими» (Aristot. Ath. Pol., 28)¹²¹. У них же мы находим ставший хрестоматийным рассказ анекдотического содержания о том, как Аристид, не будучи узанным, написал по просьбе некоего неграмотного крестьянина собственное имя на остраконе. На вопрос Аристида о том, что сделал ему этот человек, крестьянин ответил бесхитростно, что ему всего лишь наскучило слышать отовсюду о «справедливости» Аристида (Nep. Aristid. 1; Plut. Aristid., 7; Mor., 186a). В данном сюжете, популярном у «морализующих» авторов, отразилась в первую очередь их личная позиция – негодование на превосходство необразованной черни перед благородными гражданами. Среди имеющихся в

¹²⁰На изгнание Аристида мог в какой-то мере повлиять и тот факт, что архонтом 483/2 г. был избран зять Фемистокла – Никодем (Plut. Them., 32).

¹²¹Об этих этически-социальных категориях – см.: Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла. – СПб., 2002. – с.215; Гушин В.Р. Цензовая реформа Солона и кризис в Аттике на рубеже VII-VI вв. до н.э.//ВДИ. 2011. №3 – с. 114 – 118.

нашем распоряжении остраконов с именем Аристиды есть один любопытный образец, хотя и не имеющий какой-либо исторической ценности, однако оставляющий широкий простор для фантазии. Речь идет об остраконе, на котором имя Аристиды начато неумелым почерком, принадлежащим, судя по всему, какому-то крестьянину, не имевшему опыта письма на твердом материале. Возможно, крестьянин устал от тщетных попыток дописать имя до конца – во всяком случае, имя Аристиды дописано уже другим почерком, ровным и аккуратным. Конечно, соблазнительно было бы интерпретировать этот пример в контексте приведенного выше сюжета, хотя данная гипотеза и не может быть верифицирована¹²². Годы изгнания политик провёл на острове Эгина (Herod., VIII, 79; Demosth., XXVI, 6)¹²³, на котором оставался вплоть до 480 г., когда состоялось знаменитое Саламинское сражение, а все подвергнутые остракизму граждане были в соответствии с псефизмой Фемистокла досрочно возвращены из изгнания.

Что касается построенных под руководством Фемистокла триер, то их было, исходя из рассказа Геродота, в общей сложности 200 (VII, 144; ср.: Her. Them., 3). Хотя число построенных накануне Саламина судов варьируется в сочинениях разных авторов от 60-ти до 140-ка (ср.: Aristot. Ath. Pol., 22; Isocr., IV, 90; Diod., IX, 12; Plut. Them., 4), однако сообщение Геродота, на мой взгляд, наиболее достоверно, поскольку находит подтверждение в тексте так называемого «Трезенского декрета Фемистокла», представляющего собой копию с подлинного документа, упоминаемого уже античными авторами (Demosth., XIX, 303; 311; Plut. Them., 10; Cim., 5)¹²⁴.

¹²²Невозможно установить точно, имеет ли данный сюжет под собой какое-либо реальное историческое основание, однако некоторые исследователи вполне допускают его аутентичность. – см.: Суриков И.Е. Аристид «Справедливый»... - с.38.

¹²³На протяжении 480-х гг. Эгина была постоянным прибежищем для остракированных афинян: обычно выбор её тем или иным «обиженным» афинянами политиком мог быть обусловлен враждебными отношениями между двумя полисами. Что касается Аристиды, то он, быть может, выбрал этот остров из соображений его близости Афинам – именно по этой причине много позже изберёт его своим местом пребывания изгнанный Демосфен (Plut. Demosth., 26).

¹²⁴О проблеме подлинности Трезенского декрета – см.: Berve H. Zur Themistokles-Inschrift von Troizen. München, 1961; Jameson M. H. A Decree of Themistokles from Troizen // Hesperia. 1960. V. 29. № 2. P. 198—223; Lenardon R.J. The Saga of Themistocles. L., 1978. P. 69; Глускина Л.М. Трезенская надпись с декретом Фемистокла//ВДИ.1963. №4. – с.35-52.

Относительно возвращения Аристида и других остракированных, Трезенский декрет Фемистокла гласит следующее: «Чтобы все афиняне единомысленно отражали Варвара, лица, удалившиеся на десять лет, должны прибыть на Саламин и оставаться там, пока народ не постановит что-либо относительно них» (ср.: *Andoc.*, I, 87; *Arist. Ath. pol.*, 22). Помимо единовременного строительства, на Совет была возложена обязанность ежегодного пополнения афинского флота 20-ю новыми триерами (*Diod.*, XI, 43). Приобретённые благодаря расширению военно-морских сил преимущества сограждане Фемистокла смогли в полной мере оценить во время Саламинского сражения, ставшего одной из ярких побед греческого оружия и утвердившего за Афинами звание одного из сильнейших государств Эллады, ставшего позднее основанием для его преобладания над союзными полисами

Глава III. Гегемония Афин и ее влияние на внутреннюю политику государства

3. 1. Создание Делосской симмахии

В 481 г. был создан Эллинский союз из 31-го полиса, во главе которых встала Спарта, а уже весной 480 г. Ксеркс начал свой поход на Грецию, конечной целью которого было завоевание Аттики. По инициативе Фемистокла, авторитет которого, насколько можно судить, был в эти годы очень велик, была организована эвакуация населения из Афин (*Herod.*, VII, 143-144; *Demosth.*, XIX, 303; *Plut. Them.*, 10-11), в

ходе которой женщины и дети были переправлены в Трезен в Арголиде, а боеспособные мужчины – на Саламин, где сконцентрировались основные силы афинского флота. По словам Геродота, эвакуация была завершена в течении одной недели (Herod., VIII, 23-25; 66).

Опустевшие Афины остались на растерзание персам, и всё, что «ещё уцелело [в городе] от стен, жилых домов и храмов, он [Мардоний] велел разрушить и обратить во прах» (Herod., IX, 13). Народным собранием было принято решение о досрочном возвращении всех ранее подвергнутых остракизму граждан, которым для решения их дальнейшей участи было предписано прибыть на Саламин (Andoc., I, 107; Aristot. Ath. Pol., 22; Nep. Aristid., 1-2; Plut. Them., 11). Выбор пал на этот остров неслучайно: поскольку на него не распространялась система афинских фил, установленная Клисфеном, формально вступление на землю Саламина еще не означало нарушения условий остракизма.

Согласно данным наших источников, возвращение изгнанников было продиктовано опасениями афинян насчет того, что в противном случае они могут перейти в лагерь персидского царя и предоставить ему ценные сведения о тактических особенностях противостоящего ему войска (Plut. Aristid., 8). С другой стороны, в числе подвергнутых остракизму были видные военачальники, талантами которых ввиду нависшей над полисом опасности неразумно было пренебрегать¹²⁵. Так, в числе афинских полководцев накануне Саламинского сражения оказались Ксантипп и Аристид – герои битвы при Марафоне, хорошо знакомые с тактикой персидского войска (Herod., VIII, 95; Nep. Aristid., 2; Plut. Them., 10). Впрочем, мы не можем с уверенностью сказать, было это возвращение окончательным или предполагало некое «очищение кровью» в битве против персов для доказательства верности делу эллинов. С одной стороны, остракизм не рассматривался в качестве наказания, но с другой стороны, согласно свидетельству Корнелия Непота Аристид участвовал в сражении при Саламине до того, как был отменён вынесенный ему приговор (Aristid., 2), что отлично вписывается в

¹²⁵Суриков И.Е. Аристид «Справедливый»... - с. 39.

контекст гипотезы существования некоего «испытательного срока», по завершении которого подвергнутый остракизму гражданин мог вернуться в Афины. Характерно, что на одном из остраконов, поданных против Аристида уже после Саламинской битвы, он назван «братом Датиса» (Αριστ[είδεν] τον Δα[τίδος] ἀδελφ[ον]¹²⁶. О характере подобных обвинений уже упоминалось выше, однако в данном случае они могли иметь несколько иные предпосылки. Поводом к подозрению могло послужить относительно длительное пребывание политика за пределами полиса, создающее вкупе с понесенной политиком обидой на подвергнувших его изгнанию сограждан благодатную почву для вступления в изменнические связи¹²⁷. Впрочем, распространение подобных слухов не могло найти широкого отклика среди афинян, поскольку уже через год после своего возвращения и Аристид, и Ксантипп становятся членами коллегии десяти стратегов (Herod., VIII, 131; IX, 28), избрание в которую не предполагало жребия и стояло в прямой зависимости от степени доверия, оказанной тому или иному гражданину¹²⁸.

В Саламинской битве Аристид участвовал под непосредственным командованием Фемистокла, по собственной инициативе встав под его начало (Plut. Aristid. 8-9). Возможно, тем самым политик косвенно признавал преимущества своего соперника в области военного искусства, зафиксированные в нашей традиции (Aristot. Ath. Pol., 23; Nep. Aristid., 2). После одержанной элинами победы авторитет Аристида возрос настолько, что уже следующий за знаменитым сражением год он был избран стратегом, а его влияние в полисе было столь велико, что, по мнению ряда исследователей, потеснило даже авторитет Фемистокла. Что касается последнего, то именно его наша традиция выводит главным виновником побед, одержанных греками в битвах при Саламине и Артемисии (Herod., VIII, 124; Thuc., I, 74). Слава Фемистокла «гремела по всей Элладе», и когда союзники

¹²⁶Вариант прочтения А. Раубичека – Raubitschek A.E. Das Datislied// Charites: Studien zur Altertumswissenschaft. – Bonn, 1957. – S. 234-242.

¹²⁷Точка зрения, согласно которой вернувшиеся из изгнания рассматривались гражданами полиса, как потенциальные или даже состоявшиеся предатели, высказывалась в историографии – см.: Barron J. – P. The liberation of Greece// САН. Vol. IV. 1988. – P. 592 – 622.

¹²⁸Любопытен также текст другого остракона с именем Аристида, на котором тот назван «прогнавшим молящих о защите» - см.: Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии. – с. 185.

решали, кому присудить награду за доблесть, первый голос каждый из них подал за себя самого, однако второй большинство эллинов присудило Фемистоклу (Herod., VIII, 124). Впрочем, сами афиняне, по словам Геродота, отказали защитнику Эллады в награде. Характерно, что прохладное отношение к Фемистоклу его сограждан историк связывает с поездкой в Спарту, совершенной им вскоре после одержанных побед (Herod., VIII, 124-125). Реакция афинян стала отражением только начавшего проявляться, но неуклонно возрастающего антагонизма между двумя сильнейшими полисами, которых ожидал впереди долгий и кровопролитный передел Эллады.

Одним из эпизодов, демонстрирующих силу обоюдных притязаний Афин и Спарты на общегреческое господство, стали события, развернувшиеся после Платейской битвы, когда между полисами разгорелся спор относительно того, какое из государств более достойно чести получить награду за проявленную в ходе военных действий доблесть. Аристид, исполнявший во время сражения обязанности стратега (Herod., VIII, 131; IX, 28; Plut. Aristid., 11), предложил присудить награду какому-либо третьему городу. Выбор союзников пал на маленькие Платеи, в которых были в честь этого события учреждены Элевтерийские игры (Plut. Aristid., 20). Впрочем, временное умиротворение не решило существующих между государствами противоречий, и уже на следующий год произошло событие, послужившее предпосылкой для фактического разделения Эллады на два противоборствующих лагеря.

Фундамент окончательного разрыва Спарты с Эллинским союзом был заложен в 479 г., Во время совещания союзников на Самосе в этот год Афины выступили против проводимой в отношении союзных полисов политики лакедемонян (Herod., IX, 106; Diod., XI, 37)¹²⁹. Несмотря на разногласия, собранием было принято решение о совместной экспедиции союзнического флота к Геллеспонту, во главе которой был поставлен спартанец Леотихид (Herod., IX,

¹²⁹Строгецкий В.М. Истоки афино-спартанского соперничества в V в. до н.э. Совещание эллинского союза против персов на Самосе в 479/8 гг.// Проблемы политической истории античного общества: Межвуз. сб. науч. труд./ ЛГУ. Л., 1985. – с.28-43; Он же. Полис и империя... - с.72.

106-121; Thuc., I, 89). Лакедемоняне покинули союзников и вернулись на Пелопонесс, едва достигнув Геллеспонта и убедившись в том, что мосты уже разрушены. Афиняне же остались и начали осаду Сеста на Херсонесе, успешно завершив ее не без помощи ионийских полисов, многие из которых стали членами Эллинского союза в период между 481 и 479 гг. (Herod., VIII, 46-48; 132; IX, 90-92; 103-106; Diod., XI, 37). По свидетельству Фукидида, именно взятие Сеста положило начало борьбе между Афинами и Спартой за влияние в греческих полисах (Thuc., I, 18; 89).

Формальным поводом к организации новой, независимой от лакедемонян лиги полисов стала их совместная экспедиция на Кипр и Византий, осуществленная под командованием спартанского регента Павсания с целью освобождения этих областей от персидских захватчиков¹³⁰. В экспедиции участвовали 20 кораблей спартанцев и 30 афинских судов, во главе которых стояли Аристид и недавно вступивший на военное поприще Кимон, сын Мильтиада (Thuc., I, 94; Diod., XI, 44; Plut. Arist., 23; Cim., 6; Nep. Paus., 2)¹³¹. Павсаний вызывал недовольство союзников ввиду надменного и деспотического отношения к подчиненным, большинство которых перешло на сторону Аристида и Кимона, которые и встали во главе союзного флота после последовавшего вскоре свержения спартанского регента (Plut. Aristid., 23). Хотя Плутарх приводит в качестве причины изгнания Павсания типичный бродячий сюжет о девушке из Византия, якобы уведенной им от родителей и убитой, в действительности на решение союзников сбросить «спартанское ярмо» скорее всего повлияло расхождение их интересов с интересами лакедемонян, в политике которых возобладали изоляционистские тенденции¹³². Под непосредственным командованием спартанцев проходили все военные кампании Эллинского союза, и

¹³⁰Некоторые исследователи истинную цель похода видят в стремлении к обладанию проливами и кипрскими рудниками – см.: Бузескул В.П. История афинской демократии – с. 138; Лурье С.Я. История Греции – с. 248.

¹³¹Насколько известно, это был единственный раз, когда Аристид командовал не сухопутными войсками, а флотом – см.: Суриков И.Е. Аристид «Справедливый»... - с. 42.

¹³²Карпюк С.Г. Лекции по истории Древней Греции... – с. 78-79.

устранение их от командования означало фактическое появление нового союза полисов, сердцем которого становятся Афины¹³³.

В 478/7 гг. на основании общего соглашения между Афинами и их союзниками была образована Делосская симмахия, изначально целью которой являлась борьба против Персии (Thuc., I, 69; Aristot. Ath. Pol., 23; Plut. Aristid., 25). Организацией союза руководил Аристид, по инициативе которого существенно ограничивались возможности выхода полисов из состава симмахии (Aristot. Ath. Pol., 23; Plut. Aristid., 23-25). Обязанности вошедших в состав симмахии государств не были идентичны: одни из них обязались поставлять в пользу союзников суда и гоплитское войско (Thuc., I, 99; III, 3; VI, 76; Andoc., III), другие ограничивались выплатой фороса (Thuc., I, 96; Nep. Aristid., 3; Plut. Aristid., 24), общий размер которого для всех государства составлял в первые годы существования симмахии 460 талантов (Thuc., I, 96; Plut. Aristid., 24)¹³⁴. На момент оформления симмахии многие города Малой Азии, включая часть ионийских полисов, продолжали оставаться под властью персов (Herod., V, 42; IX, 104; Thuc., I, 138; Xen. Hell., III, 1), а статус некоторых других государств – например, городов Халкидики – остается спорным¹³⁵.

Организация союза была возложена на Аристида, авторитет которого достиг в эти годы своего зенита, и им же были определены суммы фороса, которые должно было выплачивать каждое из государств-союзников. По свидетельствам

¹³³В историографии высказывалась точка зрения, опирающаяся на Фукидида (I.102), согласно которой вплоть до 462 г. Афинский Морской союз существовал параллельно с Эллинской лигой, будучи ее «дочерней организацией». – см.: Larsen. J.A. The constitution of the Peloponnesian League//C1Ph. 1933. Vol.28. – P.256.

В указанном месте Фукидид сообщает о разрыве союза афинян с лакедемонянами, произошедшем в 462 г. Однако, речь в данном эпизоде скорее всего идет о другом договоре, не имеющем отношения к Эллинскому союзу (Thuc., II, 71; 72. – ср. III, 68) – см.: Строгоцкий В.М. Полис и империя... – с. 82-84.

¹³⁴К проблематике установления точной суммы фороса – см.: Шувалов В.В. Проблемы организации I Афинского морского союза//Мнемон. – СПб., 2002 – с. 64 – 67.

¹³⁵Геродот сообщает о том, что в 480 г. халкидскими полисами было поднято антиперсидское восстание, завершившееся победой эллинов (VIII, 126-129), однако по словам Фукидида Халкида была подчинена Афинскому союзу силой оружия (V, 18). Некоторые сомнения высказывались и относительно вступления в Делосский союз Эгины, которое произошло, по мнению некоторых исследователей, не ранее начала 450-х гг. – см.: Figueira T.J. Aeginetan Membership in the Peloponnesian League// C1Ph, 1981. Vol.76. – P. 1-24.

Впрочем, эта гипотеза опровергается данными источников, согласно которым в 450-х гг. Эгина была вторично подчинена союзникам после подавления всыхнувшего на острове восстания (Thuc., I, 105; 108; Diod., XI, 70; 78). О полисах-членах Делосской симмахии подробнее – см.: Строгоцкий В.М. Полис и империя... – с. 80.

авторов, с целью выяснить финансовый потенциал полисов Аристид совершил поездку по их землям, в результате которой установленные им подати не превышали возможностей союзников, которые воспели их, «подобно древним, воспевающим век Крона», а сам Аристид заслужил ставшее постоянным спутником его имени прозвище «Справедливого» (Thuc., V, 18; Diod., XI, 48; Plut. Aristid., 24)¹³⁶. Впрочем, уже спустя несколько лет Аристид оставил военную деятельность, и руководство Делосской симмахии перешло к его протеже Кимону, сыну Мильтиада.

3. 2. Нарастание афино-спартанского дуализма

Если относительно положения в полисе в этот период Аристида античные авторы – а вслед за ними и современные антиковеды – единодушны, то аналогичный вопрос относительно Фемистокла приобретает дискуссионный характер. Так, некоторые исследователи говорят о закате его карьеры в период после Саламинской битвы, аргументируя свою точку зрения, в частности, избранием на должности стратегов 479 г. его противников Аристида и Ксантиппа (Herod., IX, 28; Diod., XI, 34) и тем обстоятельством, что он не был включен в посольство в Спарту, предпринятое Аристидом с целью склонить лакедемонян к выступлению против персов (Herod., IX, 6; Plut. Arist., 10)¹³⁷. Однако, на мой взгляд, эти соображения недостаточно убедительны: хотя Фемистокл и был искусным стратегом (Aristot. Ath. Pol., 23), однако победа при Саламине нанесла афинскому флоту ущерб, восполнение которого требовала по крайней мере нескольких лет (не учитывая того обстоятельства, что значительная часть доходов государства должна была пойти на восстановление города), в связи с чем инициатива перешла к сухопутным войскам. Таким образом, выбор в качестве

¹³⁶Несколько особняком стоит сообщения Павсания, осуждающего Аристида за то, что им первым была наложена подать на эллинские государства (Paus., VIII, 52, 2).

¹³⁷Лурье С.Я. История Греции. – СПб, 1993. – с.286; Строгоцкий В.М. Полис и империя в классической Греции. – Н. Новгород, 1991. – с.40-41.

стратега Аристиды, занимавшего ту же должность при Марафоне, мог быть продиктован сугубо тактическими, а не политическими соображениями. Что касается второго аргумента, то участие Фемистокла в афинской делегации в Спарту безусловно противоречило дипломатическим целям посольства: его антиспартанская позиция была хорошо известна не только его согражданам – еще более отчетливо ее должны были ощущать и сами лакедемоняне, чего не мог не учитывать аккуратный в своей политике Аристид.

Однако, хотя Фемистокл и не занимает в это время, насколько нам известно, государственных должностей, но именно под его непосредственным руководством были начаты работы по восстановлению и укреплению разрушенных персидским вторжением Афин, а также продолжено, после двадцатилетнего перерыва, строительство гавани в Пирее (Thuc., I, 89-93; Diod., XI, 41-42; Aristoph. Equit., 813-816; Nep. Them., 6). Против тезиса о падении авторитета Фемистокла свидетельствует и Плутарх, рассказывающий об Олимпиаде 476 г., которую посетил в качестве зрителя Фемистокл: по словам биографа, его появление приковало к нему внимание всех присутствующих так, что они, «не обращая внимания на участников состязаний, целый день смотрели на него» (Plut. Them., 17). Наконец, в труде Диодора есть указание на то, что Фемистокл славился тогда (в 477/6 гг.) «не только у [афинских] граждан, но и по всей Элладе» (XI, 41). В пользу тезиса о сохранении Фемистоклом лидирующих позиций в полисе свидетельствует и его участие в этом году в качестве хорега при постановке новой трагедии Фриниха «Финикиянки», основную фабулу которой, как и «взятия Милета», составили недавние события Персидских войн – обстоятельство, на мой взгляд отлично вписывающееся в контекст возможного сотрудничества политика и драматурга накануне Марафонского сражения. Все вышеизложенные доводы указывают на то, что как Фемистокл, так и Аристид пользовались в начале 470-х гг. огромным влиянием в полисе: первый – как инициатор превращения Афин в морскую державу, второй – как организатор и руководитель I Афинского Морского Союза, в рамках которого морская гегемония государства закреплялась на общеэллинском уровне. Единственная разница между положением политиков

накануне и после Саламинского сражения заключается в том, что оба они постепенно отходят от военной деятельности, сосредоточив свои усилия на гражданском поприще.

Бытует, однако, мнение – опирающееся на Диодора (XI, 42-42), – согласно которому соперничество между Фемистоклом и Аристидом, имеющее место на протяжении 480-х гг., продолжилось и впоследствии, сохранив свой градус и даже направленность: яблоком раздора, согласно Диодору, и на этот раз стал вопрос о целесообразности дальнейшего усиления морского могущества государства. Казалось бы, блестящие победы, одержанные греческим флотом при Саламине, должны были снять этот вопрос с повестки афинской политической жизни – и, надо полагать, отчасти так оно и было, поскольку даже Аристид, главный оппонент Фемистокла в данном вопросе, своим участием в организации Афинского Морского Союза фактически признал необходимость сохранения полисом морского господства.

Однако, по словам Плутарха, Фемистокл не удовлетворился достигнутыми успехами, задумав дерзкую и «бесчестную» провокацию – уничтожить союзный эллинский флот, превратив тем самым Афины в единственное государство, обладающее военно-морскими силами (Plut. Them., 20). Выгоды от подобного мероприятия были, что называется, налицо – чего, по словам Плутарха, не мог отрицать и сам Аристид, обратившийся со своими суждениями по поводу новой задумки своего предприимчивого «соперника» к Народному Собранию. Возможно (и даже вероятно), что биограф в этом месте значительно преувеличивает инициативу Фемистокла, поскольку весьма трудно представить себе, что между ним и славящимся своей справедливостью Аристидом всерьез мог обсуждаться вопрос о плюсах и минусах уничтожения союзных военно-морских сил. Впрочем, зерно истины в сообщении Плутарха, вероятно, есть, на что указывает упоминавшийся уже пассаж из Диодора (XI, 43), который утверждает, что Фемистокл предложил увеличить число афинских военных триер путем ежегодного

строительства 20-ти новых¹³⁸. Таким образом, есть все основания полагать, что вопрос об усилении морских вооружений полиса в эти годы действительно обсуждался – хотя и сомнительно, что он мог иметь тот радикальный характер, какой придает ему Плутарх.

Другим важным вопросом афинской политики станет в этот период вопрос о его взаимоотношениях с Пелопонесским союзом, притязания которого на всеэллинское господство столкнулись с аналогичными устремлениями самих Афин. Пелопонесская Лига сложилась в общих чертах в середине VI века¹³⁹ – более точную датировку установить невозможно ввиду отсутствия каких-либо документов, регламентирующих отношения между входящими в ее состав союзными государствами¹⁴⁰. В разное время в Пелопонесский союз входили Аркадия, Элида, Коринф, Сикион, Мегары, города Арголиды и Ахайи, а также некоторые коринфские колонии (Herod., III, 49; Thuc., I, 103-121; II, 9), поставляющие контингенты и оказывающие иную поддержку спартанской внешней политике¹⁴¹. Таким образом, Афинам, претендующим на позицию «первого государства» Эллады, противостояла не одна лишь Спарта, но мощный союз объединившихся под ее эгидой государств. Напряжение, явственно обозначившееся между этими союзами, разделившими Элладу на два противоборствующих лагеря, не могло не сказаться и на характере внутривосточных взаимоотношений в Афинах отдельных общественных сил, их лидеров и группировок.

¹³⁸Характерно, что, как подчеркивает Диодор, данный проект предполагал освобождение от налогов метеков и ремесленников с целью привлечения в город как можно большего их числа (XI, 43) – выражено демократическая мера, подтверждающая, что Фемистокл и после Саламина продолжил свою ориентацию на интересы народа. – см.: Гущин В.Р. Фемистокл и Аристид: соперники или союзники?// ПИФК. 2010. №3. – с. 10-12.

¹³⁹Датировка основана на свидетельствах античных авторов, согласно которым Спарта значительно расширила сферы своего влияния именно в данный период (Thuc., I, 10; 19; Herod., I, 68-70). Характерно, что авторы проводят параллель между установлением спартанской гегемонии и проводимой Спартой антитираннической политики (Herod., I, 59; Thuc., I, 18; 122; V, 59; Plut. De mal. Herod., 21 c-d). – см.: Строецкий В.М. Полис и империя... - с. 66-67.

¹⁴⁰Взаимоотношения Спарты и ее союзников основывались на личной присяге, приносимой каждым из членов Пелопонесского союза спартанскому царю; подобное положение сохранялось, по крайней мере, до Пелопонесской войны: во время заключения Никиева мира афиняне были вынуждены подписывать договоры с каждым из входивших в Пелопонесский союз государств в отдельности (Thuc., V, 18).

¹⁴¹Поскольку Пелопонесский союз складывался в течении длительного времени, в течении которого некоторые полисы от него отпадали – например, Мегары в период между 426-м и 448/7 гг. (Thuc., I, 103; 114; Diod., XI, 79; XII, 5) – то и список союзников Спарты соответственно варьируется в зависимости от конкретного периода или события.

Проводником антиспартанской политики полиса становится в эти годы Фемистокл, уже в своем стремлении усилить морскую мощь Афин он в буквальном смысле «наступающий на горло» Лакедемону и его экспансионистским устремлениям. Так, Фемистокл воспротивился предложению спартанцев исключить из союза полисы, не принявшие участие в войне против Персии (Herod., VII, 132; Plut. Them., 20), очертив тем самым предел влияния, которое может оказывать на союзников Лакедемон. Возможно, были и другие, неизвестные нам проявления неприятия Фемистоклом политики Спарты, но, так или иначе, в 470-е гг. спартанцы начинают против него политическую кампанию, оказав поддержку молодому и весьма лояльно настроенного по отношению к спартамцам Кимону, сыну героя Марафонского сражения Мильтиада (Diod., XI, 54; Plut. Them., 20). Впрочем, были у спартанцев основания выступать и против Аристиды, не только ставшего фактическим создателем Афинского Морского Союза, но и продолжающего принимать активное участие в мероприятиях, направленных против гегемонии Спарты. Однако, у нас нет никаких указаний на то, что против него предпринимались со стороны спартанцев или Кимона какие-либо шаги – обстоятельство, которое могло объясняться не какими-либо геополитическими соображениями, но существованием между ним и Аристидом дружеских отношений (Plut. Cim., 5).

С точки зрения Диодора, поводом к гонениям, организованным спартамцами против Фемистокла, стало его могущество: «поскольку Фемистокл, – сообщает автор, – у них [афинян] был в почете и славился своей доблестью, лакедемоняне обвинили его в измене делу эллинов, утверждая, что он был большим другом Павсания и вместе с ним сообща замыслил предать Элладу Ксерксу» (Diod., XI, 54). Далее автор еще раз подчеркивает, что инициатива в этом деле полностью принадлежала лакедемонянам, которые не только сформулировали обвинение и сговорились с враждебно настроенными по отношению к Фемистоклу политиками, но и оказали этим последним финансовую поддержку (XI, 54).

На основании этих сообщений была выдвинута гипотеза, согласно которой Фемистокл был осужден за изменнические сношения с персами незадолго до его

остракизма¹⁴². Впрочем, другие исследователи подвергают эту версию обоснованной критике, поскольку далее в тексте Диодора сообщается, что Фемистокл не только избежал осуждения, но даже более того – продолжил пользоваться в полисе огромным авторитетом (XI, 54)¹⁴³. Обстоятельство этого процесса несколько проясняет (по иронии, в одном из наиболее туманных своих свидетельств) Аристотель, вскользь упоминающий о выдвинутых против Фемистокла обвинениях в медизме в своем известном и достаточно курьезном рассказе о совместной с Эфиальтом деятельности этого политика, направленной против членов Ареопага (Ath. Pol., 25). Фемистокл, по словам философа, хотя и являлся сам членом этого древнего института, однако «должен был судиться за сношения с мидянами»¹⁴⁴. Известно, однако, что политика Фемистокла имела подчеркнута демократическую направленность и шла таким образом вразрез с интересами аристократического Совета Ареопага, влияние которого после Саламинского сражения заметно возросло. С другой стороны, возбужденное против Фемистокла дело должно было носить характер исангелии – «чрезвычайного заявления»¹⁴⁵, а следовательно, находилось в компетенции именно Ареопага. Таким образом, Фемистокл оказывался загнанным в угол: выносить приговор должны были ареопагиты, в то время как большинство из них были заинтересованы в устранении Фемистокла. Избежать обвинительного приговора Фемистокл мог лишь одним путем – добившись передачи дела в ведение Народного Собрания. Таким образом, в приводимом выше пассаже Аристотель (а точнее, не вполне точно интерпретированные им источники) может подразумевать, что Фемистокл оказал

¹⁴²см.: Ostwald M. 1993: The Areopagus in the Athenaion Politeia// Aristote et Athènes / M. Piérart (ed.). Paris. – P. 147-148.

¹⁴³ Строецкий В.М. Диодор Сицилийский о процессах против Фемистокла и Павсания (XI, 39 – 47; 54 – 59)// Из истории античного общества. №2. – Горький, 1979. – с.26-27; Кудрявцева Т. В. Народный суд в демократических Афинах. – СПб., 2008. – с. 61-62; Гушин В.Р. Фемистокл и Аристид... – с. 12.

¹⁴⁴ Данное место «Афинской политии» не раз подвергалось со стороны исследователей анализу, разбор всех тонкостей которого заслуживает отдельного исследования. Вкратце выводы исследователей можно свести к тому, что Аристотель смешал в этом месте два эпизода, имеющие отношения к Ареопагу (события 471/70 гг., когда Фемистокл был обвинен или подвергнут угрозе обвинения в медизме, и 462 г., когда была проведена реформа Ареопага, изъявшая из его компетенции множество традиционных функций – см.:

¹⁴⁵ Ostwald M. The Areopagus in the Athenaion Politeia // Aristote et Athènes / M. Piérart (ed.). Paris, 1993 – P. 147-148; 151.

давление на некоторых своих коллег-ареопагитиков именно с целью изъятия своего дела из компетенции Ареопага и передачи его на рассмотрение в афинскую экклесию. Ставка на лояльность народа оказалась верной, и Фемистокл, который и сам в начале 480-х искусно применял обвинения в медизме против своих соперников, был полностью оправдан. Тем не менее, несмотря на восстановленную репутацию, в том же году (следуя за логикой изложения Диодора, относящего данный эпизод к архонтству Праксиерга – XI, 54) он был изгнан посредством ostracism .

Античные авторы связывают изгнание Фемистокла с ростом его влияния, ставшего чрезмерным и вызывающим потому негодование его свободолюбивых сограждан, которые теперь «из зависти охотно верили разным наветам» на своего простата (Plut. Them., 22; Diod., XI, 55). В целом интерпретация Диодора и Плутарха вполне правдоподобна, однако требует некоторых дополнений. Поскольку решение об изгнании Фемистокла исходило от афинского народа, который менее года назад вынес Фемистоклу оправдательный приговор по делу об измене, то в этой ситуации, скорее всего, имела место ловкая политическая агитация, при помощи которой недоброжелатели – быть может, члены Ареопага, не так давно подвергшиеся со стороны политика нападкам – умело подогрели направленное против Фемистокла раздражение. Последующие события допускают правду и участие спартанцев, поставивших своей целью устранить из политической жизни Афин влияние Фемистокла и осуществлявшие это, сделав «рупором» своей политики в полисе лаконофила Кимона, позиции которого в эти годы были довольно сильны. Предпринятая с подачи спартанцев, ареопагитов или каких-либо других врагов Фемистокла, но акция эта имела успех: врагам удалось дискредитировать Фемистокла, и в 471/70 гг. он покинул Афины¹⁴⁶ .

¹⁴⁶Между прочим, в связи с этими событиями Плутарх делает одно замечание, прекрасно характеризующее его взаимоотношения в эти годы с Фемистоклом и Аристидом, по-видимому единственного из всех оказавшего ему поддержку (Aristid., 25). В другом месте Плутарх называет обвинителем Фемистокла некоего Леобота, сына Алкмеона (Plut. Them., 23), что позволяет допустить участие в направленной против Фемистокла акции отдельных представителей Алкмеонидов, что прекрасно вписывается в контекст взаимоотношений членов этого рода с политиком в предшествующее десятилетие.

Опальный политик нашел временное убежище в Аргосе, однако был вынужден покинуть его после того, как лакедемоняне, «стремясь воспользоваться моментом, чтобы погубить Фемистокла», не выдвинули против него повторных обвинений с требованием вынести дело об его измене, как затрагивающее интересы всех эллинов, на рассмотрение союзного, общегреческого суда (Diod., XI, 55 – ср.: Plut. Them., 23). Устранения Фемистокла требовали интересы спартанцев в полисах Пелопоннесского союза. Первоначально Фемистокл, судя по всему, находился в достаточно дружелюбных взаимоотношениях со спартанской правящей верхушкой, на что указывают хотя бы те почести, которые были оказаны ему в Лакедемонии после одержанной под его руководством победы при Саламине (Herod., VIII, 124-125). Последовавшему вскоре охлаждению между Фемистоклом и Спартой могло способствовать как общее напряжение между полисами, первые симптомы которого обнаружили себя вскоре после битвы при Платеях, так и участие Фемистокла в возведении афинских стен, организованном вопреки сопротивлению со стороны лакедемонян (Diod., XI, 39-40; Plut. Them., 19). Как бы то ни было, но по прибытии в Аргос Фемистокл принимает активное участие в антиспартанском движении полисов Пелопоннесской лиги (Thuc., I, 135), в связи с которым лакедемоняне и выдвинули требование предания его всесоюзному суду¹⁴⁷.

Предвидевший, что «суд будет несправедливым, но угодным лакедемонянам», Фемистокл бежал, продвигаясь все далее на восток, он достиг владений царя молоссов Адмета, снабдившего его деньгами, однако отказавшегося вступать из-за него в открытую конфронтацию со спартанцами (Diod., XI, 56). Тогда, гонимый эллинами, Фемистокл отправился в Азию, где воспользовался гостеприимством своего проксена Лисида. Через этого Лисида Фемистоклу удалось приблизиться к персидскому двору¹⁴⁸, где изгнанник не только нашел надежное убежище, но и был удостоен милостей, получив от царских щедрот три города,

¹⁴⁷ Взаимоотношения Фемистокла с полисами Пелопоннесского союза заслуживают отдельного сюжета. Подробнее о них – см.: Andrewes A. Sparta and Arcadia in the Early Fifth Cent// Phoenix. 1952. Vol.6. – P.2; Forrest W.G. Themistocles and Argos// CQ. 1960. Vol. 10. – P.221; Строгоцкий В.М. Афины и Спарта... - с. 147.

¹⁴⁸ Вопрос о том, каким именно царем – Ксерксом (Diod., XI, 56) или Артаксерксом (Thuc., I, 137; Nep. Them., 9; Plut. Them., 27) – был принят Фемистокл, является дискуссионным.

«необходимых для жизни и развлечений»: Магнесию на Меандре, Миунт и Лампсак (Thuc., I, 138; Nep. Them., 10; Plut. Them., 29). Здесь, среди восточной роскоши – «изгнанный теми, кого он более всего облагодетельствовал» и почитаемый теми, «кому принес неисчислимые страдания» (Diod., XI, 58), Фемистокл и окончил свои дни, пережив своего «вечного соперника» Аристиде (Plut. Per., 7), но так и не вернувшись на землю многим обязанной его энергии Эллады.

3. 3. Военная и политическая деятельность Кимона

После изгнания Фемистокла Аристид, по-видимому, совсем отходит от государственных дел (Plut. Aristid., 26), и место первого гражданина занимает Кимон, сын Мильтиада. Неудача его отца во время Паросской экспедиции быстро изгладилась из памяти афинян, оставив в ней место лишь для блистательных побед, одержанных им под Марафоном и позже, когда терпящие поражение персы попытались захватить оставленные без гарнизона Афины – отблеск этой славы коснулся и его сына, который также начал свое возвышение со славных побед. Впрочем, простив Мильтиаду его дерзкую попытку захватить за общественный счет остров Парос, афиняне не отменили однако вынесенного ему приговора: колоссальную сумму штрафа (50 талантов) в полном объеме был вынужден выплачивать Кимон. Кимон был свояком Каллия из рода Кериков (Nep. Cim., 1; Plut. Cim., 4; Athen., XIII, 589d) – одного из богатейших граждан полиса, который мог оказать ему помощь в погашении части долга, стоящего на пути Кимона к государственной деятельности. Уплата долга означала снятие атимии и начало официальной политической правомочности. Вряд ли, однако, Каллий выплатил всю сумму, поскольку семья Мильтиада была достаточно состоятельной, чтобы внести по крайней мере её часть (Herod., VI, 41), и, кроме того, другую часть могли выплатить Алкмеониды, также связанные с Кимоном узами свойства (Ephor. FGrHist. 70. F64). Избавившись так или иначе к 480-му году от долговых обязательств, Кимон, уже достигший 30-тилетнего возраста, устранил все те

препятствия, которые стояли между ним и политическими магистратурами и вступил на поприще активной общественной жизни. Впервые активное участие в жизни полиса Кимон проявил в 480 г., во время Саламинского сражения – участвуя в нём в качестве рядового воина, обнаружив отвагу и бесстрашие, благодаря чему «вскоре начал пользоваться известностью среди сограждан и их благоволением, так что многие из них... побуждали [его], не откладывая, задумать и совершить что-нибудь достойное Марафона» (Plut. Cim., 5), а уже в 478 г. занимает совместно с Аристидом должность одного из стратегов в ходе морских кампаний Эллинского союза (Plut. Aristid., 23; Cim., 6).

Встав с протекции Аристида во главе Делосской симмахии, Кимон тут же начал активную завоевательную политику. Первой его акцией на новом поприще (ставшей также первым совместным мероприятием союзных государств) стал поход в богатую лесом, золотом и серебром Фракию (Herod., V, 23; Thuc., I, 100-101), на побережье которой еще оставались персидские базы для нападения на Грецию (Herod., VII, 25). Лучше всего в нашей традиции освещен эпизод этого похода, связанный с осадой Эйона, взятие которого в 477/6 стало демонстрацией жесткой политики Афин, обративших все население крепости в рабство (Herod., VII, 107; Thuc., I, 98; Aeshyn., II, 183-185; Demosth., XXIII, 199; Diod., XI, 60; Plut. Cim., 7; Nep. Cim., 2; Paus., VIII, 8-9). Хотя сам город и был сожжён осаждёнными дотла, тем не менее достался всё-таки афинянам (Plut. Cim., 7). Сограждане высоко оценили эту победу Кимона, который даже был удостоен права установить в ее честь три каменные гермы с посвятельными надписями, что представляло собой верх доверия и почета (Plut. Cim., 7). Для самих афинян взятие Эйона означало начало открытой экспансии, которая в условиях острого земельного голода, уже с архаического периода ставшего одной из главных проблем неплодородной Аттики, имела не только политическое, но экономическое значение (Plut. Cim., 8 – ср.: Plat. Menex., 237c-d; Crit., 109c - 110e).

Следом за Эйоном под командованием Кимона был взят о. Скирос, жители которого хотя и сохранили свободу, но вынуждены были принять на своих землях афинских колонистов-клерухов (Thuc., I, 98; Diod., IV, 62; XI, 60; Plut. Cim., 8; Nep.

Cim., 2; Paus., I, 17). Полагали, что на Скиросе покоились останки мифического афинского царя Тесея, бежавшего сюда после своего свержения с престола и изменнически убитого царем островитян Ликомедом. Кимон успешно эксплуатировал это предание, став инициатором возвращения праха героя в Афины, где на месте нового погребения было основано святилище Тесейон (Plut. Cim., 8). Так, силой оружия, Афины утверждали свое господство над другими полисами, а влияние Кимона, ставшего главным исполнителем их гегемониальной политики, существенно возросло, доставив ему звание первого гражданина (Aristot. Ath. Pol., 26; Plut. Cim., 8). Впрочем, свой авторитет сын Мильтиада поддерживал и другими популярными мерами. Так, он приказал ежедневно готовить обед для членов своего дема, позволил беспрепятственно пользоваться плодами из своих садов, раздавал одежды и деньги беднякам, и в целом проявлял себя как бескорыстный и щедрый простак народа (Aristot. Ath. Pol., 27; Nep. Cim., 4; Plut. Cim., 10). Помимо демагогических приемов в числе факторов, способствующих возвышению Кимона, стоит упомянуть ту поддержку, которую оказал ему аристократический по составу Совет Ареопага, временно усиливший свое влияние (Aristot. Ath. Pol., 25). Однако ни военная, ни демагогическая деятельность Кимона в сущности не соответствовали его «аристократическим и спартанским» политическим идеалам (Plut. Cim., 10).

Военные кампании во Фракии и на Сикионе обнажили гегемониальные притязания Афин, которые уже с первых лет существования симмахии начинают проявлять тенденции к жесткому доминированию, проявившемуся в формах колонизации, военного превосходства и подавления всех проявлений сепаратизма¹⁴⁹. Давление Афин вызывало негодование других полисов, и не прошло и десяти лет с момента образования Делосского симмахии, как союзники начали предпринимать попытки отпадения от Афин, и первым около 470-го года восстал о. Наксос, осада которого продолжалась до 469 г. (Thuc., I, 98; 137; Nep.

¹⁴⁹ Строецкий В.М, Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. – Горький, 1987. – с. 86-87; Он же. Афины и Спарта... – с. 140.

Впрочем, ряд исследователей полагает, что взаимоотношения Афин с союзниками строились на принципах взаимовыгодного сотрудничества – см.: Finley M.I. The fifth-century Athenian empire// Imperialism in the ancient world. – Cambr., 1978. – P. 125; Лурье С.Я. Эксплуатация афинских союзников// ВДИ. 1947. №2. – с. 27.

Them., 8; Polyae., I, 30). После подавления мятежников Кимон решил воспользоваться обстоятельствами, в силу которых значительные военные силы афинян оказались сконцентрированными у южной части Малой Азии, чтобы освободить от персов юго-западную Эгеиду (Diod., XI, 60; Plut. Cim., 12). Склонив к союзу города Карики и Ликии (Diod., XI, 60), он нанес персидским войскам сокрушительное поражение на суше и на море, вошедшее в историю как двойная победа Кимона под Эвримедонтом (Thuc. I. 100; Diod. XI, 60; Plut. Cim., 12; Nep. Cim., 2; Polyae., I, 34; Paus., I, 29). После одержанных им блестящих побед Кимон отправился на Херсонес, где им были разбиты недовольные афинским вторжением фракийцы, а в 465/4 гг. ему пришлось отправиться на Фасос, подавлять восстание уже других мятежных островитян. Поводом к восстанию послужил спор с афинянами из-за мест торговли и приисков (Thuc., I, 192). До его начала о. Фасос находился в составе Делосского союза на привилегированном положении и вместо уплаты фороса поставлял военные корабли, однако после капитуляции фасосцев в 463/2 гг., они были вынуждены платить ежегодные денежные взносы наравне с другими союзниками, а также срыть все городские укрепления.

Фассосцы капитулировали на третьем году осады – то есть, в 463/2 гг., Есть основания полагать, что во время восстания поддержку фасосскому восстанию оказала Спарта, укрепившая влияние в полисах Пелопонесской лиги и теперь стремившаяся расширить его за счет государств Делосского союза (Thuc., I, 101). Особое значение Спарты, как идеологического центра сторонников олигархии в других полисах было безусловным уже для современников событий. Так, Фукидид отмечает, что «вся Эллада...была потрясена», и что «повсюду происходили раздоры между демократическими и олигархическими партиями, причем представители первой призывали афинян, представители второй – лакедемонян» (III, 82). В качестве примера историк приводит опыт Керкиры, вооруженные столкновения в которой демократической и олигархической группировок было, по его словам, спровоцировано именно военными действиями между Афинами и Спартой (III, 70-81). О той же тенденции свидетельствуют и другие авторы: так, по словам Ксенофонта спартанцы были убеждены, что в

случае победы на Родосе демоса полис вступит в союз с Афинами, а в случае, если победу одержат богатые слои города – его союзником станет Спарта (Xen. Hell., IV, 8); аналогичная ситуация, по словам историка, имела место и в Сикионе (Xen. Hell., VII, 1). С другой стороны, взаимоотношения других полисов с Афинами или Спартой не всегда отражали политический вес сторонников того или иного государственного устройства: так, тот же Ксенофонт отмечает, что хотя в Коринфе «лучшие» стремились сбросить с себя афинское господство (Xen. Hell., IV, 4)¹⁵⁰, однако «лучшие в Мантинее», напротив, стремились вступить с афинянами в союз (Hell., V, 2; VI, 4; VII, 1). Кроме того, не носили демократического характера и антиспартанские силы в Фивах, примкнувшие к Афинам лишь на время, с целью оттеснить своих противников (Xen. Oxyg., XII, 1).

Впрочем, в самом Лакедемоне обстановка в те годы была далека от благополучной. Известно, что спартанское рабство существенно отличалось от рабства в других полисах своей моноэтничностью, а следовательно и большей организованностью, что вынуждало спартиатов применять в отношении илотов жесткие репрессивные меры – вплоть до физического уничтожения (Thuc., IV, 80; Athen., XIV, 657d; Plut. Lic., 28). Глухо зреющему в среде рабов недовольству было достаточно малейшего повода для перерастания в открытое восстание, и этот повод был дан в 465/4 гг., когда крупное землетрясение ознаменовало собой начало III Мессенской войны (Thuc., I, 101; Plut. Cim., 16; Paus., IV, 24; Schol. Aristoph. Lysistr., 1142; Aelian., VI, 7; Polyae., I, 41)¹⁵¹. Спартанцы были вынуждены искать помощи в Афинах, где по вопросу целесообразности поддержки лакедемонян разгорелись жаркие дебаты. Кимон настаивал на необходимости бросить на подавление восстания военный контингент, мотивируя это тем, что подобно двум быкам, запряженным под одним ярмом, лишь совместными усилиями Афины и Спарта могут привести Элладу к могуществу (Plut. Cim., 16). Несмотря на

¹⁵⁰Впрочем, в Коринфе политические группировки были дифференцированы по принципу их отношения к внешней политике, а не по принципу внутриволисного устройства – см.: Perlman S. The Causes and the Outbreak of the Corinthian War. — CQ. 1964, т. 14. – P. 70. О политических группировках в Коринфе и Фивах – см.: Bruce F. A. O. Internal Politics and the Outbreak of the Corinthian War. — Emerita. T. 28. Madrid, 1960.

¹⁵¹Особняком стоит сообщение Диодора, датирующего это событие 469 г. (XI. 63). – см.: Старкова Н.Ю. К вопросу о хронологии 3-й Мессенской войны// Проблемы историографии всеобщей истории. – Петрозаводск, 1997. – с.4.

авторитет Кимона, его предложение было принято в Народном собрании не без некоторых колебаний ввиду как известных проспартанских симпатий политика, так и того обстоятельства, что с него лишь недавно были сняты обвинения в связях с македонских царем, которым сын Мильтиада был подвергнут в 462 г. (Thuc., I, 101) сразу после возвращения из-под Фасоса. Об обстоятельствах «фасосского дела» сохранилось довольно много упоминаний в традиции (Thuc., I, 100-101; Aristot. Ath. Pol., 27; Diod., XI, 70; Nep. Cim., 2; Plut. Cim., 14-15). По свидетельствам авторов, Кимону в вину ставилось то обстоятельство, что находясь в непосредственной близости от Македонии он не попытался подчинить ее Афинам. Причину такого миролюбия обвинители Кимона видели в получении им взятки от македонского царя Александра I (Plut. Cim., 14).

Эти обвинения исходили со стороны его крайне демократически настроенных недоброжелателей. Античные авторы сообщают, что простатом демоса был в те годы Эфиальт, позднее осуществивший демократическую реформу Ареопага (Aristot. Ath. Pol., 25; Plut. Cim., 10), однако среди современных антиковедов нет единодушия относительно интерпретации деятельности этого политика, и если одни исследователи вслед за Аристотелем и Плутархом главным инициатором свержения власти ареопагитов считают Эфиальта¹⁵², то другие склоняются к тому, что реформа была проведена им совместно с Периклом или даже исключительно последним¹⁵³. Впрочем, на мой взгляд, Эфиальт не мог быть совершенно бледной фигурой в афинской политике, поскольку в противном случае его апелляция к народу навряд ли могла иметь успех. Аристотель сообщает, что Эфиальт пользовался репутацией человека неподкупного и справедливого в делах (Ath. Pol., 25), а избрание его в 464/3 гг. на должность стратега, которую он занимал совместно с Периклом, свидетельствует о доверии граждан к его способностям военачальника (Aristot. Pol., 1274 a; Plut. Per., 9; Mor., 812d). Другое дело, что

¹⁵²Белых К.Ю. греческая история: в 2т./ Пер. с нем. Гершензона. – М., 2009. – с.370; Бузескул В.П. История афинской демократии... - с.144; Бузольт Г. Очерк государственных и правовых древностей... - с.с.160; Коршунков В.А. Эфиальт и значение реформы Ареопага// Античное общество и государство. – Л., 1988. – с.73; Туманс Х. Рождение Афины... - с.394-396.

¹⁵³Грант М. Классическая Греция/ Пер. с англ. В. Федяниной. – М., 1998. – с.37; Латышев В.В. Очерк греческих древностей... - с. 56; Пельман Р.фон. Очерк греческой истории и источниковедения... - с. 184-185.

политическая карьера Эфиальта была довольно рано и грубо прервана в 461 г., когда он был убит рукой некоего Аристодика из Танагры (Aristot. Ath. Pol., 25).

Несмотря на сопротивление Эфиальта и его сторонников, большинством голосов было принято решение поддержать спартанцев, и сам Кимон во главе 4-х тысячного гоплитского войска был направлен в Пелопонесс (Thuc., I, 102, 1 sq.; Plut. Cim., 6-17; Diod., XI, 64, 2; Aristoph. Lysistr., 1137—1144; Ps.-Xen. Ath. Pol., III, 11; Paus., I, 29, 8; IV, 24, 6; Just., III, 6, 2). Спартанцы же все то время, пока в Афинах шли дебаты, продолжали успешно подавлять восстание, и хотя в затяжной форме оно продолжалось до 456/5 гг., от помощи Афин предпочли отказаться. Кимон был поставлен этим отказом в крайне неудобное положение, поскольку именно на него возложил афинский демос вину за понесенное со стороны Спарты унижение. Негодование народа было столь велико, что несмотря на все прежние заслуги перед полисом в 463/2 гг. он был подвергнут остракизму и покинул Афины. Временное торжество демократически настроенных сил открыло перед ними возможности нового наступления на позиции консервативной аристократии, последним оплотом которой в государственной структуре оставался совет Ареопага.

Глава IV. Триумф демократии

4. 1. Реформа Ареопага

Ареопаг был древним органом, восходящим еще к «Темным векам» и первоначально формирующимся из числа наиболее благородных и состоятельных архонтов по окончании срока занимаемой ими магистратуры. Поскольку членство в этом институте было пожизненным, ареопагиты, достигая преклонных лет, представляли собой образец всех наиболее весомых качеств гомеровской системы ценностей – благородства, богатства и старости¹⁵⁴. При Солоне Ареопаг следил за «большинством важных государственных дел» и исполнением законов, рассматривал дела о попытках ниспровержения демократии и обладал правом

¹⁵⁴Туманс Х. Рождение Афины... - с.130.

привлечения виновных к ответственности (Aristot. Ath. Pol., 8). Власть Ареопага была сакрализована еще в древности, на что указывает его связь с холмом Ареса, посвященным богиням возмездия Эвменидам – мстительницам за убийство (ср.: Aeschyn. Eum., 567). Обладал совет и некими культовыми функциями, в числе которых была, к примеру, обязанность надзора за священными оливами (Lys., VII, 1; 5).

Однако несмотря на постулируемое традицией могущество Ареопага после изгнания из Греции персов (Aristot. Ath. Pol., 26), нам ничего неизвестно ни о структуре этого института, ни о том, какими именно правами и функциями он обладал в конце 460-х гг., а между тем за 1,5 столетия, что отделяют реформу Эфиальта от солоновского времени, его полномочия могли претерпеть существенные изменения. Плутарх сообщает, что у ареопагитов были отняты некие «судебные функции», что впрочем не относится к делам об убийствах, поскольку в этой сфере судопроизводства Ареопаг остался в своем праве (Cim., 15). Однако известно, что до VI в. судебное разбирательство производили архонты, сохранившие эти полномочия и после реформ Солона с той лишь поправкой, что теперь вынесенный ими приговор мог быть оспорен любым гражданином для повторного рассмотрения дела в Народном Собрании (Ath. Pol., 3; 9). Неизвестно, когда именно архонтами были полностью утрачены судебные функции, однако из постановления о взаимоотношениях Афин и союзной Фаселиды, присоединённой к Делосской симмахии в 468/67 гг., следует, что еще тогда право ведения судебных дел оставалось за ними (Plut. Cim., 12; Diod., XI, 60)¹⁵⁵. С другой стороны, в соответствии с законом Солона об амнистии Ареопаг входил в число судов, в компетенции которых находились дела об установлении тирании (Plut. Sol., 19). Однако и эти функции позже были у него отняты и переданы Совету 500 (Xen. Hell., II, 4; Aristot. Ath. Pol., 45). Наконец, Ксенофонт приводит текст постановления, передающего в руки Народного Собрания рассмотрение чрезвычайных дел с вынесением смертного приговора (Xen. Hell., I, 20), из чего следует, что Ареопаг на момент проведения реформы Эфиальта либо располагал

¹⁵⁵Подробнее об этом – см.: Цуканова М.А. Аристотель о периоде главенства Ареопага... - с.148

очень ограниченными судебными полномочиями, либо не имел их совсем за исключением рассмотрения уголовных преступлений¹⁵⁶.

По словам Аристотеля, после того как в течении «по крайней мере 17-ти лет после Мидийских войн» государство оставалось под главенством Ареопага» (Aristot. Ath. Pol., 26), Эфиальтом были изъяты из его ведения все «дополнительно приобретенные им права», распределив их между Советом 500, Народным собранием и гелизеей (Ath. Pol., 25). Иначе говоря, речь в этом пассаже идет об упразднении лишь тех функций Ареопага, которые были приобретены им после Саламинского сражения, во время которого ареопагиты проявили себя на высоте своего положения (Aristot. Ath. Pol., 23; Plut. Them., 10). В этом отношении весьма характерно, что установление в полисе «режима Ареопага» Аристотель ставит в один ряд в такими явлениями афинской истории, как законодательство Драконта или тирания Писистратидов (Aristot. Ath. Pol., 41). Включение в данный перечень должно означать, что функции Ареопага далеко выходили в это время за рамки судебной или культурно-воспитательной политики и заключались, вероятно, в области политики внешней. Такая интерпретация, во всяком случае, объясняет употребление по отношению к ареопагитикам эпитета «стражи государства» (Aristot. Ath. Pol., 25). Исократ в своем «Ареопагитике», прославляющем освещенную веками мудрость этого института, упоминает правда о неких воспитательных компетенциях совета (Areopag., 43; 55), однако сомнительно, что могущество этого института могло зиждиться исключительно на них. Таким образом, судя по всему Ареопаг вернул после Саламинского сражения часть ранее изъятых из его компетенции прав и даже существенно их расширил за счет неких новых политических полномочий, позволивших ему фактически сконцентрировать в своих руках управление государством, и неслучайно многие выдающиеся деятели тех лет осуществляли свою политику именно будучи членами

¹⁵⁶Это положение подтверждается также целым рядом косвенных, но достаточно убедительных свидетельств: Геродот приводит описание процесса над Мильгиадам, в котором в качестве главного «обвинителя» и «судьи» выступает народ (VI.136); Народное Собрание рассматривало и дело Фемистокла в связи с процессом Павсания (Thuc., I, 135; Plut. Them., 23).

Ареопага¹⁵⁷. Что касается структуры Ареопага, то она, похоже, не претерпела существенных изменений, оставаясь собранием наиболее почитаемых и состоятельных граждан полиса из числа бывших архонтов. Единственным новшеством, привнесенным более чем столетием интенсивного реформирования полиса, стало включение в состав Ареопага фесмофетов (Plut. Per., 9) – что, ничуть не меняло консервативного характера учреждения, поскольку вплоть до 457 г. вступать в него могли лишь выходцы из двух первых имущественных классов – пентакосиомедимнов и всадников. Таким образом, Ареопаг представлял собой последний рубеж на пути афинской демократии к безраздельному господству, пройденный ей в 462 г. в результате реформы Эфиальта.

К осуществлению своего замысла Эфиальт приступил сразу после изгнания Кимона, влияние которого могло оказать негативное для его планов воздействие на народ. Прежде всего Эфиальтом была проведена серия судебных разбирательств с целью дискредитации ареопагитов (Aristot. Ath. Pol., 25), после чего на голосование был вынесен проект реформы, предполагающей изъятие у Ареопага значительной части прав. Проект был принят, в результате чего этот оплот консервативного аристократизма был лишен всех политических и большей части судебных функций, сохранив лишь наиболее древний пласт своих религиозно-судебных полномочий. Впрочем, для некоторых граждан полиса Ареопаг так и оставался образцом благородства и высокой нравственности предков, и в этом отношении весьма характерно, что олигархически настроенные авторы IV в. надежды на возрождения «благозакония» связывали именно с Ареопагом (Isocr. Aropag., 37-43)¹⁵⁸. Реформа Ареопага стала последним крупным, эпохальным завоеванием демократии, «открывшим шлюзы» набирающему силу народовластию. Аристотель сообщает, что после реформы 462 г. в Афинах начинается «отступление от предписаний

¹⁵⁷Ареопагитами были Фемистокл (Aristot. Ath. Pol., 25) и Аристид (Plut. Aristid., 5).

¹⁵⁸Попытки возрождения Ареопага, судя по всему, действительно предпринимались во второй половине IV в.: так, один декрет 337/6 гг. демонстрирует те опасения, которое вызывало возможное усиление этого древнего института даже спустя столетия после своего свержения – см.: Фролов Э.Д. События 346/5 – 318/7 гг. до н.э. в отражении эпиграфических источников// ВДИ. 1963. №1. – с.206 ; характерно также участие Ареопага в «процессе Гарпала». – см.: Кондратюк М.А. Политическая борьба в Афинах в 324/23 гг. и «процесс Гарпала»// Древний Восток и античный мир. – М., 1980. – с.158-180.

законов» (Ath. Pol., 26). По-видимому, ранее беззаконию препятствовали полномочия Ареопага, который должен был «блности обычаи» и препятствовать новым, «вредным» постановлениям во имя «строгости законов» (Ath. Pol., 23). Под этими полномочиями могло скрываться, в том числе, и право veto на новые законы, на негодные ареопагитам демократические постановления – и, возможно, именно оно было утеряно ареопагитами в ходе реформы Эфиальта. Права, ранее принадлежащие Ареопагу, были разделены между Советом 500, судами и Народным Собранием – институтами, ещё ранее перенявшими судебные функции этой аристократической и консервативной структуры¹⁵⁹. Хлебнувший «несмешанного вина свободы» (Plut. Per., 7), народ афинский смело завоевывает новые позиции, все более явно доминируя над своими простатами и принимая ту форму «тирании народа», с которого спустя столетие Аристотель калькирует свое описание охлократии – крайней и неправильной формы народовластия (Pol., IV, 4. 2-5), и на который направит стрелы своей иронии Аристофан (Equit., 43-86).

После 462 г. наступает краткий период почти безраздельного господства Афин. Прочно утвердившись на море, они посылают суда на Кипр, к берегам Азии и в Египет (Herod., VII, 7; Thuc., I, 104; Diod., XI, 71; Isocr., VIII, 66; Plut. Them., 31; Aelian. Var. Hist., V, 10), а в 459 г. заявляют свои притязания на земли Греции, одержав победу над силами Коринфа, Эгины и Эпидавра, выступивших против них в связи с установлением афинского протектората над Мегарами (Thuc., I, 103; 105-106; Diod., XI, 79). Это событие стало началом первого вооруженного конфликта между Пелопоннесским и I Афинским морским союзами, получившего позднее название Малой Пелопоннесской войны. В самих Афинах было начато строительство Длинных стен, которые должны были объединить Афины с Фалером и Пиреем и сделать их неприступными со стороны суши (Thuc., I, 107; Plut. Cim., 7). Перспектива изоляции от союзников и объединения с оплотом корабельной черни возмущала состоятельных граждан полиса, часть которых отдавала свои симпатии Спарте. Впрочем, последовавшее в 457 г. поражение афинян при Танагре (Thuc., I, 107-108; Diod., XI, 80; Plut. Cim., 17; Per., 10; Paus., I, 29; Nep. Cim., 3)

¹⁵⁹ Цуканова М.А. Аристотель о периоде главенства Ареопага... - с.148.

несколько смягчило противоречия между представителями разных общественно-политических течений, обнажив перед ними необходимость совместных действий против внешнего врага.

Перикл, ставший после смерти Эфиальта признанным лидером народа, первым выступил с предложением вернуть в Афины Кимона – самого прославленного полководца своего времени (Theop. FGH. 115 F. 88; Plut. Cim., 17-18). Возвращение победителя персов при Эвримедонте не переломило существенно хода войны, поскольку силы полиса были надломлены, а неудачи на материке усугубились поражением афинян в Египте (Thuc., I, 110; Isocr., VIII, 86 – ср.: Diod., XI, 178). При посредничестве Кимона между Пелопоннесской лигой и I Афинским Морским союзом на условиях *status quo* было заключено перемирие сроком на 5 лет, позднее продленное Тридцатилетним миром 445 г., ставшим актом обоюдного признания союзов (Thuc., I, 115; Diod., XI, 80; XII, 7; Aeschin., II, 172)¹⁶⁰. Однако, война имела серьезные последствия не только для внешней политики Афин, потерявших сферы влияния в Беотии и на Эвбее, но и для внутреннего развития полиса. На полях сражений остались лучшие представители афинской аристократии, формирующей ядро сухопутного войска, что привело к еще большему усилению и без того существенно преобладающего демократического элемента.

Кимон сразу после заключения перемирия организовал экспедицию на Кипр с целью освобождения острова от персов и установления над ним афинского господства (Diod., XIII, 3-4; Plut. Cim., 18-19; ср.: Thuc., I, 112). Во время Кипрской кампании (449 г.) от погиб, так и не дожив до формального завершения Мидийских войн, под знаком которых прошла вся его политическая и военная деятельность. Год его смерти с античных времен считается переломным в истории Афинского полиса, вступившего в фазу своего наивысшего расцвета.

¹⁶⁰Бузескул В.П. История афинской демократии... - с. 164-166.

4. 2. Начало "золотого века" Перикла

449 г. стал переломным в истории Афин и всех греческих полисов: в этот год умирает Кимон; заключается Каллиев мир, положивший конец затяжному конфликту с Персией – очередному эпизоду извечной борьбы между Востоком и Западом; в этот период достигает своей кульминации противостояние Афин и Спарты и завершается трансформация Делосской симмахии в Афинскую архе, ставшую основанием для длительного и деспотического господства Афин над союзными государствами. Все это не могло не сказаться и на характере внутривосточной борьбы в Афинах, не утекающей ни в годы Мидийских войн, ни позже, когда главным противником афинского народа за пределами полиса становится Пелопонесский союз. Но у демоса по-прежнему оставались враги и в самих Афинах: аристократия, так и не смирившаяся со своим положением, продолжала борьбу, начатую ей со времен клисфеновских реформ – однако неудачи, понесенные ей в первой половине столетия, уже определили исход долгого противостояния не в ее пользу.

Последний оплот аристократии рухнул в 462 г., после чего истинным властелином Афинской Морской империи становится демос. Закономерным следствием стало появление демагогов, которые научатся со временем ловко направлять поток общественных антипатий и симпатий в нужное для себя русло. Впрочем, в те годы, когда первым гражданином будет Перикл, данные тенденции будут не столь заметны: как отмечает Фукидид, государственный строй представлял при нем фактическую власть одного, лишь декорированную элементами демократии (II, 65)¹⁶¹. С другой стороны, Перикл и сам боялся народного гнева – настолько, что, по словам Плутарха, предпочел вопреки своим «природным» склонностям опереться на него и дать ему свободу, лишь бы не пасть самому жертвой его неудовольствия (Plut. Per., 7). Даже в век зрелой демократии в Афинах сохранялась и была довольно сильна олигархическая оппозиция: против

¹⁶¹После смерти Перикла во главе полиса сменяется целая галерея демагогов; взаимоотношения их с народом нашли образное отражение в комедии Аристофана «Всадники», одним из главных действующих лиц которой стал Клеон, действительно бывший демагогом ок. 424 г., когда была поставлена комедия.

Перикла выступал Фукидид, сын Мелесия, против Клеона – Никий, против Клеофонта – Ферамен (Aristot. Ath. Pol., 28). Однако, политическая обстановка заметно изменяется, перестав соответствовать дуальной схеме «демократии» и стремящейся к ее умеренной форме «аристократии», поскольку сама аристократия претерпевает в эти годы ломку, результатом которой стало превращение семейно-политических анклавов первой половины V в. в новую форму организации.

Известно, что когда мы говорим о борьбе разных политических течений в древнем мире, то практически всегда подразумеваем выходцев из аристократии, выступающих с опорой на различные общественные классы, преследующих различные цели и проводящих различные политические принципы и идеалы. Деятели аристократического, консервативного толка стремились к сохранению своего господствующего положения и контролю над основной массой населения, осуществляемому в рамках традиционных государственных институтов, и в первую очередь совета Арелопага. Деятели демократического толка, напротив, проводили свою политику, ориентируясь на средние и бедные слои населения – ремесленников, торговцев, небогатых землевладельцев, а после проведенной Фемистоклом реформы – на работников стремительно расширяющего флота. Данные тенденции, характерные для политиков демократического толка в годы Греко-Персидских войн, оставались актуальными и во времена Перикла – с той разницей, что теперь вместо завоевания свобод перед демосом и его простатами стояла теперь не менее важная задача удержания позиций. Иная ситуация сложилась в лагере аристократии, которой предстояло заново приобрести все те полномочия и привилегии, которые были у нее отняты в ходе более чем полувековой борьбы и перешли в компетенцию демоса. Задачи эти и замыслы, как отметил анонимный автор «Афинской политики», были трудновыполнимы, если не невозможны для проведения в жизнь. Наименьшее, что могли сделать афинские консерваторы для достижения своих целей – это отказаться от традиционных семейно-политических анклавов и найти новую форму организации, более компактную, эффективную и гибкую. И действительно, структура традиционных объединений знати, восходящих еще к аристократическим союзам архаического

времени¹⁶², претерпевает в середине V в. до н.э. существенные изменения и приобретает форму олигархической гетерии¹⁶³.

Чтобы подойти к анализу данной проблемы, следует прежде всего провести четкую границу между самими понятиями «аристократия» и «олигархия», и сделано это должно быть, прежде всего, в том значении, какое придавали этим терминам античные авторы. Здесь нам приходится столкнуться с привычными трудностями недостаточности ранней традиции – фактически, самым ранним автором, на которого можно опереться в данном вопросе, является Аристотель, трактаты которого о политическом устройстве греческих полисов были написаны уже «постфактум», а следовательно, не могут быть полностью аутентичным источником для реконструкции политической терминологии предыдущего столетия. Кроме того, любой политический трактат несет на себе печать субъективного восприятия автора, в связи с чем требует сравнения с данными другой традиции. Однако, на основе аристотелевской «Политики» мы видим, что во всяком случае в IV в. разница между формами государственного устройства была хорошо известна и заключалась в том, что «в основе аристократии лежит добродетель, олигархии – богатство, а демократии – свобода» (Aristot. Pol., IV, 6, 2). Таким образом, философ постулирует принципиальную разницу между аристократическим и олигархическим образом мышления и жизни, которая заключается в смене приоритетов с гомеровской ἀριτή на πλούτος, неизбежное господство которого в системе ценностей «лучших» граждан было заложено еще реформами Солона. Платон предлагает любопытный пример того, каким образом происходит формирование этого нового, олигархического сознания (Resp., VIII, 553 b-d), выводя образ сына, наблюдающего крушение амбиций своего отца, столкнувшегося с государством, «словно с подводной скалой». По словам философа, это могло случиться, если отец занимал должность стратега или любой другой высокий общественный пост, а затем был привлечен к суду «по навету

¹⁶² Андреев Ю.В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). – СПб., 2004. – с.184.

¹⁶³ Данная точка зрения, согласно которой после Кимона «старая» аристократия навсегда уступает свое место в системе общественных отношений полиса олигархии, восходит еще к Плутарху и поддерживается современными исследователями – см.: Владимирский В.М. Олигархия в Афинах... - с. 5 сл.

клеветников» и приговорен к конфискации, изгнанию или смертной казни. Но даже если отцу удастся сохранить свою жизнь, он «присмирет из-за бедности» и «ударится в стяжательство», и его сын, имея перед глазами пример того, как сурово обходится государство со своими выдающимися гражданами, также отдаст предпочтение имущественному, а не общественному положению.

Авторитет афинских «нобилей» зиждился на юридических, военных и религиозных функциях, столетиями сосредоточенных в руках аристократических семейств, и права их были освещены вековой традицией. Эти семейства заключали между собой политические союзы, легитимация которых предполагала заключение брачных союзов – иначе говоря, политическая связь вуалировалась под связь родственную, кровную, что а priori предполагало высокий статус той семьи, с которой заключался союз. Замкнутость, обусловленная решающим значением во взаимоотношениях знати фактора происхождения, приводила к формированию специфического аристократического этоса, основанного на осознании глубокой, непреодолимой пропасти, лежащей между *πλέθος* («толпой») и изолированных от нее *χρῆστοί* («знатных и лучших»). В отличие от этой традиционной аристократии, олигархия заменяет знатность богатством, в связи с чем рушится вся иерархия выстроенных на этом фундаменте принципов и отношений, и место в этой иерархии рода занимает теперь группа граждан, объединенных одними политическими идеалами.

Тем не менее, олигархические гетерии унаследовали замкнутость и корпоративность аристократических союзов, яркий пример которых дает так называемое «дело гермокопидов», в ходе которого заявления Андокида, возложившего ответственность за разрушение герма на некоторых членов своей гетерии, оказалось достаточным для того, чтобы автоматически распространить обвинение на всех ее представителей (Andoc., I, 34; 49). Очевидно, их вина в данном случае доказательств – достаточно было их принадлежности к тому же сообществу, к которому принадлежали совершившие нечестие граждане. Гетерия, таким образом, мыслилась современниками как анклав объединенных одними политическими целями политиков, все действия каждого из которых

согласовывались с интересами группы и проводились с ее одобрения или подачи – и у нас нет оснований сомневаться в том, что так оно и было в действительности. Другой пример корпоративности гетерий дает Плутарх: Перикл, по его словам, старательно избегал близкого общения, боясь быть «уличенным» в связи с той или иной гетерией, что свидетельствует о замкнутости этих «товариществ», о принадлежности к которой можно было судить на основании таких аргументов, как посещение одного из гетайров.

Несмотря на глубину различий между олигархическим и аристократическим образом мыслей, олигархия была закономерным и органическим продолжением аристократии, на что указывает в том числе преемственность понятия ἀρχή: так, у того же Аристотеля мы встречаем следующее рассуждение об олигархии: «Люди, имеющие большой имущественный достаток, чаще всего бывают и более образованными, и более благородными. Сверх того представляется, что люди состоятельные уже имеют то, ради чего совершаются правонарушения; и уже одно это упрочивает за такими людьми название безукоризненных и знатных» (Aristot. Pol., IV, 6, 2). Таким образом, олигархия усвоила культивируемые аристократическими семействами элементы гомеровской этики, лишь интерпретировав их в соответствии со своими задачами. Все эти черты сходства были обусловлены отношениями преемственности олигархических гетерий и с древней аристократии, на что указывает сама форма их объединения, происхождение которой восходит еще к мужским союзам архаического времени, объединяющим членов знатных аристократических семейств.

Несмотря на то, что, как уже отмечалось, условным временем появлением в политической жизни Афин олигархических гетерий считается середина V в., основы этого феномена были заложены, по всей видимости, самое позднее в период Греко-Персидских войн. В пользу этого говорят как соображения косвенного характера (поскольку вызывает сомнения предположение, что афинским аристократам потребовалось полтора столетия со времен Солона, чтобы приспособиться к изменившейся обстановке), так и свидетельства традиции. Так, нам известно, что уже ни Аристид, ни Фемистокл не были, насколько нам известно,

связаны в зрелый период своей деятельности с тем или иным родом афинской знати – обстоятельство, стоящее в прямой связи с ориентацией обоих политиков, в первую очередь, на полисные интересы. Тем не менее, в биографии Аристиды Плутарх приводит любопытный эпизод, позволяющий допустить существование олигархической гетерии уже в первые годы после Саламинского сражения. По словам Плутарха (Aristid., 13), в 479 г., когда Аристид занимает должность стратега с неограниченными полномочиями, им был раскрыт заговор, направленный на свержение демократии. Как сообщает Плутарх, ядром этой группы были восемь человек, среди которых поименно он называет лишь «лампротрийца Эхина» и «ахарнянина Агасия». Зато биограф предельно ясно очертил мотивы, побудившие их к заговору: «прежде очень богатые, а теперь обращенные войной в бедняков», лишенные вместе с богатствами доставляемых им славы и влияния, эти восемь заговорщиков задумали свергнуть власть народа, а в случае, если им это не удастся – «пустить все прахом и предать государство персам». Эти недовольные вербовали сторонников и им, по словам биографа, удалось привлечь их значительное число к тому моменту, как о существовании заговора стало известно Аристиду. Заговор был им раскрыт и предотвращен именно так, как следовало ожидать от «справедливейшего» из политиков – без суровых наказаний и гласности, так, чтобы не волновать готовившихся к сражению воинов.

В данном эпизоде для нас интересна в первую очередь специфика той группы граждан, против которой пришлось выступить Аристиду. Они, как это следует из сообщения Плутарха, не были связаны длительными узами родства или свойства – во всяком случае, биограф не заостряет на этом внимания. С другой стороны, их объединяло раздражение против войны, лишившей их доставляемого богатством влияния, и афинского демоса, властно захватившего все рычаги воздействия на политику. Судя по тому, что к моменту раскрытия заговора «многие были уже в него вовлечены», лозунги свержения народовластия были в аристократической среде популярны: их подхватили довольно быстро, учитывая, что и формирование первоначального ядра, и вербовка сторонников, и устранение заговорщиков должны были уложиться в ограниченный хронологический отрезок, не

превышающих того, в течении которого афинские контингенты находились в лагере. Платейская битва стала первой после Саламина, в ходе которой инициатива временно вернулась к сухопутным войскам, формирующимся, по законам Солона, из средних и высших имущественных категорий, и хотя биограф не уточняет, на кого именно была направлена их пропаганда, мы можем предположить, что агитации подвергались все те, кто был недоволен усилением беднейших слоев – прежде всего фетов, годом ранее одержавших блестящую морскую победу и на этом основании заслужившие право требовать расширения своих свобод и прав – а под эту категорию «недовольных» подпадали как аристократы, так и просто состоятельные граждане. В условиях военного лагеря различия между двумя этими прослойками в значительной степени стирались; зато усиливались чувства взаимосвязи, идентичности, общности тех черт, что отличали их от основной массы граждан – так, что лидеры заговорщиков могли успешно вести пропаганду, не делая между ними различий. Таким образом, у нас есть все основания утверждать, что образование в Афинах специфической формы аристократической оппозиции господствующему демократическому режиму относится еще ко времени Греко-Персидских войн, и их замкнутые олигархические группировки лишь приобретает в условиях начавшейся в 450-е гг. войны против Пелопоннесской лиги характер колаборацистических организаций.

Специфические изменения происходят на протяжении V в. в сфере греческой культуры и идеологии. Аристократия после утверждения демократического устройства не смирилась с попранием своего господствующего положения и превратилась в оппозиционную силу, выдвинув в качестве главного своего аргумента против демократии мысль о преступном и порочном превосходстве «худших» над «лучшими» (Dem. II. 24-26; XX. 89-91; Ps.-Xen. Ath. Pol., I; Aristot. Pol., IV, 6, 2, 1292 b; Isocr. Areopag., 21: ср.: Soph. Fr. 132/591). Таким образом, молодая демократия с самого своего рождения испытывала на себе действие враждебных ей общественных сил и вынуждена была защищать себя, и прежде всего, новый общественный строй потребовал религиозной и идеологической

легитимации¹⁶⁴. Так, в течении V в. наблюдается рост популярности некоторых персонажей аттической мифологии – героя элевсинского культа Триптолема (Isocr. Paneg., 50)¹⁶⁵, Тесея¹⁶⁶, тираноборцев Гармония и Аристокитона¹⁶⁷. Происходит характерная трансформация образов этих героев: так, Тесей начинает изображаться в виде молодого юноши, что должно было, по-видимому, символизировать молодой демократический строй¹⁶⁸. Характерно при этом, что значительно увеличилось общее количество изображений Тесея на образцах аттической керамики: если в период 575-525 гг. он изображен на 79-ти сосудах из обнаруженных на сегодняшнее время, то к 500-450-му гг. количество ваз с его изображением достигает уже 150-ти наименований. Кроме того, происходит персонификация Демократии и Демоса, которую впоследствии обыгрывает в своих комедиях Аристофан (Equit., 99)¹⁶⁹.

Ярким явлением интеллектуальной жизни Афин V-IV вв. была идея *πάτριος πολιτεία* («благозаконие отцов»), которую активно эксплуатировали сторонники олигархии – в частности, именно данная идея составляет идеологический стержень исократовского «Ареопагитика», в котором оратор противопоставляет идеальное государственное устройство предков порочному господству черни¹⁷⁰. Под *πάτριος πολιτεία* Исократ и другие авторы подразумевали строй времени Солона, и в этом отношении чрезвычайно характерна та эволюция, которую претерпел на протяжении V в. образ этого законодателя: с течением времени Солон все больше

¹⁶⁴Подробнее об идеологических мероприятиях, направленных на легитимизацию демократии в Афинах – см.: Туманс Х. Рождение Афины... – с.409-483; Бергер Л.К. Политическая мысль древнегреческой демократии. – М.,1966.

¹⁶⁵Миф о Триптолеме символизировал особую роль Афин среди других греческих полисов – см.: Туманс Х. Рождение Афины... с.411.

¹⁶⁶Walker H. Theseus and Athens. – Oxf.,1995. – P.50.

¹⁶⁷Могилы Клисфена находилась, согласно античной традиции, рядом с погребением тираноборцев (Paus.I.29).

¹⁶⁸Spahn P. Der Missionar Demeters. Mythen, Mysterien und Politik im Athens Getreide// Journal für Geschichte. – Bd.5, 1980. – S.22.

¹⁶⁹В связи с персонификацией политических понятий, а также ставшим общим местом образом «тирана-демоса» интересным представляется изображение на стеле с надписью 336 г. до н.э., на которой изображена Демократия, увенчивающая венком старца, восседающего на царском троне и символизирующего Демос.

¹⁷⁰Некоторые исследователи полагают, что в данной речи Исократ дает разработку исключительно морально-этических принципов воспитания гражданина – см.: Миллиор, 1936 – с.6. По мнению Исаевой, причины противоречий кроются в той утопической форме, в которую Исократ облек свои идеи – Исаева... - с.79.

превращался в легендарного персонажа, а установленный им государственный порядок идеализировался, приобретая в сознании проолигархически настроенных граждан все черты аристократической утопии, при которой наиболее доблестные и честные граждане на основании справедливых законов управляли массой неразумной, но покорной этим законам черни¹⁷¹. Сторонники же демократии, со своей стороны, активно эксплуатировали образ «отца афинской демократии» Клисфена, противопоставляя его Солону в качестве законодателя, давшего Афинам наилучшее законодательство¹⁷². Впрочем, для анализа идеологической составляющей политической борьбы характерным является то обстоятельство, что к концу столетия многие авторы перестали противопоставлять Солона и Клисфена, и уже некоторые ораторы V-IV вв. называют Солона создателем афинской демократии (Dem., XVIII, 6-7; 251-256; XX, 90-93; 102-104; XXII, 25; 30-32; XXIV, 103; 113; 142; Aesch., I, 25; Andoc., I, 107-108; Isocr. Paneg., 85-106).

Афинская демократия не только эксплуатировала в своих интересах образы героев и богов, успешно модифицируя старых и создавая новых; она предложила афинскому гражданину новый комплекс убеждений и ценностей, полностью заменивший собой традиционную аристократическую мораль. Так, особое значение приобретает идеализация «среднего» образа жизни гражданина, связанная с принципом соблюдения «золотой середины»: умеренность, как главная добродетель не была придумана деятелями демократии, однако связанная с ней морально-этическая система удачно вписывалась в идеологию демократического полиса¹⁷³. Именно умеренность в общественной и частной жизни, примат интересов полиса над частными интересами и любовь к свободе и демократии становятся в V в. главными составляющими «хорошего гражданина»¹⁷⁴. На уровне

¹⁷¹О трудностях восстановления первоначального законодательства Солона – см.: Mossé C. *Comments élaboré un mythe politique: Solon «pere fondateur» de la démocratie athénienne.* — *Annales. Economics. Sociétés. Civilisations.* 1979, É. 34, №3 – s.430-436.

¹⁷²Larsen J. A. O. *Cleisthenes and the Development of the Theory of Democracy at Athens.* — *Essays in Political Theory Presented to George H. Sabine.* Ithaca, 1948.

¹⁷³Идея соблюдения умеренности была актуальной уже в силу социального состава полиса, подавляющую часть населения которого составляли зевгиты – тот самый пресловутый «средний» слой афинского общества.

¹⁷⁴Туманс Х. *Рождение Афины...* - с.411.

же государственных институтов главной чертой демократии, отличающей ее от иных форм, объявлялось господство закона, в то время как при монархии и олигархии интересы государства становятся жертвой произвола правителей. Закономерно возникает вопрос: каким именно образом осуществлялась эта трансформация идей? Надо полагать, что в значительной мере этому способствовала сама обстановка демократического полиса, в котором жизнь гражданина была тесно связана с публичными учреждениями – Народным собранием и судами, роль которых в этот период существенно возрастает. Другим немаловажным фактором общественной жизни был театр, также получивший мощный импульс развития именно в начале V в.: общественное мнение во многом выковывалось на его подмостках, что подтверждается уже тематикой ставящихся на них произведений¹⁷⁵.

Перемены коснулись не только публичных видов искусства, но и более элитарной области знаний – философии: уже Анаксагором из Клазомен, первым известным нам философом демократических Афин, близким соратником и учителем Перикла (Diog. Laert., II, 3), была предложена естественнонаучная картина мира, принципом устройства которого философ провозгласил «не случай или необходимость, но ум, чистый, несмешанный» (Plut. Per., 4)¹⁷⁶. Впрочем, за свое «нечестие» философ был подвергнут суду и покинул Афины¹⁷⁷, что не переломило общей тенденции: следом за Анаксагором в борьбу против традиционных верований вступили софисты, осуществлявшие свою философско-педагогическую деятельность в духе жесткого прагматизма. Так, Протагор объявил «мерой всех вещей» человека¹⁷⁸, а Критий пошел еще дальше, заявив, что богов

¹⁷⁵Софокл в «Антигоне» восхваляет силу человеческого разума (333-359), а в «Электре» он же оправдывает нечестие своих сограждан (245-250; 307-310). Характерной в данном контексте является и критика олимпийских богов в трагедиях Эврипида (Her., 1346; Hipp., 953).

¹⁷⁶Об Анаксагоре и его философской концепции – см.: Бергер А.К. Политическая мысль... - с.180-219

¹⁷⁷Диоген Лаертский приводит несколько версий процесса против Анаксагора: согласно одной из них, философ был осужден по инициативе Клеона – то есть, обвинение исходило из демократического лагеря; согласно трем другим, обвинителями Анаксагора были олигархи – Фукидид или Гермипп, причем в данном случае против философа было выдвинуто обвинение не только в нечестии, но и в «персидской измене» (Diog. Laert. II.3).

¹⁷⁸За свои высказывания Протагор также подвергся преследованиям со стороны «одного из четырехсот правителей» – то есть олигархов (Diog. Laert., IX, 8).

выдумал человек¹⁷⁹. Обращение к философским концепциям в рамках рассмотрения политической борьбы может показаться лишним и случайным, однако тенденция к развенчиванию богов – «общее место» всех революций – представляется интересным феноменом в рамках вполне эволюционного процесса демократизации афинского общества.

Заключение

После изгнания тиранов и установления демократического строя Афинам понадобилось более полувека, чтобы политическое устройство полиса приблизилось к форме зрелой демократии. Период борьбы, развернувшейся внутри государства между реформами Клисфена и наступлением «золотого века» Перикла, был отмечен не только ростом афинского могущества и расширением тенденций демократизации, но и постоянной угрозой со стороны Персии, ставившей под

¹⁷⁹ Frost F. Faith, Authority. And History in Early Athens// Religion and Power in the Ancient World. Proceedings of the Uppsala Symposium. 1993. – Uppsala. 1996. – P.83.

вопрос независимость и само существование греческих государств, и характер политической борьбы, проходившей под знаком Мидийских войн, во многом определялся поставленными ими внешнеполитическими задачами.

В течении первой половины V в. происходит дальнейшее развитие ранее заложенных основ афинской демократии. Афинский демос апробировал и ввел в постоянную практику полисной жизни новые инструменты влияния, одним из которых был остракизм. Первоначально ему подвергались "друзья тиранов", однако уже в ходе 4-ой остракофории был изгнан Ксантипп, сын Арифрона, отец будущего выдающегося политика Афин Перикла (Aristot. Ath. Pol., 22). Есть все основания полагать, что виновником изгнания Ксантиппа был Фемистокл, популярность которого в среде демоса в первой половине 480 -х гг. стремительно росла. Уже тогда им была сформулирована в общих чертах его программа усиления афинского военного флота, на что указывает, в частности, предпринятое им в год своего архонтства (494/3) укрепление гавани Пирей. Для осуществления этого строительства Фемистоклу пришлось преодолеть сопротивление традиционной земледельческой знати, незаинтересованной в расширении морской базы государства и отказывающейся признавать преимущества флота над традиционными сухопутными силами, формирующихся из среднего класса земледельцев и аристократов-всадников. В числе прочих против Фемистокла выступил Мильтиад – бывший тиран Херсонеса Фракийского, прибывший в Афины за несколько лет до персидского вторжения (Herod., VI, 41). Под началом Мильтиада афинянами была одержана знаменитая битва при Марафоне, ставшая одной из наиболее значительных и блестящих побед греческого оружия, которая не только принесла славу Мильтиаду, но и укрепила его и других представителей афинской знати в преимуществах традиционной тактики над новшествами, насаждаемыми сторонниками Фемистокла. Однако уже через год Мильтиад был подвергнут суду и скончался в заключении, оставив в наследство своему сыну Кимону возложенный на него штраф в немислимую для частного лица сумму - 50 талантов (Herod., VI, 134-136; Nep. Milt., I. 7; Plut. Cim., 4). Его обвинителем

выступил Ксантипп, который и сам был вынужден покинуть Афины спустя всего несколько лет после смерти Мильтиада.

Исследование остраконов предоставляет нам уникальную возможность заглянуть за двухтысячелетнюю завесу и "из первых рук" узнать о том, что испытывали по отношению к тому или иному деятелю эпохи его рядовые сограждане, сведения о жизни которых носят в нашей науке столь отрывочный и случайный характер. Так, остраконы надписаны разными почерками и на разных диалектах, а часть из них содержит помимо имени кандидата на "почетное изгнание" также характерные (не всегда переводимые на литературный русский язык) эпитеты и даже целые гекзаметры. Некоторые остраконы, принадлежащие Мегаклу, Каллию и даже Аристиду, содержат обвинения в мидизме, на основании чего мы можем предположить, что данное обвинение было на протяжении 480-70-х гг. общим местом публичной жизни афинского полиса и активно применялось той или иной политической кликой против своих оппонентов. Вопрос о том, имели ли в действительности обвиненные в мидизме афинские граждане отношение к персидскому двору, достаточно сложен. На мой взгляд, подобные обвинения в своей массе не имели сколько-нибудь серьезных оснований и были следствием искусной политической игры.

Деятели Афин периода Греко-Персидских войн, о жизни и деятельности которых сообщают нам античные авторы, принадлежали к одному имущественному классу, и их разногласия носили, соответственно, не социальный, а политический характер. К 480-м гг. главным фактором афинской внутренней политики становится нарастающая угроза со стороны державы Ахеменидов, а способ ее преодоления становится камнем преткновения между умеренными консерваторами и смелыми новаторами, активно выступающими за форсированное наращивание военно-морских сил полиса, которое неминуемо должно было привести к усилению доселе наиболее бесправных классов афинского общества – фетов, из которых формировались экипажи судов. Целесообразность военной модернизации была, по-видимому, одним из самых обсуждаемых вопросов в годы между Марафонским и Саламинским сражениями, а главными участниками

развернувшейся дискуссии были Фемистокл и Аристид, сын Лисимаха, названный за свои выдающиеся моральные качества "Справедливейшим" (Herod., VIII, 79; Plat. Gorg., 526 a-b; Aristot. Ath. Pol., 23-24; Demosth., XXII, 209; Diog. Laert., II, 26). Несмотря на постулируемую нашей традицией непримиримость существующих между политиками противоречий, на мой взгляд данная интерпретация есть ничто иное, как плод художественной обработки исторического материала. Против тезиса о "вечном антагонизме" Аристида и Фемистокла свидетельствуют целые периоды их совместного и продуктивного сотрудничества, один из которых вполне мог относиться еще к 487 г., когда в Афинах была проведена реформа архонтата, осуществленная в интересах обоих деятелей (ср.: Herod., VIII, 79; Thuc., I, 9; Aristot. Ath. Pol., 23; Plut. Aristid., 2). Однако в конце 480-х гг., незадолго до второго персидского вторжения в Грецию, напряжение во взаимоотношениях политиков достигает своей кульминации. Позиция Фемистокла, опиравшегося на беднейших и бесправных фетов, оказалась надежнее, и в 482 г. Аристид был подвергнут остракизму (Herod., VIII, 79; Demosth., XXVI, 6; Arist. Ath. Pol., 22; Demetr. Phaler., FGrHist. 228. F43; Cic. Tusc., V, 105; Nep. Aristid., 1; Plut. Them., 5; Alc., 4; Мог., 186a-b).

Программа Фемистокла была, вопреки сопротивлению традиционной знати, приведена в действие, и в 480 г. Афины в составе Эллинской лиги греческих государств нанесли персидским захватчикам сокрушительное поражение при Саламине, а спустя еще несколько лет стали центром нового союза полисов - Делосской симмахии, созданной с целью окончательного освобождения Греции. Главным организатором союза выступил Аристид, досрочно возвращенный из изгнания накануне Саламинского сражения (Andoc., I, 107; Aristot. Ath. Pol., 22; Nep. Aristid., 1-2; Plut. Them., 11). Его влияние в полисе в связи с предпринятыми им мерами, направленными на утверждение афинского господства, значительно возрос, что подтверждают все данные нашей традиции. Что же касается Фемистокла, то о его положении в Афинах в 470-е гг. исследователи строят разные предположения. На мой взгляд, в этот период Фемистокл продолжает занимать одно из ведущих мест в афинской политике, с той лишь разницей, что теперь его

деятельность осуществляется в основном на гражданском поприще. В военной же сфере в эти годы начинает блистать Кимон, сын Мильтиада, ставший по протекции Аристидом одним из руководителей I Афинского Морского союза. Под руководством Кимона союзные силы одерживают ряд побед над персами, из которых наиболее прославила имя Кимона победа при Эвримедонте.

В то время, как Афины будут продолжать наращивание военно-морских сил, их уставшие от катаклизмов войны союзники в массе своей переведут политику "на мирные рельсы", добровольно признав афинское военное превосходство и ограничив свое участие в союзе уплатой форося. Афины, вставшие с согласия союзников во главе симмахии, очень скоро начали проводить по отношению к союзникам политику тотального контроля и деспотического подавления любых проявлений сепаратизма: под руководством Кимона их автократии подчинились некоторые фракийские полисы, а восстания, вспыхнувшие в ряде государств-членов симмахии были жестоко подавлены. Конкурентом Афин на пути к общегреческому господству стал сложившийся в середине VI в. Пелопоннесский союз – мощный военный блок материковых государств с центром в Спарте. Борьба за союзников между двумя альянсами, начавшись задолго до первого открытого военного столкновения, носила до конца 460-х гг. пропагандистский характер, и если лакедемоняне поддерживали в греческих городах-государствах состоятельные круги населения – носителей олигархических идеалов, то Афины опирались преимущественно на неимущие слои, которых легко было увлечь перспективой воссоздания на почве их полиса "совершенной" афинской демократии. Так, именно по афинскому образцу демократическое устройство было установлено в Элиде (Diod., XI, 54; Paus., V, 9, 5; Hellan., FGH. 4F. 113(90) = Schol. Pind. Ol., III, 12(22))¹⁸⁰, а Сиракузами заимствовали, хотя и в несколько видоизмененной форме, специфически афинскую практику остракизма (Aristot. Pol., V, 2, 11, 1303 a-b; Diod., XI, 72-73; 76; 86-87). Надежды обездоленных граждан греческих государств на помощь адептов афинской демократии, свидетелями торжества которой они стали в 460-е гг., были вполне закономерны, учитывая как выраженную

¹⁸⁰ Swoboda H. Elis // RE. Bd. V. 1905. - Sp. 239.

политическую ориентацию, так возросший военный потенциал афинского государства.

На пути к своему господству афинский демос был вынужден преодолевать сопротивление со стороны представителей аристократии, авторитет которой зиждился на традиционных категориях гомеровской этики - древности происхождения, благородстве и воинской доблести, культивируемых в среде полисной знати. Первый удар по позициям аристократии был нанесен еще в начале VI в. введением имущественного ценза, положившего в основу классового деления единственный критерий - богатство. В результате знатное сословие утратило часть своего влияния, а в системе ценностей афинского общества старинную гомеровскую ἀριτή все более теснил собой олигархический πλοῦτος. Хотя олигархия и выделяется зачастую в особую касту афинской знати, в действительности она была органически связана с традиционной аристократией, с той лишь разницей, что если в начале столетия анклав между представителями знатных афинских семейств еще скреплялись брачными союзами, то к его середине этот традиционный обычай начинает постепенно выходить из обихода. Что же касается точки зрения, опирающейся на Плутарха, согласно которой олигархия - явление уже второй половины столетия, то, на мой взгляд, она справедлива лишь в случае, если подразумевать под олигархией исключительно гетерии заговорщиков, ориентирующихся на Спарту и совместно действующих вопреки законам демократического полиса с целью свержения народной власти. Сами античные авторы не придавали термину ὀλιγοί современного одиозного звучания, подразумевая под ним "немногих" лучших представителей гражданского коллектива, поскольку богатство вело за собой и благородство души (Aristot. Pol., IV, 6, 2, 1292 b). Последним оплотом аристократии в Афинах был совет Ареопага, павший в результате реформы 462 г., осуществленной "простатом демоса" Эфиальтом. На протяжении 17-ти лет после Саламинского сражения члены Ареопага, на основании присвоенных ими новых политических функций, удерживали в своих руках контроль над политической жизнью полиса, подавляя экспансионистские устремления своих сограждан. Однако едва из компетенции

Ареопага были изъяты его дополнительные полномочия и он вернулся к своему традиционному, восходящему еще к царской эпохе статусу судебно-религиозного органа, как афинский демос направил сосредоточенную в его руках военную мощь на завоевание других государств (Plut. Per., 7).

После 462 г. авторитет Афин в Греции достиг своего апогея. Временно занятая подавлением восстания илотов и делами Пелопоннесского союза Спарта не ставила им серьезных препон, и в начале 450-х гг. афинские военные суда доходили уже до устьев Нила и берегов Азии, а на материке Афинами был подчинен ряд беотийских городов (Thuc., I, 109). Впрочем, уже спустя несколько лет афинянам пришлось отказаться от господства на суше, после того как восстановившая силы Спарта утвердила свое господство в континентальной Греции. Первым гражданином Афин становится в эти годы Перикл, сын Ксантиппа, с именем которого традиционно связывают начало "золотого века" греческой культуры.

Время между смертью Клизфена и приходом к власти в полисе Перикла было периодом кровопролитных войн, в ходе которых сталкивались между собой отдельные греческие государства, их альянсы и целые народы. После освобождения Эллады от угрозы порабощения панэллинские тенденции сменились гегемониальными претензиями военных союзов эллинских городов, под знаком борьбы которых за общегреческое господство прошла вся вторая половина V в. В горниле этой борьбы выплавлялся специфический феномен греческой культуры, душой и центром которой становятся Афины. В первой половине V в., как особая форма художественного выражения появляется и достигает своего расцвета греческий театр, тесно связанный с политической сферой жизни полиса; создает свои грандиозные колоссы Фидий, приложивший свое мастерство также и к созданию безупречной архитектуры города – в том числе Парфенона, ставшего одним из символов классической древности; величественные и пластичные образы людей и богов украшают улицы и храмы заново отстроенного после вторжения Ксеркса города, а на его площадях чаще звучат речи ораторов и вольнодумные диалоги адептов философских школ. В этой последней сфере бурные события V в. до н.э. нашли своеобразное преломление: не связанная больше узами гомеровской

этики, философия преодолевает возводимые ей традиционные религиозные рубежи и утверждает господство над жизнью человека силы его разума.

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil 3b. A Commentary on the Ancient Historians of Athens. Vol. 1-2. Leiden, 1954.
2. Аристотель. Сочинения/ Пер. С.А. Жебелева. Т. 1-4. – М., 1983.
3. Аристотель. Афинская полития. – М., 1937.
4. Геродот. История/ Пер. Г.А. Стратановского. – СПб, 2016.

5. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека/ Пер. О. Цыбенко. – СПб., 2005.
6. Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках. / Пер. Н. Н. Трухиной. – М., 1992.
7. Ораторы Греции/ Пер. С. Кондратьева, Э. Юнца. – М., 1985.
8. Павсаний. Описание Эллады./ Пер. С. П. Кондратьева под ред. Е. В. Никитюк. Т. 1-2. – СПб, 1996.
9. Плутарх. Избранные жизнеописания/ Пер. С. Ошерова, С. Соболевского. Т. 1-2. – М., 1987.
10. Фукидид. История/ Пер. Ф.Г. Мищенко. – М., 2012.
11. Эсхил. Софокл. Эврипид. Трагедии/ Пер. Д.С. Мережковского. – М., 2016.

Литература

12. Andrewes A. Sparta and Arcadia in the Early Fifth Cent// Phoenix. 1952. Vol. 6.
13. Barron J. –P. The liberation of Greece// CAH. Vol. 4. 1988. – P. 592 – 622.
14. Berti M. Note storiche e prosopografiche agli di Μυρωνίδης φλυεύς dal Kerameikos di Atene// ΜΕΡ. 1999. Vol. 2. P. 77 – 109.
15. Berve H. Griechische Geschichte, Bd.1, Berlin, 1931.
16. Berve H. Zur Themistokles-Inschrift von Troizen. München, 1961.
17. Bicknell P. Themistocles' Father and Mother// Historia. 1982. Bd. 31. Ht. 2. S. 161 – 173.
18. Bicknell P. J. Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // Historia. 1974. Bd. 23. Ht. 2. S. 146—163.

19. Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. – Wien, 2001.
20. Broneer O. Notes on the Xanthippos Ostrakon // AJA. 1948. Vol. 52. № 2. P. 341 – 343
21. Bröker L.O. Modern Quellenforscher und antike Geschichtschreiber. – 1882.
22. Connor W.R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. – Princeton, 1971.
23. Connor W.R. Lycomedes against Themistocles? A Note on Intra-genos Rivalry// Historia, 1972. Bd. 21. Ht. 4. S. 569—574.
24. Debrumer A. Δημοκρατία// Demokratia. Der Weg zur Demokratie bei den Griechen.– Darmstadt, 1995. S. 55 – 69.
25. Douver K.J. Androtion on Ostracism// CJR. 1963. Vol.13. №3. P. 256—257
26. Finley M. I. Politics in the Ancient World. – Cambridge , 1984.
27. Finley M.I. The fifth-century Athenian empire// Imperialism in the ancient world. – Cambridge, 1978.
28. Forrest W.G. Themistocles and Argos// CQ. 1960. Vol. 10. P. 221 – 241.
29. Fornara C.W. Themistocles' Archonship// Historia. 1971. Bd. 20. Ht. 5. S. 534 – 540.
30. Fornara C.W., Samons L.J. II Athens from Cleisthenes to Pericles. – Berkeley, 1991.
31. Frost F.J. Tribal Politics and the Civic State// American Journal of Ancient History. 1976. 1. 2. P. 66 – 75.
32. Frost F.J. Themistocles' Place in Athenian Politics // CSCA. 1968. Vol. 1. P. 73. P. 105 – 124.
33. Frost F. J. Faith, Authority, and History in Early Athens // RPAGW. P. 83—89.

34. Hansen M.H. *The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983-1989.* – Copenhagen, 1989.
35. Holladay J. *Medism at Athens, 508—480 B. C.* // *G&R*. 1978. Vol. 25. №. 2. P. 174—191.
36. Jameson M .H . *A Decree of Themistokles from Troizen* // *Hesperia*. 1960. Vol. 29. № 2. P. 198—223.
37. Kalinka E. *Die pseudoxenophontische Ἀθηναίων πολιτεία* – Leipzig, 1913.
38. Keaney J. J.t Raubitschek A. E. *A Late Byzantine Account of Ostracism* // *AJPh*. 1972. Vol. 93. №. 1. P. 87—91.
39. Keaney J.J. *Theophrastus on Ostracism and the Character of his NOMOI*// *Aristote et Athenes* . – P., 1993. – P. 261 – 271.
40. Kinzl K. H. *Athens: Between Tyranny and Democracy* // *GEM*. P. 199—223.
41. Lang M. *Ostraka (The Athenian Agora. V. 25)*. – Princeton, 1990.
42. Larsen. J.A. *The constitution of the Peloponnesian League*//*CJph*. 1933. Vol.28
43. Lehmann G. A. *Der Ostrakismos-Entscheid in Athen: vom Kleisthenes zur Ära des Themistokles* // *ZPE*. 1981. Bd. 41. S. 85—99.
44. Lenardon R. J. *The Saga of Themistocles.* – L., 1978.
45. Lewis D.M. *Notes on the Decree of Themistocles*// *CQ*. 1961. Vol. 11. P. 61 – 66;
46. Lewis D.M. *Themistocles and Ephialt*// *CQ*. 1997. Vol. 47. P. 358 – 362.
47. Meyer Ed. *Forschungen zur alten Geschichte.* – Halle, 1899.
48. Osborne R. *Demos. The Discovery of Classical Attica.* – Cambridge, 1995.
49. Ostwald M. *The Areopagus in the Athenaion Politeia* // *Aristote et Athènes.* – Paris, 1993.

50. Raubitschek A.E. Die Rückkehr des Aristeides// *Historia*. 1959. Bd.8. Ht.1. S. 127—128.
51. Raubitschek A.E. A Late Byzantine Account of Ostracism// *AJPh*. 1972. Vol. 93.
52. Raubitschek A. E Athenian Ostracism // *C1J*. 1953. Vol. 48. №. 4. P. 113— 122.
53. Raubitschek A.E. Das Datislied// *Charites: Studien zur Altertumswissenschaft*. – Bonn, 1957. – S.234 – 242.
54. Sealey R. *A History of the Greek City States ca. 700-338 B.C.* – Berkeley, 1976.
55. Schreiner J.H. The Origin of Ostracism Again // *CM*. 1970 (1976). Vol. 31.
56. Strassburger H. Thukydides und die politische Selbstdarstellung der Athener// *Herms*. 1958. Bd. 86. Ht.1. S. 17 – 40.
57. Traill J.S. *The Political Organization of Attica*. – Princeton. 1975.
58. Wallace R.W. *The Areopagos Council, to 307 B.C.* – Baltimore, 1989.
59. Walker H. *Theseus and Athens*. – Oxford., 1995.
60. Williams G. M. E. The Kerameikos Ostraka // *ZPE*. 1978. Bd. 31. S. 103—113.
61. Zahn R. Ostrakon des Themistokles// *MDAI (A)*. 1897. Bd. 22. S. 345—348.
62. Андреев Ю.В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). – СПб., 2004.
63. Белох К.Ю. Греческая история./ Пер. с нем. М.О. Гершензона. Т. 1-2. – М., 2009.
64. Бергер А.К. Политическая мысль древнегреческой демократии. – М., 1966.
65. Бондарь Л.Д. Афинские литургии V-IV вв. до н.э. – СПб., 2009.
66. Бузескул В.П. Введение в историю Греции. – Пг., 1915;
67. Бузескул В.П. История афинской демократии. – СПб., 2013.

68. Бузольт Г. Очерк государственных и правовых греческих древностей. – Харьков, 1890.
69. Виноградов П.Г. История Греции. Лекции 1900/1гг. – М., 1901.
70. Владимирская О.Ю. Алкмеониды и Филаиды афинские. – СПб, 1997.
71. Гинзбург С.И. Малоизвестный византийский источник об остракизме// Античное общество и государство. – Л., 1989.
72. Глускина Л.М. Трезенская надпись с декретом Фемистокла//ВДИ.1963. №4. С. 35 – 52.
73. Грант М. Классическая Греция/ Пер. с англ. В. Федяниной. – М., 1998.
74. Гущин Г. Фемистокл и Аристид: соперники или союзники?// ПИФК. 2010. №3. С. 3 – 20.
75. Гущин В.Р. Талассократия, империя и демократия в Афинах// Мнемон, 2013. №3. С. 13 – 32.
76. Гущин В.Р. Цензовая реформа Солона и кризис в Аттике на рубеже VII-VI вв. до н.э.// ВДИ. 2011. №3. С. 107 – 122.
77. Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота в VI-V вв. до н.э. – Л., 1957.
78. Доватур А.И. Политика и Политии Аристотеля. – М., Л., 1975.
79. Зельин К.К. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н.э. – М., 1964.
80. Кагаров Е.Е. Спорные вопросы, связанные с псевдоксенофоновой «Афинской политией»// Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1914. № 20.
81. Карпюк С. Г. Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. 1986. № 1. С. 17—35

82. Козаржевский А.И. Античное ораторское искусство. – М., 1980.
83. Колобова К.М. Древний город Афины и его памятники. – Л., 1961.
84. Кондратюк М.А. Политическая борьба в Афинах в 324/23 гг. и «процесс Гарпала»// Древний Восток и античный мир. – М., 1980. – С. 158 –180.
85. Коршунков В.А. Эфиальт и значение реформы Ареопага// Античное общество и государство. – Л., 1988.
86. Кудрявцева Т. В. Народный суд в демократических Афинах. – СПб., 2008.
87. Куторга М.С. Персидские войны: Критическое исследование событий эпохи древнегреческой истории. – СПб., 1858.
88. Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Ч.1: Государственные и военные древности. – СПб., 1888.
89. Либерио Л.де. 'Εκτός или 'εντός? Назначение места изгнания (Aristot. Ath. Pol., 22, 8) и остракон против Мегакла// ПИФК. 1998. №5. С. 89 – 95.
90. Лурье С. Я. Геродот. – М., Л., 1947.
91. Лурье С.Я. История Греции. – СПб., 1993.
92. Лурье С.Я. Эксплуатация афинских союзников// ВДИ. 1947. №2. С. 13 – 27.
93. Маринович Л.П. Античная и современная демократия: новые подходы. – М., 2001.
94. Никитюк Е.В. Оратор Андокид и процессы по обвинению в нечестии (ασεβεια) в Афинах на рубеже V-IV вв. до н.э.// Вестник СПбГУ. 1996. №3. С. 23 – 36.
95. Пельман Р.фон. Очерк греческой истории и источниковедения. – СПб., 1999.
96. Покровский А.И. О красноречии у древних эллинов. – Нежин, 1903.

97. Ставнюк В.В. Фемистокл и Афины: деятельность Фемистокла в контексте эволюции афинского полиса. – Киев, 2004.
98. Старкова Н.Ю. К вопросу о хронологии 3-й Мессенской войны// Проблемы историографии всеобщей истории. – Петрозаводск, 1997.
99. Строгоцкий В.М. Гражданский коллектив полиса (проблемы становления и особенности развития в архаический и раннеклассический периоды)// Античный полис. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. – СПб, 1995. С. 5 – 12.
100. Строгоцкий В.М. Геродот и Алкмеониды// ВДИ, 1977. №3. С. 145 – 155.
101. Строгоцкий В.М, Внутривполитическая борьба в Афинах в период Греко-Персидских войн (Фемистокл и Аристид)// Социальная борьба и политическая идеология в античном мире. – Л., 1989.
100. Строгоцкий В.М. Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии – Горький, 1987.
101. Строгоцкий В.М. Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии// Античный мир: проблемы истории и культуры. – СПб, 1998. С. 69 – 83.
102. Строгоцкий В.М. Истоки афино-спартанского соперничества в V в. до н.э. Совещание эллинского союза против персов на Самосе в 479/8 гг.// Проблемы политической истории античного общества: Межвуз. сб. науч. труд. ЛГУ. – Л., 1985. С. 28 – 43.
103. Строгоцкий В.М. Диодор Сицилийский о процессах против Фемистокла и Павсания (XI, 39 – 47; 54 – 59)// ИИАО. №2. С. 3 – 28.
104. Суриков И.Е. Ксантипп, отец Перикла: штрихи к политической биографии// ПИФК. 2000. №8. С. 100 – 109.

105. Суриков И.Е. Δημοτευταί: политическая элита аттических демов в период ранней классики (к постановке проблемы)// ВДИ. 2005. №1. С. 15 – 33.
106. Суриков И.Е. Ostrakismos-Testimonien I. Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487-322 v. Chr.) / Hrsg. von Peter Siewert. Stuttgart, 2002 (Historia - Einzelschriften. Ht 102)// ВДИ. 2005. № 2. С. 175 – 182.
107. Суриков И.Е. Политическая борьба в Афинах и первые остракофории// ВДИ. 2001. №2. С. 118 – 130.
108. Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи: время расцвета демократии. – М., 2008.
109. Суриков И.Е. Аристид «Справедливый»: политик вне группировок// ВДИ. 2006. №1. С.18 – 48.
110. Суриков И.Е. Фемистокл: homo novus в кругу старой знати// История через личность: историческая биография сегодня. – М., 2005. С. 342 – 364.
111. Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII-V вв. до н.э. – М., 2000.
112. Суриков И.Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э.// ВДИ. 1995. №1. С. 23 – 40.
113. Суриков И.Е. Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи// Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч.1. – Казань, 2000. С. 95 – 112.
114. Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды// ВДИ. 1997. № 4. С. 14—35.
115. Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII—V вв. до н. э.). — СПб., 2002.

116. Туманс Х. Псевдо-Ксенофонт – «старый олигарх» или демократ?// ВДИ. 2004. №3. С. 14-27.
117. Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. – Л., 1991.
118. Фролов Э.Д. Из истории политической борьбы в Афинах в конце V в. до н.э. (Андокид и процесс гермокопидов)// Андокид. Речи, или история святотатцев. – СПб, 1996. С. 1 – 23.
119. Фролов Э.Д. События 346/5 – 318/7 гг. до н.э. в отражении эпиграфических источников// ВДИ. 1963. №1. С. 203 – 215.
120. Цуканова М. А. Аристотель о периоде главенства Ареопага после 480 г. до н.э. (к истолкованию «ΤΑ ΕΡΙΓΝΕΤΑ» в «Афинской политике», 25, 2)// Античный мир и археология. 1972. №1. С. 143 – 152.
121. Чистякова Н.А., Вулих Н.В. История античной литературы. —М., 1971.
122. Шувалов В.В. Морская программа Фемистокла// ВДИ. 2006. №2. С. 24 – 42.
123. Шувалов В.В. Проблемы организации I Афинского морского союза// Мнемон. 2002. №1. С. 61 – 70.